

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В.Н. КАРАЗИНА

Е.В. Бондаренко, А.П. Мартынюк,
И.Е. Фролова, И.С. Шевченко

**КАК НАРИСОВАТЬ ПОРТРЕТ ПТИЦЫ:
МЕТОДОЛОГИЯ
КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНОГО
анализа языка**

Харьков – 2017
Издательский центр ХНУ им. В.Н. Каразина

УДК 811.111'42
ББК 81.2 Англ-003
К 16

Рецензенты: **Белехова Л.И.**, докт. филол. наук, профессор кафедры романо-германских языков Херсонского государственного университета;
Колегаева И.М., докт. филол. наук, заведующая кафедрой лексикологии и стилистики английского языка Одесского национального университета им. И.И. Мечникова;
Приходько А.Н., докт. филол. наук, заведующий кафедрой теории и практики перевода Запорожского национального технического университета

Утверждено к печати решением Ученого совета
Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина
Протокол № 6 от 24.04.2017 г.

К 16 **Как нарисовать портрет птицы: методология когнитивно-коммуникативного анализа языка** : кол. монография / [Бондаренко Е.В., Мартынюк А.П., Фролова И.Е., Шевченко И.С.]; под ред. И.С. Шевченко. – Х. : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2017. – 246 с. – Библиограф.: С. 208–245.

ISBN 978-966-285-416-9

Монография посвящена теоретическому осмыслению основополагающих принципов осмысления языка в рамках когнитивно-коммуникативной парадигмы, а также эпистемологической проблемы метода когнитивно-коммуникативных исследований. В работе систематизированы методологические и методические подходы, разработанные в Харьковской когнитивно-дискурсивной школе лингвистики, и обобщены практические данные когнитивно-дискурсивного анализа, соответствующие когнитивно-коммуникативной парадигме науки.

Для лингвистов-когнитологов и дискурсологов, преподавателей, аспирантов, студентов филологических специальностей университетов.

ISBN 978-966-285-416-9

УДК 811.111'42
ББК 81.2 Англ-003

© Бондаренко Е.В., Мартынюк А.П.,
Фролова И.Е., Шевченко И.С., 2017.
© Шевченко И.С., обложка, дизайн, 2017

Е. В. Бондаренко, А. П. Мартынюк,
И. Е. Фролова, И. С. Шевченко

КАК НАРИСОВАТЬ ПОРТРЕТ ПТИЦЫ:

МЕТОДОЛОГИЯ
КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНОГО
АНАЛИЗА ЯЗЫКА

СОДЕРЖАНИЕ

КАК НАРИСОВАТЬ ПОРТРЕТ ПТИЦЫ: вместо предисловия	5
ВВЕДЕНИЕ	8
ОНТОЛОГИЯ ЯЗЫКА В СТРУКТУРНОМ vs. КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНОМ ФУНКЦИОНАЛИЗМЕ: СУБЪЕКТ ↔ ОБЪЕКТ И МЕТОД	12
Стиль мышления как онтология научного познания	12
Классическая онтология языка: структурный функционализм	15
Постнеклассическая онтология языка когнитивно-коммуникативного функционализма	36
Проблема метода когнитивно-коммуникативных исследований	45
Выводы	58
КАРТИНА МИРА И МАТРИЧНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК БАЗОВЫЙ МЕТОД ЕЕ АНАЛИЗА	59
Прикладной потенциал теории картины мира в современных лингвистических исследованиях. Теория картины мира и эколингвистика	59
Картина мира в лингвосоциальной среде	62
Картина мира: гносеология и дискурс	64
Картина мира и коммуникация	69
Картина мира и языковая личность	71
Матричное моделирование компонентов картины мира: основы метода	75
Матричное моделирование в рамках интерпретативной функции картины мира	84
Матричное моделирование в рамках регулятивной функции картины мира	96
Выводы	104
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ДИСКУРСЕ	106
Эпистемы традиционной и когнитивной прагматики и дискурсологии	106
Дискурс как среда конструирования коммуникативных смыслов	114

Концепты коммуникативного поведения: события и признаки	124
Диахронический подход в когнитивной семантике и прагмалингвистике: исторические трансформации концептов	134
Выводы	146
КОНФРОНТАЦИЯ КАК СТРАТЕГИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА	148
Предпосылки анализа конфронтации как дискурсивной стратегии	148
Стратегия как объект лингвистического анализа	151
Стратегия как когнитивно-дискурсивная сущность	157
Конфронтация как тип межличностного взаимодействия	171
Методологические принципы анализа стратегии конфронтации	178
Алгоритм и методики моделирования дискурсивной стратегии	183
Лингвокогнитивные схемы реализации дискурсивной стратегии конфронтации	193
Вербальные характеристики реализации дискурсивной стратегии конфронтации	198
Выводы	202
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	206
Список использованной литературы.....	208
Список справочной литературы	243
Список иллюстративного материала	245

КАК НАРИСОВАТЬ ПОРТРЕТ ПТИЦЫ: вместо предисловия

Проблема методологии и метода в когнитивистике и дискурсологии остается одной из наиболее актуальных с начала XXI века. Эта книга – очередная в серии публикаций, начатой в Харьковском университете монографией о дискурсе 2005 года [Дискурс 2005]. Она отражает сущность когнитивно-дискурсивного подхода, который выработался в Харьковской лингвистической школе, и его исходное положение о том, что дискурс – это единство когнитивного и коммуникативного. И хотя за более чем десятилетие выполнены десятки докторских и кандидатских исследований, изданы монографии и сотни статей, мы рассматриваем эту публикацию как еще одну ступеньку, которая, хотелось бы надеяться, приближает нас к все еще далекой цели – пониманию интерфейса мышления, языка, коммуникации.

Этой книге мы предпослали название – строку Жака Превера «Pour faire le portrait d'un oiseau»*. В этом стихотворении поэт описывает творческий метод достижения озарения:

*«Нарисуйте сначала клетку
С настезь открытой дверцей,
затем нарисуйте что-нибудь
красивое и простое,
что-нибудь очень приятное
и нужное очень
для птицы;
затем
в саду или в роще
к дереву полотно прислоните,
за деревом этим спрячьтесь,
не двигайтесь
и молчите»,*

* Jacques PRÉVERT. Paroles ; [перевод М. Кудинова]. – Paris : Gallimard, 1972.

чтобы, набравшись терпения («можно ждать и годами»), дождаться прилета птицы, которая («Если вообще прилетит!»), может и станеться петь, и это будет знаком, что картина удалась:

*«...если птица поет –
это хороший признак,
признак, что вашей картиной
можете вы гордиться
и можете вашу подпись
поставить в углу картины,
вырвав для этой цели
перо у поющей птицы».*

Превьер перечисляет, как много нужно сделать, чтобы в итоге нарисовать птицу. Его рисунок – аллегория процесса получения вечно ускользающего знания: алгоритма поиска и критериев истинности результата.

И картина мира, и дискурс – сложные антропоцентрические системы; с приближением к осознанию их сущности перед исследователем открываются новые неизведанные горизонты, и, как ни парадоксально, возникают новые проблемы как в когнитивном, так и в коммуникативном аспекте. Сказанное объясняет, почему дискурс – единство когнитивного и коммуникативного аспектов – так сложно изучить на основании узкоспециальной методологии, а на его исчерпывающее описание вряд ли можно надеяться. В когнитивной лингвистике, прагматике, дискурсологии мы сталкиваемся с проблемами неуклонно растущего числа теорий, порой достаточно противоречивых и даже отрицающих предыдущие. Еще одной проблемой, неожиданной в век глобализации, становится разобщенность исследователей и школ по языковым, финансовым, а порой и политическим мотивам.

Работая бок о бок в классическом университете Харькова, мы осознали неизбежность первых проблем и счастливо избежали вторых. Требования унификации подходов и методов, на наш взгляд, бесполезны и даже вредны, пока эти теории логичны и доказательны, иначе одни идеи рискуют быть возведены в абсолют, а другие незаслуженно отсекаются, переходят в научный андеграунд. Скорее стоит, по совету Превьера, нарисовать «клетку» со всем необходимым для нашей «птицы»-языка, то есть, используя непротиворечивые подходы современной лингвистики – лингвокогнитивистики, концептологии, когнитивной прагматики и когнитивной дискурсологии – создать строго научные разнонаправленные и разносторонние модели языковой картины мира и дискурса.

Цель нашей книги – поиск метода; попытка сформулировать принципы и алгоритмы когнитивно-коммуникативных исследований языковой картины мира и дискурса на англоязычном материале и описать:

- онтологию языка с точки зрения когнитивно-коммуникативной функциональной мегапарадигмы науки;
- языковую картину мира и матричное моделирование как базовый метод ее анализа;
- когнитивно-коммуникативный подход к анализу дискурса и концептов коммуникативного поведения в синхронии и диахронии;
- методологию, алгоритм и методики анализа дискурсивной стратегии конфронтации как типа межличностного взаимодействия.

В этой книге авторы с благодарностью вспоминают своих учителей, которые зародили интерес к науке, поддерживали каждого из нас в наших разработках, своим примером высокой интеллигентности помогали становлению и как исследователя, и как личности: это Г.Г. Богин, А.И. Дородных, Г.В. Ейгер, Г.Г. Почепцов, Б.И. Роговская, Н.И. Сукаленко, И.П. Сусов.

Мы искреннее благодарны нашим коллегам и друзьям за принципиальное и дружеское обсуждение самых насущных и нерешенных научных вопросов: А.Д. Беловой, Л.И. Белеховой, О.П. Воробьевой, С.А. Жаботинской, В.И. Карабану, И.М. Колегаевой, В.И. Карасику, А.Н. Приходько, И.А. Стернину, Г.Г. Слышкину, В.Е. Чернявской.

Наша признательность – коллективу профессоров ХНУ, которым мы обязаны постоянным творческим общением: Л.Р. Безуглой, П.Н. Донцу, Е.И. Морозовой, В.А. Самохиной, Л.В. Солощук и всем коллегам, с которыми нам посчастливилось более 20 лет работать в специализированном совете по защите диссертаций в ХНУ имени В.Н. Каразина. Мы признательны декану факультета иностранных языков В.Г. Пасынок за многолетнюю поддержку нашей работы и заместителю декана Н.А. Онищенко, которая постоянно вдохновляет нас своей безграничной преданностью науке.

Мы сердечно благодарны доценту В.А. Гуторову за тщательную экспертизу книги и Л.П. Зябченко и Я.Е. Григорович, которые самоотверженно готовили эту рукопись к печати.

ВВЕДЕНИЕ

Интегративные процессы, присущие современной науке в целом, соответствуют экспансионистскому характеру антропоцентрической лингвистики и приводят к становлению когнитивно-коммуникативной парадигмы знаний, в которой дискурсивная деятельность рассматривается на базе внутренних ментальных процессов.

Цель данной монографии состоит в теоретическом осмыслении эпистемологической проблемы метода когнитивно-коммуникативных исследований. В теоретическом плане этой цели подчинены задачи описания основополагающих принципов когнитивно-коммуникативного подхода по сравнению со структурным подходом в рамках функциональной мегапарадигмы. В практическом аспекте книга предлагает апробированные методы и алгоритмы моделирования картины мира, анализа концептуализации явлений коммуникативного взаимодействия стратегий и тактик дискурса в синхронии и диахронии и содержит результаты их исследований на материале английского языка.

Актуальность проблемы обусловлена необходимостью систематизировать материал, накопившийся в результате множества разноплановых когнитивно-коммуникативных исследований последних лет, и определить принципы лингвистического анализа, отвечающие когнитивно-коммуникативной парадигме науки.

Соответственно, объект рассмотрения в этой книге – основополагающие принципы когнитивно-коммуникативных исследований языка, а предмет – воплощение этих принципов в конкретных методиках лингвистического анализа языкового сознания и англоязычного дискурса.

Работы современной Харьковской школы когнитивно-дискурсивной лингвистики восходят к учению о связи языка и мышления Александра Афанасьевича Потебни, основавшего эту школу в XIX веке. Это базовые положения о языке как механизме порождения / формирования мысли, о коммуникации как творческом социально обусловленном диалогическом процессе рождения новой мысли [Потебня 1989].

Теоретико-методологическим основанием исследований Харьковской школы когнитивно-дискурсивной лингвистики служат постулаты экспансионизма, антропоцентричности, (нео)функционализма и экспланаторности [Кубрякова 1994: 5], трактуемые в рамках эколингвистики.

Экспансионизм современной лингвистической науки состоит в возможности распространения опыта исследования языка и речи на области философии, истории, (этно)психологии, нейрофизиологии, нейролингвистики и нейрокогнитивистики, культурологии, социологии и политологии, что обеспечивает филологу возможность изучения релевантных явлений с привлечением аппарата названных отраслей.

Антропоцентричность лингвистики, приоритет человеческого фактора в языке и речи позволяет трактовать языковую систему и функцию (речь) как инструмент и результат когнитивно-коммуникативной деятельности субъекта. Особое значение при этом приобретает постнеклассическая трактовка основополагающего деятельностного подхода, позволяющая объяснить семиозис как конструирование смысла в дискурсе / коммуникации.

Взгляд на языковые явления в когнитивно-коммуникативном ракурсе также определяет неофункциональность лингвистики. Эта установка проявляется в подходе к языку «в действии». С одной стороны, рассматривается роль языка в получении, обработке, закреплении и хранении знаний о мире как продукте когниции человека. С другой, язык изучается как средство передачи информации в коммуникации разного типа или инструмент воздействия на человека.

Экспланаторность лингвистики является результатом комбинирования всех названных выше установок, что дает возможность не только описать языковые явления, но и дать им убедительное и исчерпывающее объяснение.

Экологический принцип когнитивно-коммуникативных исследований исходит из трактовки языка / дискурса как средства осуществления мышления, формирования общества, культуры, и одновременно как их продукта [van Lier 2002: 145].

Изложенные принципы положены в основу нашей трактовки **ключевых понятий когнитивно-коммуникативных исследований**:

- языковое **значение** понимается сквозь призму когниции; значение семантическое и прагматическое не противопоставляются, поскольку представляют собой единый комплекс психического опыта. Значение, схваченное знаком (или концепт, по М.В. Никитину [2008]), социально и ситуативно обусловлено и базируется на эмоциональном и телесном опыте. Роль языкового знака состоит в активации лексически представленного концепта, являющегося частью сложно организованной семантической сети,

и «запуске» интенциональных / неинтенциональных, осознаваемых / неосознаваемых инференционных процессов.

- **Картина мира** – это динамичная когнитивная структура, глобальное представление ее автора о мире, полученное в результате обобщения чувственного опыта познания. Картина мира является результатом и регулятивным фактором всей деятельности человека, включая лингвокоммуникативную, в природной и социальной средах. основополагающая роль картины мира в языке и речи обусловлена ее решающим влиянием на: (1) семантическое пространство языка, объективированное в системных единицах (языковой картине мира); (2) характер коммуникации в ее ролевом аспекте; (3) тип дискурса, в рамках которого осуществляется коммуникация; и (4) структуру языковой личности. Картина мира состоит из **концептов** – «квантов знания» [Кубрякова 1996: 90] и моделируется в виде разнообразных концептуальных структур, одной из которых является матрица доменов.

- **Коммуникация** – это целенаправленное, мотивированное, регулятивное семиотическое взаимодействие, направленное на установление общих ориентиров в жизненном пространстве на основе выработки общих смыслов – способ и условие выживания человека. Коммуникативное взаимодействие обеспечивается семантической сетью, представляющей собой единую систему с нейронной сетью мозга, которая увязывает весь психический опыт человека по принципу семантических ядер через осознаваемую и неосознаваемую динамику ассоциативных связей.

Понимание в коммуникации возникает в силу формирования общих ассоциативных связей при фокусировании внимания коммуникантов на общем объекте (референте), соотносимом с лексически представленным концептом. Такие связи формируются благодаря принадлежности индивидов к одному биологическому виду и к одному лингвокультурному социуму, что обеспечивает им общность физического, социального и психического опыта.

Ментальные представления о нормах и традициях коммуникативного поведения определенной лингвокультуры – концепты коммуникативного поведения – отражены в сознании индивида как модели речевых событий / актов или признаков коммуникативного поведения. Первые – событийные концепты коммуникативного поведения – схематично представлены как динамичный фрейм-сценарий, вторые – признаковые концепты – характеризуют коммуникативную ситуацию в целом, служат этическими регулятивами в соответствии с социокультурными доминантами эпохи и задают слот качества во фремовом представлении коммуникативной ситуации.

- Коммуникативное взаимодействие, специфицированное социально-психологическими контекстами, соотносимо с понятием дискурса. **Дискурс** – это интегральный феномен, мысле-коммуникативная деятельность, единство процесса и результата. С точки зрения эколоингвистики, дискурс – средство формирования социальных отношений и одновременно их продукт.

Дискурс является многоаспектной когнитивно-коммуникативно-языковой системой-гешталтом, которая определяется совокупностью трех аспектов: конструированием смыслов, формированием идей и убеждений (когнитивный аспект), взаимодействием коммуникантов в определенных социально-культурных контекстах / ситуациях (социально-прагматический аспект) и использованием знаков, вербальных и паравербальных (языковой аспект). Отдельные аспекты дискурса неразрывны: прагматические и социокультурные аспекты имеют когнитивно-психологическое основание, а когнитивные основаны на коммуникативном опыте, поэтому их разделяют только в эвристических целях. Предпочтение когнитивного либо коммуникативного векторов анализа, как и их интегральное применение, обусловлено конкретным объектом изучения и целями исследователя.

- Единство когнитивного и коммуникативного аспектов дискурса проявляется в его стратегиях. **Стратегия** дискурса представляет собой вербально реализованное коммуникативное намерение говорящего, сформированное на основе знания о стереотипных моделях коммуникативного поведения. Это знание, являющееся частью лингвокультурного концепта, оценивается индивидом как адекватное для достижения желаемой внеязыковой цели в конкретной ситуации общения и актуализируется высказываниями, в которых опорами стратегического смысла служат лексические единицы или/и функциональные характеристики высказывания. Определение и описание дискурсивной стратегии осуществляется путем построения ряда взаимодополняющих моделей.

Разделяя эти общие принципы, авторы книги свободны в их конкретных истолкованиях, что способствует многообразию и развитию науки.

Отдельные разделы этой монографии написаны Е.В.Бондаренко («Картина мира и матричное моделирование как базовый метод ее анализа»), А.П. Мартынюк («Онтология языка в структурном vs. когнитивно-коммуникативном функционализме: субъект ↔ объект и метод»), И.Е. Фроловой («Конфронтация как дискурсивная стратегия: теория и методология анализа»), И.С. Шевченко («Вместо предисловия», «Концептуализация коммуникативного поведения в дискурсе»). Введение и заключение – плод совместной работы авторов; общая редакция текста и оформление – И.С. Шевченко.

ОНТОЛОГИЯ ЯЗЫКА В СТРУКТУРНОМ vs. КОГНИТИВНО- КОММУНИКАТИВНОМ ФУНКЦИОНАЛИЗМЕ: СУБЪЕКТ ↔ ОБЪЕКТ И МЕТОД

Стиль мышления как онтология научного познания

Лингвистический структурный и когнитивно-коммуникативный функционализм различаются соответственно стилю мышления, определяющему онтологию объекта исследования.

Термин «стиль мышления» здесь понимается в трактовке Макса Борна – как «общие тенденции мысли, изменяющиеся очень медленно и образующие определенные философские периоды с характерными для них идеями во всех областях человеческой деятельности, в том числе и в науке. Стили мышления – стили не только в искусстве, но и в науке» [Борн 1963: 227].

В научном обиходе также употребляются близкие по значению термины «философия языка» и «парадигма». Термином «философия языка», возникшем в конце XVIII – начале XIX веков в ряду таких номинаций, как «философия истории», «философия искусства», «философия права», здесь, вслед за Юрием Сергеевичем Степановым, обозначается совокупность взглядов на язык, связанных с определенным философским течением [2010: 4].

Термин «парадигма», первое употребление которого относят к началу 60-х годов прошлого века и приписывают Томасу Сэмюэлу Куну, также понимается в интерпретации Ю.С. Степанова. Применительно к языкознанию Ю.С. Степанов определяет парадигму как «господствующий в какую-либо эпоху взгляд на язык, связанный с определенным философским течением и определенным направлением в искусстве, притом таким именно образом,

что философские положения используются для объяснения наиболее общих законов языка, а данные языка в свою очередь – для решения некоторых (обычно лишь некоторых) философских проблем» [Степанов 2010: 4].

«Стиль мышления» представляется наиболее общим термином, определяющим конкретно-исторические тенденции научной мысли, сложившиеся на основе осмысления естественнонаучных открытий определенного периода, формирующие ту или иную научную картину мира и опирающиеся на философскую платформу, порождаемую этой картиной мира.

В таком понимании «стиль мышления» сродни «онтологии» в системе понятий Рома Харрэ и Гранта Жиллета, противопоставляющих механистическую «онтологию Ньютона» дискурсивной «онтологии Выготского» [Harré, Gillet 1994: 29–30] в контексте «дискурсивного поворота» (discursive turn) [Harré 1995: 146], т.е. пересмотра классических методологических оснований научного анализа. В предложенном ими контексте онтология предстает не как раздел философии, рассматривающий проблемы бытия, а как научный метод вычленения и представления предмета анализа из совокупного объекта познания. Соответственно, критерии различения стилей мышления включают: 1) модель отношений между субъектом и объектом познания; 2) представление о природе объекта и принципах его организации; 3) метод анализа объекта.

Результаты изучения работ, посвященных проблеме стилей мышления в науке [Бернал 1956; Кун 1977; Музыка, Попов 2005; Розин 2008; Стёпин 1999; Фейерабенд 1986; Черникова 2007; Щедровицкий 1996] с учетом данных критериев, позволяют выделить:

1. Классический (механистический) стиль мышления (сформировался в XVII–XIX веках на основе достижений классической науки и покоится на объективизме):

- Познающий субъект наблюдает объект – существующий независимо от него материальный мир – со стороны. Задача субъекта познания состоит в построении объективной картины мира путем описания объектов такими, какими они есть «сами по себе», без вмешательства субъекта.

- Объекты исследования – стойкие макроскопические тела – рассматриваются как простые механические системы: свойства целого исчерпываются свойствами частей; основным типом отношений между элементами системы есть каузативный детерминизм, лежащий в основе законов классической механики, описываемых математическими формулами.

- Условием объективности знания является исключение из исследования всего, что относится к субъекту, средствам и операциям его познавательной деятельности (объективизм). Знание непосредственно соотносится с реальностью (прямой онтологизм). Считается, что из двух возможных

альтернативных теоретических описаний одного и того же данного в опыте объекта истинным может быть только одно (монотеоризм).

2. Неклассический стиль мышления (возник на рубеже XIX–XX веков как реакция на научные открытия второй половины XIX – начала XX веков и основывается на субъективизме):

- Объект «растворяется» в субъекте, так как объективная реальность познается через ощущения субъекта. Субъект не способен дать объективное представление о сущностях и отношениях между ними, поскольку не природа открывает ему свои законы, а субъект познания сам устанавливает законы, упорядочивая свои субъективные ощущения.

- С открытием делимости атома объектом анализа становятся не только макро-, но и микросистемы. Становится ясным, что целое не исчерпывается свойствами частей; необходимо учитывать системное качество целого. Причинность не сводится к детерминизму и дополняется идеей вероятности.

- Содержание знания ставится в зависимость от метода и средств познания, что ставит под сомнение абсолютное тождество мышления и бытия (методологизм). Допускается доля истинности в нескольких альтернативных теориях, описывающих один и тот же объект (политеоризм).

3. Постнеклассический стиль мышления (сложился на рубеже XX–XXI веков как результат осмысления научных открытий второй половины XX – начала XXI веков). Философские основания постне-классического стиля мышления, обеспечивающие обоснование картины исследуемой реальности на основе преодоления разрыва субъекта и объекта познания, еще не получили однозначного определения:

- Субъект познания неотделим от объекта.
- Объект познания мыслится как сложная динамичная система, с необходимостью включающая человека – субъекта познания. Поведение системы предполагает синтез детерминизма, вероятности и многовариантности. Свойства объекта познания не столько присущи объекту самому по себе, сколько порождены способом установления таких свойств познающим субъектом в процессе взаимодействия с объектом.

- Изучить объект «сам по себе», без вмешательства целеустремленно действующего субъекта в принципе невозможно. Принципиально неустраима зависимость процесса и результата познания от жизненных ценностно-целевых (как осознаваемых, так и неосознаваемых) установок субъекта, определяемых социально-культурным контекстом конкретной исторической эпохи.

Классическая онтология языка: структурный функционализм

Хотя структурализм и функционализм традиционно осмысливаются как две различных лингвистических парадигмы, при ближайшем рассмотрении они демонстрируют не меньше сходств, чем различий, дополняя друг друга как в историческом процессе смены лингвистических учений, так и в синхронно существующих теориях.

Прародителем структурализма в языкознании принято считать Ф. де Соссюра, а основные гносеологические идеи – связывать с представителями наиболее ярких лингвистических школ первой половины XX века – Датской, Пражской, Лондонской и Американской.

Функционализм довольно сложно привязать к конкретным географическим координатам и лингвистическим школам. Вместе с тем, нельзя и не обратить внимания на тот факт, что ключевые идеи функционализма были высказаны Пражскими и Лондонскими структуралистами.

Методологически структурализм опирается на постулаты неопозитивизма – субъективистского философского течения, сформировавшегося на базе идей Венского кружка (Мориц Шлик, Рудольф Карнап, Альфред Айер, Уиллард Куайн и др.), созданного в Венском университете в 20-е годы XX века. В самом общем виде, **гносеологическая концепция неопозитивистов** сводится к таким положениям [ФЭС 2004]:

1. Всякое знание есть знание о том, что дано субъекту в чувственном восприятии. Отдельные чувственные впечатления не связаны между собой. Вне чувственных впечатлений нет никакой реальности, во всяком случае, субъект ничего не может сказать о ней.

2. Поскольку лишь только данное в чувственном восприятии обладает для субъекта абсолютной достоверностью, всякое подлинно научное предложение должно быть сводимо к предложению, выражающему чувственно данное, т.е. «протокольному» предложению. Истинность «протокольного предложения» является несомненной для субъекта. Совокупность протокольных предложений образует твердый базис науки, а сведение всех остальных научных предложений к «протокольным» служит гарантией несомненной истинности всего научного знания.

3. Все функции знания сводятся к описанию, фиксации чувственных впечатлений. Объяснение и предсказание – конститутивные слагаемые всякого научного метода – исчезают. Объяснить чувственное переживание можно было бы, только апеллируя к его источнику – внешнему миру. Неопозитивисты отказываются говорить о внешнем мире и, следовательно, отказываются от объяснения. Предсказание должно опираться на существен-

ные связи явлений, на знание причин, управляющих их возникновением и исчезновением. Неопозитивисты отвергают существование таких связей и причин. Отсюда отрицание ценности философии, которая всегда стремится объяснить то, что лежит за ощущениями, вырваться из узкого круга субъективных переживаний. С точки зрения неопозитивистов, единственное, в чем философия может быть хоть сколько-нибудь полезна, так это в анализе научных предложений и в разработке способов их сведения к «протокольным» предложениям. Так философия отождествляется с логическим анализом языка.

Эти воззрения подпитываются субъективизмом Эрнста Маха, до 1901 г. заведовавшего кафедрой философии в Венском университете. Стремясь разрешить кризис в науке в конце XIX – начале XX веков, возникший в связи с новыми открытиями, не вписывающимися в механистическую онтологию Ньютона (с помощью нового истолкования исходных понятий этой онтологии), Э. Мах [2005] утверждает, что мир есть «комплекс ощущений», а всякий закон есть не что иное, как упорядочивание этих ощущений. По мнению ученого, критерий научности заключается в том, чтобы признать связь между миром (сущностью) и «я» (ощущением) и исходить из этой связи для выработки ясного понятия о сущностях, отказавшись от попыток объяснить онтологию самих сущностей.

Неопозитивизм является составляющей частью **аналитической философии** – англо-американской философской традиции, сформировавшейся в 20–30-е годы XX века на основе идей Готлоба Фреге, и объединившей такие крупные направления гуманитарной мысли, как философия здравого смысла Джорджа Мура, логический атомизм Бертрانا Рассела, собственно, логический позитивизм представителей Венского кружка и Львовско-Варшавской школы (Казимеж Айдукевич, Тадеуш Котарбинский, Станислав Лесьневский, Альфред Тарский и др.), философия обыденного языка Оксфордской школы (Джон Остин, Питер Стросон, Джон Сёрл и др.), концепции раннего и позднего Людвиг Витгенштейна, а также впитавшей в себя прагматизм Чарльза Пирса и бихевиоризм Чарльза Морриса.

На этом этапе изложения остановлюсь подробнее лишь на идеях Г. Фреге и Л. Витгенштейна, оказавших наибольшее влияние на формирование гносеологической концепции неопозитивизма и, соответственно, структуралистских принципов описания языка.

Готлоб Фреге в статье «Смысл и значение» (1892 г.) представляет значение как чувственно воспринимаемый объект, а *смысл* – как объем признаков объекта: если имя ассоциируется с определенным смыслом, то содержание этой ассоциации устанавливает отнесенность имени к действительности. Кроме того, ученый вводит в свою систему понятий представление.

Для объяснения этой системы понятий он использует метафору Луны и телескопа. Луну Г. Фреге сравнивает со значением, т.е. предметом наблюдения – чувственно воспринимаемым объектом. Предмет наблюдения опосредован реальным образом, образующимся на линзах внутри телескопа, и образом на сетчатке глаза наблюдателя. Образ на линзах телескопа приравнивается к смыслу (он объективен), а образ на сетчатке глаза – к представлению (он уникален и субъективен) [2000: 233].

К сожалению, описание естественного семиозиса здесь заканчивается в его исходной точке – на сетчатке глаза наблюдателя. Г. Фреге устраняет ментальные образы из содержания языковых выражений, тем самым «отключая» сознание от тела и оставляя ему роль контейнера, обладающего набором параметров, достаточных для производства логических мыслительных операций для вычисления истинностного значения языковых выражений в рамках предложения. Смысл предложения понимается как выраженная в нем мысль в терминах отношения субъекта к предикату пропозиции, которые Г. Фреге предлагает свести к отношениям аргумента и функции, а значение – как соответствие этой мысли реальному состоянию дел в объективном мире. По убеждению Г. Фреге, именно исследование значения как отношения, «извлекаемого» из референциальной соотносительности языковых выражений с объектами реального мира, позволяет реализовать стремление научного познания к истине [2000: 235].

Людвиг Витгенштейн в своем «Логико-философском трактате» (1921 г.) исходит из того, что мир устроен так же, как язык классической математической логики: «Мир – совокупность Фактов, но не Вещей» [2005: 20]. Действительность распадается на отдельные «атомарные» факты, которые могут объединяться в более сложные, «молекулярные» факты. Атомарные факты независимы друг от друга: «Мир раскладывается на факты. Им может случиться быть или не быть, все прочее остается прежним» [там же: 22]. Поскольку атомарные факты никак не связаны друг с другом, в мире нет никаких закономерных связей: «Вера в существование причинной связи является Суеверием» [там же: 140].

Поскольку действительность представляет собой лишь различные комбинации атомарных фактов, постольку и наука должна быть не более чем комбинацией атомарных предложений, отображающих факты и их различные сочетания: «Для Вещи существенно, что она может быть составной частью Положения Вещей. Вещь сама по себе не является логическим строительным материалом для Мира, она выступает лишь в контексте атомарного Положения Вещей. Логика не изучает слова, она изучает предложения. Поэтому и философия должна изучать не сами Вещи, а те положения,

которые они принимают, будучи соединены друг с другом, – т.е. Факты» [Витгенштейн 2005: 20].

Важно понять, что структура предложения у Л. Витгенштейна совпадает со структурой факта, поэтому истинное предложение у него абсолютно истинно, т.е. оно не только верно описывает некоторое положение дел, но и своей структурой отображает структуру этого положения дел. Поэтому истинное предложение не может быть ни изменено, ни отброшено. Все, что претендует на выход за пределы этого «одномерного» мира фактов, все, что апеллирует к связям фактов или к глубинным сущностям, должно быть изгнано из науки: «Корректным методом Философии был бы следующий: не говорить ничего, кроме того, что можно сказать, то есть кроме естественно научных Пропозиций – то есть того, что не имеет с Философией ничего общего, – и тогда всегда, когда кто-то другой захочет сказать нечто метафизическое, указать ему на то, что он в своих Пропозициях не снабдил никаким Значением некоторые Знаки» [там же: 217].

Один из критиков аналитической философии, Эрнест Андре Геллнер, характеризует это направление на основе нескольких методологических приемов доказательства, которые он называет «столпами» аналитической философии языка. Первым и основным есть «аргумент парадигмы», т.е. обоснование определяющей роли языка по отношению к природе вещей. Предметы объективной действительности ставятся в зависимость от существования слов, их обозначающих (материальные объекты существуют, потому что в языке есть слова, называющие эти материальные объекты), а различные состояния предмета – от определенной системы формообразования соответствующего слова (парадигмы) [1962: 45–46].

Общий гносеологический источник структурализма связан с фетишизацией формального аспекта познания, вырастающей из отчуждения его знаковых средств и преувеличения познавательных функций математической логики. Аппарат математической логики используется для исчисления значения языковых выражений: счетное множество базовых символов, множество символьных записей, называемое формулами, принятое подмножество априори истинных формул (аксиом) и конечное множество отношений между формулами, называемое правилами вывода. Как следствие, возникает иллюзия, что значение языковых знаков может быть переведено в объективные формальные категории. Парадокс заключается в том, что, с одной стороны, из этих объективных формальных категорий исключают продукты отражательной деятельности субъекта, составляющие содержание сознания, а с другой – их наделяют функцией выражения мысли. Так, возникнув на почве субъективизма, с позиций которого мир есть «комплексом ощущений субъекта», логический анализ языка

стремится исключить субъекта познавательной деятельности из научного описания.

Из фетишизации формального аспекта познания следует требование строгого, приближающегося к точным наукам формального описания языка, сформировавшее основную гносеологическую идею структурализма.

Это требование было сполна реализовано **прародителем структурализма Фердинандом де Соссюром**. Конечно, Ф. де Соссюр не мог быть знаком с воззрениями неопозитивистов, но его «Курс общей лингвистики» (1916 г.) как нельзя лучше отвечает их методологическим постулатам. Онтология языка Ф. де Соссюра проникнута субъективизмом Эмиля Дюркгейма, разделявшего позитивистское убеждение, что объективный мир существует лишь в той мере, в какой он воспринимается нашим сознанием и утверждавшего, что вне человека существует лишь так называемый «социальный факт». Характерные черты «социального факта» проявляются в том, что он является принудительным по отношению к человеку, заставляя его подчиняться и предписывая ему определенное поведение [1991: 412–413]. Пытаясь одним из первых создать точный метод для исследования социальных феноменов, Э. Дюркгейм в качестве основного требования к такому методу предъявляет позитивистский отказ от метафизических философских абстракций. Вместе с тем, ученый полагает, что факты не имеют смысла до тех пор, пока они не классифицируются, а на их основании не выводятся законы. Существование и свойства различных частей общества Э. Дюркгейм объясняет, исходя из тех функций, которые они каждодневно исполняют. При этом общество для него представляет собой величину большую, чем сумма его частей [Thompson 2002]. Эти взгляды позволяют считать Э. Дюркгейма предвестником структурного функционализма – методологического подхода в социологии и социокультурной антропологии, состоящего в трактовке общества как социальной системы, имеющей свою структуру и механизмы взаимодействия структурных элементов, каждый из которых выполняет собственную функцию [CODS].

В концепции языка Ф. де Соссюра язык также представляет собой систему, имеющую иерархическую структуру и механизмы взаимодействия (правила) взаимосвязанных структурных элементов, существующих лишь в силу наличия у них той функции (значимости), которой они облечены в этой системе. Структурные элементы системы – языковые знаки – предстают как психические билатеральные сущности, состоящие из означающих, произвольно связанных с означаемыми, и обладающих конвенциональным значением. Обе стороны знака принадлежат миру идеального [Соссюр 1977: 98–102]. Это продукты мыслительно-языковой деятельности, про-

изведенные специально для осуществления знаковой функции, т.е. передачи информации. Знание языка предполагает знание соотношений форм-значений и правил их комбинирования. При этом язык «не есть функция говорящего субъекта, он пассивно регистрируется индивидом», который «сам по себе не может ни создать, ни изменить его» [там же: 207].

Как и представители аналитической философии языка, Ф. де Соссюр исходит из предопределенности восприятия предметного мира системой языка: «Славянские языки последовательно различают в глаголе два вида: совершенный вид представляет действие в его завершенности, как некую точку, вне всякого становления; несовершенный вид – действие в процессе совершения и на линии времени. Эти категории затрудняют француза, потому что в его языке их нет; если бы они были предустановлены (вне зависимости от языка), таких затруднений бы не было. Во всех случаях мы, следовательно, находим вместо заранее данных понятий значимости, вытекающие из самой системы языка» [там же: 149].

Вопрос онтологического статуса языка выносится за скобки. «В противовес часто встречающемуся ошибочному мнению», – пишет Ф. де Соссюр, – «язык не есть механизм, созданный и приспособленный для выражения понятий» [там же: 92]. В его представлении, язык бытует лишь в нашем восприятии. Язык есть абстракция, система чисто лингвистических отношений, игра нашего разума. Экстралингвистические факторы оказывают влияние на язык, но не затрагивают внутреннюю систему языка: «Язык есть система, подчиняющаяся своему собственному порядку. Уяснению этого положения может помочь сравнение с игрою в шахматы, в отношении которой сравнительно легко понять, что в ней внешнее и что внутреннее: тот факт, что эта игра пришла в Европу из Персии – внешнего порядка; напротив, внутренним является все то, что касается системы и правил игры. Если я деревянные фигуры заменю фигурами из слоновой кости, такая замена безразлична для системы, но если я уменьшу или увеличу количество фигур, такая перемена глубоко затронет «грамматику» игры. Поэтому, вообще говоря, нет никакой необходимости знать условия, в которых развивается тот или иной язык» [там же: 45].

Именно благодаря Ф де Соссюру в лингвистике на столетие вперед прочно укоренилось представление о языке как системе систем: иерархической структуре, состоящей из четко выделяемых элементов разных уровней, представляющих собой произвольные соотношения означающих и означаемых. Ему же лингвистика обязана и незыблемой верой в то, что сущность языка можно раскрыть, выявив конечное множество составляющих языковой системы и правила их комбинирования. Эти положения составляют квинт-эссенцию структурализма.

Идеи Ф. де Соссюра возводятся в абсолют в глоссематике Луи Ельмслева, выделяющего в языковой структуре постоянные, независимые от внеязыковой действительности конструктивные элементы, присущие языку вообще, независимо ни от его конкретного воплощения, ни от внеязыковых (физических, физиологических, психологических, логических, социологических) факторов «как самодовлеющему целому, структуре» [1960].

Американский структурализм не испытывает влияния Ф. де Соссюра, но исповедует гносеологические принципы формального описания языка, впитанные с методологией бихевиоризма, уходящей корнями в прагматизм (от др.-греч. πράγμα, родительный падеж πράματος – «дело, действие») Чарльза Сандерса Пирса.

Утверждая научный метод как единственно подлинный метод получения знания в контексте дискуссий того времени, вызванных категорическим неприятием религиозными институтами трудов Чарльза Дарвина, Ч.С. Пирс определяет «реальность» как то, что открывается субъекту в бесконечном процессе научного исследования. Соответственно, понятия «реальное» и «истинное» для него не имеют смысла вне этого процесса и носят частный и предположительный характер. Критерий научности Ч.С. Пирс ищет в результатах взаимодействия субъекта с окружающей средой, имеющих практический эффект для поддержания жизнедеятельности [Pierce 1958: 124].

Основателем **бихевиоризма** считают Джона Уотсона, предложившего схему, объясняющую поведение человека в терминах стимула и реакции: S→R (стимул вызывает реакцию) («Поведение: введение в сравнительную психологию», 1913 г.). Дж. Уотсон сводил психические явления к различным формам поведения как совокупности реакций организма на стимулы из внешней среды: «мы не выделяем речи открытой или скрытой или других скрытых мыслительных процессов из общей установки их в объединенном теле как целом. То обстоятельство, что мы особо выделяли речевую деятельность в некоторых местах нашего изложения, привело, может быть, к такому мнению. Основанием для такого выделения послужило то, что психологи обычно не связывали мысль с остальным процессом объединения. Они выделяли ее и делали чем-то *toto coelo* отличным от организующих процессов, так хорошо нам теперь знакомых. Некоторые авторы создают из нее какое-то таинство; что-то такое, о чем можно говорить и рассуждать; что-то, проявление чего мы можем наблюдать, но сущность чего мы никогда не сумеем вскрыть. Другие рассматривали мыслительные процессы как корреляты деятельности мозговой коры (обычное допущение). Они предполагают, что имеется нечто такое, чего толком никто не знает, и что может происходить как будто при полном отсутствии мускульной де-

тельности. Если наш взгляд правилен, то это – составная часть каждого приспособительного процесса. Оно, по существу, ничем не отличается от игры в теннис, плавания или любой другой открытой деятельности за исключением того, что оно скрыто от обыкновенного наблюдения и более сложно и в то же время более сокращенно, поскольку это касается его частей; более сокращенно, чем это самому храброму из нас могло бы присниться» [Уотсон 1998: 583].

Идеи Дж. Уотсона получают развитие в труде Берреса Фредерика Скиннера «Вербальное поведение» (1957 г.), излагающем бихевиористскую теорию, согласно которой усвоение языка есть результатом поведенческой реакции на стимул, поддерживаемой вознаграждением (по принципу условных и безусловных рефлексов собаки Павлова) [Skinner 2014].

Приверженцы бихевиористских концепций выносят за скобки основной философский вопрос и сводят значение к наблюдаемым поведенческим реакциям организма на стимул в том или ином социальном контексте. По мысли Ч. Морриса, развивающего учение о семиозисе Ч. Пирса на бихевиористской почве, «язык в полном семиотическом смысле этого термина есть любая межсубъектная совокупность знаковых средств, употребление которых определено синтаксическими, семантическими и прагматическими правилами» [Моррис 2001: 76]. При этом правило понимается как тип поведения. Мысль о том, что значение слова есть способ его употребления в различных ситуациях речевой деятельности, высказывает и Л. Витгенштейн в «Философских работах» (1953 г.): «Значение слова есть способ его употребления. Вот почему существует соответствие между понятиями «значение» и «правило»» [Витгенштейн 1994: 83].

Популярность бихевиористской концепции связана с общим стремлением того времени избавиться лингвистику от ментализма с его ненаблюдаемыми категориями и вписать в число точных наук за счет применения «объективных» методов исследования. Ментализм репрезентирует точку зрения, согласно которой языковая деятельность может получить адекватное объяснение только с привлечением фактов сознания. Бихевиоризм же, наоборот, постулирует исключение из объяснений фактов сознания как не поддающихся непосредственному наблюдению, и сосредоточение внимания исследователей на наблюдаемом поведении. Такому требованию вполне отвечает сведение значения единицы языка к правилам ее употребления и понимание лингвистического анализа как процедуры вычисления таких правил.

Вместе с тем, в недрах бихевиоризма рождается подход к языку, включающий субъекта в языковую действительность. Развивая учение Ч. Пирса о семиозисе, Ч. Моррис исходит из посылки, что ситуация семиозиса

включает четыре фактора: 1) то, что выступает как знак (the sign vehicle); 2) то, на что указывает (refers to) знак или десигнат (the designatum); 3) воздействие, в силу которого соответствующая вещь оказывается для интерпретатора знаком или интерпретанту (the intepretant); 4) интерпретатора (interpreter) – индивида, для которого нечто функционирует как знак [Моррис 2001: 47].

Отношение знака к объекту (десигнату) мыслится как семантическое измерение семиозиса; отношение знака к интерпретатору – прагматическое; отношение знака к другим знакам – синтаксическое. Синтаксическое измерение представлено парадигматическими отношениями между знаками (в системе языка) и синтагматическими (в речевой цепи) [там же: 50].

Здесь заложено несколько возможностей дальнейшего развития учения о языке. Исследования прагматического отношения знака впоследствии развернулись в мощнейшее направление лингвистической прагматики, сосредоточившейся на значении, приносимом в ситуацию семиозиса субъектом и выходящим за пределы системных функциональных зависимостей.

Американский структурализм фокусируется, прежде всего, на синтагматическом отношении, позволяющем определить значение единицы языка через анализ ее синтагматического окружения и выявление правил ее употребления. Американские структуралисты ориентированы на бихевиористскую концепцию языка Леонарда Блумфилда, обоснованную им в книге «Язык» (1933 г.) и сводящую язык к форме поведения человека, получающей адекватное описание в терминах стимула (S) и реакции (R) [1968]. Л. Блумфилд определяет значение языковой формы «как ситуацию, в которой говорящий ее произносит, и как реакцию, которую она вызывает у слушающего» (ситуация говорящего → речь → реакция слушающего) [там же: 142].

Противопоставляя свои воззрения на язык менталистским концепциям, Л. Блумфилд исходит из того, что и менталисты и бихевиористы могут определить значение лишь в терминах ситуации говорящего, и когда это что-либо дополнительно объясняет, – ситуации слушающего. Преимущество вторых он усматривает в том, что в своих описаниях языка они опираются на факты поведения, подлежащие наблюдению, а не на ненаблюдаемые ментальные сущности (мысль понятие, образ ощущение, волевой акт). Для бихевиориста «мыслительные образы, ощущения и т.п. – это всего лишь общепринятые названия для разнообразных телесных движений» [там же: 146].

Очевидно, осознавая практическую невыполнимость задачи охватить все факторы, характеризующие ситуацию говорящего, определяющую реакцию слушающего (разнообразие ситуаций, многообразие как языково-

го, так и неязыкового опыта говорящего, его физиологическое состояние, наследственность и др.), Л. Блумфилд находит выход в выведении значения за рамки лингвистики, в сферу компетенции других наук.

Вместе с тем, лингвисту оставляется возможность определить значение, исходя из отношений между языковыми знаками: лингвист, «получив определение значений одних форм, может с их помощью определить значение и других форм» [Блумфилд 1968: 149]. Это становится возможным благодаря тому, что при конвенциональном характере связи между формой и значением язык по определенным (по Л. Блумфилду – фонетическим или грамматическим) признакам группирует формы в формальные классы и каждая форма содержит элемент, одинаковый для всех форм данного формального класса (общее значение класса). Так, если значения английского прошедшего времени и слова *go* раскрыты, лингвист может определить *went* «шел» как «прошедшее время от *go*» [там же].

Суть лингвистического анализа сводится к выделению составляющих: всякая эмпирически различаемая носителем языка сложная единица текста делится на две непосредственно составляющих, вплоть до конечных составляющих – морфем, состоящих из фонем: «Любой человек, говорящий по-английски, который задался бы подобной целью, без сомнения сказал бы нам, что непосредственно составляющими *Poor John ran away* являются две формы: *Poor John* «бедный Джон» и *ran away* «убежал прочь»; что каждая из них в свою очередь представляет собой комплексную форму; что непосредственно составляющими *ran away* будут морфема *ran* и комплексная форма *away*, составляющие которой – морфемы *a-* и *-way*, и что составляющими *Poor John* являются морфемы *Poor* и *John*. <...> Морфема может быть описана фонетически, поскольку она состоит из одной или более фонем, но ее значение не может быть проанализировано в пределах самой нашей науки» [там же: 169].

Описанная Л. Блумфилдом процедура анализа покоится на идее, согласно которой язык представляет собой систему взаимосвязанных структурных элементов, где все более сложные элементы сводимы более простым, вплоть до ядерных (неразложимых) элементов. На этой самой идее базируются все без исключения сменяющие друг друга течения Американского структурализма: дескриптивная лингвистика, возникшая в 20–30х годах прошлого века (Леонард Блумфилд, Франц Боас, Эдуард Сэпир и др.); дистрибутивная лингвистика, сформировавшаяся на ее основе в 30–50-х годах (Юджин Найда, Джордж Трейджер, Зеллиг Харрис, Чарльз Хоккет и др.); трансформационный анализ (Зеллиг Харрис, Ноам Хомский), пришедший на смену анализу непосредственно составляющих в начале 60-х годов и переросшей в наиболее востребованную лингвисти-

ческую теорию – порождающую грамматику одного из наиболее часто цитируемых ученых мира Ноама Хомского.

Все существующие версии **порождающей грамматики** (или генеративизма) **Н. Хомского** имеют общее фундаментальное положение: грамматика рассматривается как врожденный механизм, порождающий правильные предложения определенного языка. Впервые это положение было высказано в работе «Логическая структура лингвистической теории» (1955 г.) и получило обоснование в наиболее известной работе Н. Хомского «Синтаксические структуры» (1957 г.). В 80-е годы Н. Хомский выдвигает теорию принципов и параметров (Principles and Parameters approach) [Chomsky 1981; Chomsky, Lasnik 1995], пересматривающую многие ранее высказанные положения о процессах порождения синтаксических структур, а середине 90-х – минималистскую программу (Minimalist Program) [Chomsky 1995], где обосновывается гипотеза универсальной грамматики.

Учение Н. Хомского возникает из неудовлетворенности бихевиористскими возможностями объяснения языковых процессов на основе закрепления условных рефлексов. В частности, в работе, посвященной критике теории Б.Ф. Скиннера, Н. Хомский акцентирует внимание на том, что дети младшего возраста могут строить новые предложения (грамматически правильные предложения или же предложения, содержащие ошибки), не подкрепленные прошлым поведенческим опытом, т.е. такие, которых они никогда не слышали в своем окружении. Это положение известно как «аргумент бедности стимула» (poverty of the stimulus argument) [Chomsky 1959]. Убежденность в том, что знание языка нельзя логически объяснить имитацией перцептивно воспринимаемых отрезков языкового материала на базе прошлого опыта, приводит Н. Хомского к мысли, что продуцирование правильных предложений обусловлено врожденным механизмом усвоения языка, т.е. подчиняется определенным правилам, знание которых биологически детерминировано.

В «Синтаксических структурах» Н. Хомский определяет язык как «множество (конечное или бесконечное) предложений, каждое из которых имеет конечную длину и построено из конечного множества элементов» [1962: 416]. Соответственно, лингвистическая теория сводится к синтаксическому анализу языка. Непосредственной целью такого анализа является «построение грамматики, которую можно рассматривать как механизм некоторого рода, порождающий предложения данного языка» [там же: 415]. Конечной целью анализа есть «теория лингвистической структуры, в которой описательные механизмы конкретных грамматик представлялись бы и изучались абстрактно, без обращения к конкретным языкам. Одна из задач такой теории – выработать общий метод выбора грамматики для

любого языка при наличии всей совокупности предложений этого языка» [Хомский 1962: 415].

Методологически Н. Хомский опирается на трансформационный анализ, согласно которому синтаксическая система языка может быть разбита на ряд подсистем, из которых одна является ядерной – исходной, а все другие – производными. Все производные подсистемы являются трансформами ядерной подсистемы. Суть метода Н. Хомского состоит в ограничении области прямого описания (в терминах непосредственно составляющих) ядром простых повествовательных предложений без сложных глагольных или именных групп и выведении всех остальных предложений из предложений ядра (точнее из цепочек, лежащих в их основе) посредством трансформаций [там же: 519].

Соответственно, ученый понимает грамматику как систему, имеющую трехуровневое строение: «Грамматика включает ряд правил, с помощью которых можно воссоздать структуру непосредственно составляющих и ряд морфофонемных правил, обращающих цепочки морфем в цепочки фонем. В качестве связующего звена имеется ряд трансформационных правил, переводящих цепочки структуры непосредственно составляющих в цепочки, к которым приложимы морфофонемные правила. В некотором определенном смысле правила структуры непосредственно составляющих и морфофонемные правила являются элементарными, а трансформационные – нет. Для применения трансформации к цепочке необходимо знать нечто об истории ее деривации; в случае же нетрансформационных правил достаточно знать лишь форму цепочки, к которой они применяются» [там же]. При помощи элементарных и трансформационных правил из заданных элементов системы могут быть выведены все в принципе возможные языковые структуры большей или меньшей сложности, в том числе, никем ранее не высказанные.

Важно подчеркнуть, что Н. Хомский отказывается от упрощенного понимания иерархии языковой системы, где единицы высших уровней построены в буквальном смысле из единиц низших уровней. В качестве лингвистического уровня рассматриваются трансформационные структуры как абстрактные системы представления, связанные общими правилами «где каждое высказывание представляется последовательностью трансформаций, посредством которых оно получается из терминальной цепочки грамматики непосредственно составляющих» [Хомский 1962: 466]. «Так, *took* представляется на морфологическом уровне в виде *take + past*, подобно тому, как *walked* можно воспринимать в виде *walk + past*. Морфофонемные правила <...> превращают эти цепочки морфем в /tuk/ и /wɔkt/» [там же: 466].

Что касается проблемы взаимосвязи синтаксиса и значения, Н. Хомский полагает, что «грамматика автономна и независима от значения» [1962: 421]. При этом он отмечает, что «понимание предложения» можно частично анализировать с помощью грамматических понятий: «Чтобы понять предложение необходимо (хотя, разумеется, недостаточно) воссоздать его представление на каждом из уровней, включая трансформационный уровень, где предложения ядра, лежащие в основе данного предложения, могут восприниматься в некотором смысле в качестве «элементарных элементов содержания», из которых предложение построено» [там же: 520]. Другими словами, Н. Хомский считает, что синтаксический каркас, выявляемый в результате формального изучения языковой структуры, способен подкрепить семантический анализ. При этом сам семантический анализ «бесполезен для определения такого каркаса» [там же].

Знание трансформационных правил обеспечивается языковым компонентом мозга / разума (brain/mind) – языковой способностью (language faculty), – взаимодействующим с системой других когнитивных способностей человека. Языковая способность включает когнитивную систему (cognitive system), хранящую информацию и перформативные системы (performance systems), использующие эту информацию. Н. Хомского интересует, в первую очередь, когнитивная система, поскольку именно с ней он связывает языковую вариативность. Когнитивная система взаимодействует, по крайней мере, с двумя внешними перформативными системами: артикуляционно-перцептивной и концептуально-интенциональной. Соответственно, существует двухуровневый интерфейс: фонетическая форма на артикуляционно-перцептивном интерфейсе и логическая форма на концептуально-интенциональном интерфейсе. Понятие двойного интерфейса соответствует традиционному описанию языка как «звука, имеющего значение» (sound with a meaning), уходящего корнями в учение Аристотеля [Chomsky 1995: 2].

Поздняя версия генеративизма Н. Хомского, т. н. «минималистская программа», опирается на положение, высказанное им в рамках более ранней теории принципов и параметров [Chomsky 1981; Chomsky, Lasnik 1995] и опровергающее принципы построения ранней генеративной грамматики: язык состоит из правил построения грамматических конструкций. На смену этому положению приходит постулат о том, что в языке существуют «лишь универсальные принципы и конечный набор опций их применения (параметров), но не существует ни каких-либо грамматических правил, специфических для конкретного языка, ни грамматических конструкций в традиционном смысле внутри конкретного языка или же в языке вообще» [Chomsky 1995: 6].

Когнитивная система носителя каждого конкретного языка состоит из компьютерной системы (computational system) и лексикона. Лексикон специфицирует элементы, затем отбираемые и интегрируемые компьютерной системой для построения лингвистических единиц или дуальных сочетаний (pairings) в соответствии с универсальными принципами и с учетом специфики конкретного языка. Все составляющие лексикона принадлежат к субстантивным категориям, включающим существительные, глаголы, прилагательные и частицы. Остальные категории – время, союзы подчинения, относительные местоимения и наречия – называются функциональными [Chomsky 1995: 6]. В рамках теории принципов и параметров языковые различия и типология языков объясняются в терминах выбора значимых параметров, сводящихся к формальным характеристикам функциональных категорий [там же].

Например, в зависимости от категориальной принадлежности любая английская синтаксическая конструкция (P – phrase) строится из таких обязательных составляющих: ядерного элемента (H – head); спецификатора (S specifier), т.е. элемента, маркирующего одну из границ конструкции (one of the edges); дополнения (C – complement), дополняющего значение ядерного элемента. Кроме того, конструкция может включать факультативную составляющую – модификатор (M – modifier), содержащий опциональную информацию. Составляющие конструкции представляют собой переменные линейной цепочки P (S H C M), заполняемые словами разных категорий. В итоге, продуцируются такие синтаксические конструкции: субстантивная (noun phrase – NP): S (that) H (designer) C (of time machines) M (in the shed); глагольная (verb phrase – VP): S (Lily) H (loves) C (George) M (distractedly); атрибутивная (adjective phrase – AP): S (very) H (fond) C (of him); предложная (prepositional phrase – PP): S (right) H (over) C (the road). Ядерный элемент конструкции задает набор и порядок следования остальных составляющих. Так, переходный глагол требует дополнения, а непереходный – нет.

Аксиоматично принимается, что в то время как иерархические отношения между составляющими конструкции универсальны для всех языков, их линейная последовательность может меняться от языка к языку. Отсюда идея вариативности параметров: ребенок усваивает линейный порядок следования элементов, характерный для его языка. В английском языке дополнение следует за ядерным элементом, и ребенок усваивает модель с инициальной позицией ядерного элемента. В корейском языке дополнение предшествует ядерному элементу, и ребенок усваивается модель с финальной позицией ядерного элемента.

В таком контексте «овладение языком интерпретируется как процесс фиксирования параметров инициального состояния одним из допустимых

способов» [Chomsky 1995: 6]. Соответственно, меняется представление о языковой способности: языковая способность представляется уже не как «проявление инициального состояния с фиксированными значениями параметров. Скорее, состояние языковой способности представляет собой случайный продукт разнообразного опыта» [там же: 6–7]

Так вводится понятие универсальной грамматики, т.е. гипотеза, согласно которой грамматические принципы, лежащие в основе языков, являются врождёнными и неизменными, а различия между языками мира могут быть объяснены в терминах параметрических установок мозга, которые можно сравнить с переключателями.

Парадоксально, что генеративную грамматику Н. Хомского считают первой когнитивной теорией языка, ведь она ничего не говорит нам ни о главном вопросе лингвистики – природе значения, ни о том, как оно связано с окружающей действительностью, а когнитивную языковую способность человека предлагает считать «случайным продуктом космического ливня»: «Произошла какая-то случайная мутация, возможно, после излучения неизвестных космических микрочастиц, и она реорганизовала мозг приматов, имплантировав в него языковой орган» [Chomsky 2000: 4].

И Н. Хомский, и бихевиористы, как и Ф. де Соссюр, определяют язык через отношения структурных элементов его системы. Разница только в том, что бихевиористы объясняют функционирование языка поведенческим опытом, регистрирующимся в телесных реакциях субъекта, вынося за рамки ментальные процессы, а Н. Хомский сводит эти ментальные процессы к генетической программе, пассивно отрабатываемой субъектом.

Во всех описанных структурно-функциональных теориях языка функция понимается узко, в духе Ф. де Соссюра, – как способность языковой формы к выполнению того или иного назначения вследствие отношений между единицами языка, обнаруживаемых на всех уровнях его системы. Установление функции языковой единицы предполагает определение её роли в системе языка, а контекст единицы языка ограничивается ее языковым окружением.

В этом смысле когнитивистов «первого поколения» [Fodor 1975, 1983, 1987; Johnson-Laird 1983; Miller, Johnson-Laird 1976; Jackendoff 1993] также можно назвать структурно-функциональными. Функции языковых единиц здесь описываются так, как если бы они были абстрактными символами, репрезентирующими нелингвистические объекты в процессах обработки информации (*processing*), называемых компьютерацией (*computation*), в отрыве от какого-то бы ни было контекста, выходящего за рамки формализованной системы зависимостей между этими символами.

Как и в случае Н. Хомского, невыводимость мысли из наблюдаемого поведения приводит когнитивистов «первого поколения» к необходимости

создания эпистемического орудия ее объективации. Таким орудием становится формальный язык, как например, язык мысли (*lingua mentalis*) Джерри Фодора [Fodor 1975], – способ внутренней репрезентации психологически значимых и выделенных человеком аспектов окружения. Каждое предложение естественного языка (английского) соотносится с соответствующим выражением формализованного метаязыка. Между естественными и формализованными символами устанавливаются системные отношения (идентичность, отличие, логическое следствие), что открывает возможность для переработки информации с помощью процедур, составляющих когнитивный арсенал человека. Способность к представлению информации языком символьных репрезентаций дает возможность рационального манипулирования информацией.

Когнитивисты «первого поколения» демонстрируют и структурно-функциональное понимание архитектуры разума, объясняя ее в терминах автономных, генетически заданных, универсальных подсистем (модулей), имеющих определенную локализацию и систему связей в мозге и специализирующихся в выполнении определенных функций; каждая система восприятия имеет свой модуль; кроме того, существуют модули памяти, языковой способности и воображения.

В объяснении мыслительной деятельности ориентируются на символические модели: каждый узел нейронной сети соответствует определенной ментальной репрезентации (концепту), хранящейся в «готовом виде»; сигналы, поступающие извне, активируют (возбуждают) ментальные репрезентации. Обработка информации происходит алгоритмически, пошагово [Laird et al. 1987: 58; Simon 1967; Rumelhart e. a. 1972; Anderson, Bower 1973].

Структурно-функциональная модель языка представляет собой образец классического стиля мышления: «Пользоваться языком, обнаружить языковое поведение, – значит пользоваться неявным знанием системы инвариантных корреляций между формой и значением, пассивно пребывающей в сознании автономно и изолированно от всего, что происходит во внешнем мире, не подверженной влиянию поведения тела, в котором она содержится, просто ожидающей, когда ею воспользуются по мере необходимости. Использование этой системы в идеальном случае сводится к осуществлению вычислительных операций над единицами системы с целью производства и интерпретации грамматически правильных высказываний» [Лав 2006: 111].

Классический взгляд на язык теснейшим образом связан с классическим взглядом на сознание, уходящим корнями в картезианский дуализм, отделяющий сознание от тела и представляющий тело как некое физичес-

кое «вместилище» ментального аппарата: «Сознание помещается в теле – является, возможно, частью тела, – но действует так, как если бы его телесное размещение было вероятностным условием, не влияющим на его главную функцию: обрабатывать информацию в процессе выработки символически закодированных решений символически сформулированных проблем» [там же: 106].

Необходимость рассмотрения отношения знака к окружающей действительности, т. е. той реальности, которую он отражает, и к человеку, пользующемуся знаком, осознается представителями **Пражского структурализма** (Вилем Матезиус, Роман Якобсон, Богумил Трнка, Богуслав Гавранек, Йозеф Коржинек, Владимир Скаличка, Николай Трубецкой и др.), действовавшего в 20-х–50-х годах XX века. Восприняв положение Ф. де Соссюра о языке как системе инвариантных корреляций между формой и значением, Пражцы развивают его уже на почве объективизма: «Используемые нами слова должны иметь с данными явлениями действительности прочную смысловую связь, а поскольку такая связь обязательна, постольку их комбинация должна выражать отношения говорящего к этому явлению действительности в данный момент. Для отмеченных двух задач, т.е. задачи наименования элементов действительности и задачи выражения актуального отношения говорящего, каждому языку и каждой эпохе свойственны свои собственные средства выражения, отличающиеся от аналогичных средств другого языка и другой эпохи не только внешним видом – формой, но и смысловым содержанием и эмоциональной окраской. Каждый язык, воспринимая действительность по-своему, оформляет ее в соответствии со своей собственной системой знаков» [ПЛК 1967: 445].

Кроме включения в знаковое отношение субъекта и референта (объективной действительности), а также акцентирования ценности эмпирических исследований конкретных языков в противовес абстрактным логическим теориям «языка вообще», Пражцы знамениты также разработкой понятия функции. Термин «функция» употребляется уже не в смысле произвольной взаимосвязи между формой и значением знака как элемента системы языка, как у Ф. де Соссюра. Речь идет о функциональном назначении языка, что включает в понятие функции обусловленность значения знака не только отношениями внутри языковой системы, но и отношениями вне этой системы, и, прежде всего, целевыми установками субъекта: «Являясь продуктом человеческой деятельности, язык вместе с последней обладает целевой направленностью. Анализ речевой деятельности как средства общения показывает, что самой обычной целью говорящего, которая обнаруживается с наибольшей четкостью, является выражение. Поэтому к лингвистическому анализу нужно подходить с функциональной точки зрения.

С этой точки зрения язык есть система средств выражения, служащая какой-то определенной цели» [ПЛК 1967: 17].

Представители **Лондонского структурализма**, оформившегося в 40-х годах XX века (Джон Фёрс, Майкл Халлидей и др.), вводят в научный обиход лингвистики понятие контекста. В отличие от американских структуралистов, сфокусировавшихся на языковой структуре, британцев испытывающих влияние не только бихевиоризма, но и культурно-социологической доктрины основателя функционализма в антропологии и социологии, британского антрополога польского происхождения Бронислава Малиновского, постулирующего общность языка и культуры, обусловленную общностью биологической и социальной природы человека, интересует именно значение. В их понимании значение состоит из отдельных элементов, выделяемых в ходе его членения как целого. Для исследования значения применительно к каждому уровню языковой иерархии вводится понятие контекста. При этом помимо словесного (ситуативного контекста) выделяется социальный контекст, включающий в себя признаки участников речевого акта и последствия этого акта [Firth 1957].

Понятие контекста, как и понятие функции, впоследствии становятся фундаментальными понятиями функционализма: «Ключевая черта функционализма – это признание того, что принципы, лежащие в основе устройства языковой системы, производны от «экологического контекста», в котором функционирует язык» [Thompson 1991: 93].

Идеи представителей Пражского и Лондонского структурализма положили начало **структурному функционализму** в лингвистике, объединившему в 60-е–80-е годы XX века несколько крупных европейских лингвистических школ: функциональный синтаксис отца французского функционализма Андре Мартине [Martiner 1969, 1975]; датскую функциональную грамматику Пола Дидеричсена [Diderichsen 1964]; системно-функциональную грамматику Майкла Халлидея [Halliday 2014]; функциональную грамматику Симона Дика [Dik 1997a,b]; ролевую и референциальную грамматику Роберта ван Валина и Вильяма Фоли [van Valin, Foley 1980]; функциональную грамматику Александра Владимировича Бондарко [1971, 1983, 1984].

С точки зрения А.В. Бондарко, функционально-грамматическое исследование призвано «раскрыть особого рода систему <...> взаимодействия грамматической формы, лексики и контекста, систему закономерностей и правил функционирования языковых средств, служащих для передачи смысла высказывания» [1983: 3].

Если в системе понятий А.В. Бондарко контекст мыслится, прежде всего, как языковое окружение единицы языка, то западноевропейские лингвисты понимают контекст шире, как «социальное окружение». В системе поня-

тий западноевропейского структурного функционализма «язык, прежде всего, мыслится как инструмент социальной интеракции между человеческими существами, используемый с целью установления коммуникативных отношений. В рамках этой парадигмы задание исследователя состоит в выявлении инструментальной природы языка по отношению к тому, что люди делают и достигают с его помощью в социальной интеракции» [Dik 1997a: 3].

В объяснении природы языка структурные функционалисты исходят из посылки, что «язык эволюционировал в процессе выполнения определенных критически важных функций в интеракции человеческих существ с их <...> эко-социальным окружением» [Halliday 2013: 15]. При этом устройство языка объясняют в терминах иерархической системы, состоящей из четко выделяемых элементов разных уровней. Например, М. Халлидей оперирует понятием «шкала рангов» (rank scale), выстраивая иерархию единиц языка «от наибольших к наименьшим»: предложение, клауза, «группа / фраза» (словосочетание), слово и морфема [Halliday 1961]. Отношение между формой и значением языкового знака не сводится к однозначной функциональной зависимости. Язык представляется как семиотическая система, но не как система конвенциональных немотивированных знаков, обязательных для субъекта, а как системный ресурс значения [Halliday 1985b: 192], выбор которого в конкретной ситуации остается за субъектом. Понятно, что эти принципы противоречат формально-логическим теориям языка, которые М. Халлидей отвергает как «нерелевантные» и «имеющие катастрофические последствия для лингвистики» [Halliday 1995: 236].

Можно с уверенностью сказать, что идея социального контекста, определяющего природу языка, а также идея выбора значения субъектом в зависимости от целей и мотивов, обусловливаемых социальным и культурным контекстом, фактически лежит в основе мощного лингвистического направления, объединившего различные школы исследования дискурса и связываемого с дискурсивным поворотом в гуманитарной науке.

Все функциональные теории дискурса укладываются в формулу [текст + контекст (ситуативный / культурный (социальный / идеологический / исторический / институциональный и т.д.))].

Слабым местом функциональных теорий дискурса является неспособность объяснить, каким образом субъект «взаимодействует с контекстом»; другими словами, какие психические процессы позволяют субъекту «учитывать» контекст в дискурсивной деятельности. Функциональные теории дискурса, как правило, опираются на метафору языка-инструмента, согласно которой субъект пользуется языком как инструментом для достижения своих коммуникативных и шире – социальных целей, в том числе и прежде

всего – идеологических. При этом использование языка мыслится как самостоятельная деятельность, обслуживающая любую другую предметную или интеллектуальную деятельность. В рамках этой метафоры понимание языка не выходит за рамки сосюровского набора языковых средств и правил их использования с той только разницей, что эти правила учитывают не только лингвистический, но и экстралингвистический контекст такого использования. Метафора языка-инструмента ограничивает возможности проникновения в природу языка. Такие задачи под силу постнеклассическим когнитивным теориям, в рамках которых язык мыслится как интерактивная деятельность, интегрированная в комплекс психических процессов и формирующая человека как разумное существо.

Итак, и структурализм, и порожденный им функционализм, возникают в период расцвета неклассического стиля мышления, и, в определенном смысле, представляют собой попытки выхода из гносеологического тупика субъективизма. Ведь если строго следовать субъективистским воззрениям, языковой знак может иметь значение лишь в силу приписывания ему такого разумом человека на основании интуиции, воображения, чувств, эмоций, индивидуального опыта, включая систему ценностей. Эта посылка с неизбежностью влечет за собой вывод о том, что языковое значение субъективно, индивидуально, оно целиком и полностью зависит от человека; оно неструктурировано, как неструктурирован и субъективный опыт человека. Такая трактовка значения ставит под сомнение возможность «передать информацию» другому человеку в процессе коммуникации, что противоречит здравому смыслу.

Структурно-функциональные лингвистические теории, проросшие на почве субъективизма, находят выход в отказе от экспликации онтологического статуса языка, отрыве языка и от субъекта, и от среды его существования – физической и социальной действительности – и превращении его в абстрактную символическую систему, замкнутую на самой себе и обслуживающую информационные процессы.

Иной вариант разрешения гносеологического тупика связан с метафорой отражения, лежащей, например, в основе понимания языка в советской структурно-функциональной лингвистике, где под билатеральную модель знака Ф. де Соссюра подводится объективистская платформа материалистической марксистско-ленинской теории познания. Знак из идеальной сущности превращается в сущность материально-идеальную: «языковой знак – материально-идеальное образование (двусторонняя единица языка), репрезентирующее предмет, свойство, отношение действительности. <...> Две стороны языкового знака, будучи поставлены в отношение постоянной, опосредованной сознанием связи, составляют устойчивое единство,

которое посредством чувственно воспринимаемой формы знака, т.е. его материального носителя, репрезентирует социально приданное ему значение; только в единстве взаимосвязи двух сторон языкового знака сознанием «схватывается», а знаком обозначается и выражается определенный «кусочек действительности», вычлененные факты и события» [ЛЭС 1990: 167].

Конечно же, эта модель также несовершенна, хотя бы уже потому, что не может увязать произвольность знака (между формой знака и предметом действительности, который он обозначает, не существует никакой естественной связи) и его отражательную природу (отражение предполагает, что знак отображает природу соответствующего предмета действительности).

В целом **структурно-функциональная онтология языка отражает классический взгляд на язык и сознание** и сводится к таким положениям:

1. Субъект – исследователь языка / носитель языка – отстранен от объекта и наблюдает объект со стороны / (сознательно / неосознанно) пользуется объектом как инструментом для достижения своих целей, в том числе и прежде всего – социальных.

2. Объект – язык – представляется как постоянный код, упорядоченный в сознании: набор иерархически организованных единиц символической природы (знаков), представляющих собой конвенциональные произвольные соотношения форм и значений, и правил их комбинирования. Более сложные единицы сводимы более простым единицам, вплоть до неразложимых (ядерных / элементарных) единиц.

2.1. Языковое значение структурировано, его можно разложить на компоненты. Значение предложения можно получить из значения его компонентов и структуры.

2.2. Значение есть ингерентным / системным свойством единицы языка, (без опоры на систему значение не может быть ни «кодировано», ни «декодировано»).

2.3. Значение есть функцией единицы языка, понимаемой как:

а) способность языковой формы к выполнению того или иного назначения в результате специфики отношений между единицами языка, обнаруживаемой на всех уровнях его системной иерархии; в этом случае установление функции языковой единицы предполагает определение её роли в системе языка, а контекст единицы языка ограничивается её языковым окружением (словосочетанием, предложением-высказыванием или шире – текстом);

б) потенциальная способность языковой формы к выражению целевых установок субъекта; в этом случае контекст использования единицы языка

включает экстралингвистические факторы, т.е. социальный контекст, определяющий условия функционирования языка.

2.3. Языковая коммуникация возможна благодаря общему знанию определенного набора соотношений форм-значений и правил их комбинирования; суть коммуникации состоит в кодировании и декодировании сообщений в рамках общего кода.

2.4. Взгляды на природу языкового значения разнятся в зависимости от методологической платформы, эксплицитно или же имплицитно / сознательно или же подсознательно разделяемой исследователем. Для объективиста языковой знак имеет значение, поскольку он замещает нечто, лежащее за пределами языка – реально существующие объекты и их существенные характеристики. Субъективисты выносят за скобки объективную действительность.

3. Требование научной объективности метода решается за счет устранения субъекта из процесса анализа в соответствии с требованием математически точного описания языка.

Постнеклассическая онтология языка когнитивно-коммуникативного функционализма

Принципы онтологии языка когнитивно-коммуникативного функционализма закладываются **когнитивистами «второго поколения»** (Рональдом Лэнекером, Джорджем Лакоффом, Чарльзом Филлмором, Леонардом Талми и др.), для которых функция единицы языка определяется относительно контекста энциклопедических знаний субъекта, укорененных в сенсомоторном и ретроспективном опыте.

Естественный семиозис здесь описывается в терминах динамического конструирования значения, т.е. психического процесса, в котором единицы языка, вокализируемые в акте употребления (usage event) служат «подсказками» (prompts) для концептуализации, т.е. когнитивных операций инференционной природы на основе широких энциклопедических знаний. Полученное инференционное знание (report) отображает весь предшествующий опыт конструирования смысла единицы языка в актах ее употребления и модифицируется здесь и сейчас под влиянием вновь приобретаемого опыта [Croft, Cruse 2004: 101]. Инференции делаются с учетом конвенционального концептуального содержания, активируемого единицей языка («лексического концепта»), энциклопедических знаний, частью которых есть это конвенциональное концептуальное содержание, а также всех факторов ситуативного контекста, влияющих на конструирование смысла единицы

языка в акте ее употребления [там же: 98–102]. При этом подразумевается, что ситуативный контекст может влиять на инференционную деятельность, лишь становясь частью когнитивного опыта субъекта.

Такой взгляд на естественный семиозис был впервые высказан в [Moore, Carling 1982] и впоследствии был поддержан многими когнитивистами (см., например, [Croft, Cruse 2004; Fauconnier 1994; Lakoff, Sweetser 1994: ix–xlvi; Langacker 1987, 2001; Turner 1991; Tomasello 2003]).

В данной системе понятий энциклопедические знания делятся на декларативные («знания ЧТО») и процедурные («знания КАК») (см. [Anderson 1983] и др.). «Знания ЧТО» организованы с помощью схемных структур (доменов / фреймов и образ-схем). Нередко термины «домен» и «фрейм» употребляются как синонимы. И теория фреймов Ч. Филлмора, и теория доменов Р. Лэнекера отражают основополагающий принцип когнитивной лингвистики: «лексический концепт», активируемый единицей языка, можно осмыслить только на фоне структур энциклопедических знаний, частью которых он является [Langacker 1987: 152].

В теории фреймов, где фрейм определяется как «система концептов, связанных таким образом, что для понимания одного из них необходимо понять всю структуру, в состав которой они входят» [Fillmore 1982: 111], для размежевания «лексического концепта», актуализируемого единицей языка, и энциклопедических знаний, необходимых для его осмысления, используются термины «фигура» (figure) и «фон» (ground) [Fillmore 1985].

В теории доменов проблема связи между схемной структурой и значением слова в предложении-высказывании объясняется соотношением профиля (profile) и базы (base). Профилем называют «лексический концепт», актуализируемый единицей языка, а базой – домен или матрицу доменов, необходимых для понимания этого концепта; при этом «семантическая значимость единицы языка не конституируется отдельно ни профилем, ни базой, она заключается только в их комбинации» [Langacker 1987: 183].

Образ-схема, определяемая как абстрактная рекуррентная модель сенсорно-перцептивных процессов и моторных программ [Johnson 1987: 75], мыслится как структура, используемая для структурирования более сложных концептуальных структур [Johnson, Lakoff 2002: 250]. С одной стороны, образ-схемы конкретны, поскольку они репрезентируют телесный опыт человека, а с другой – абстрактны, поскольку они представляют собой схемные модели, вырастающие из образов, структурирующих наш телесный опыт [Clausner, Croft 1999: 14].

«Знания КАК» организованы с помощью «динамической» разновидности семантического фрейма – сценария (script / speech event frame). Сценарий моделирует информацию, касающуюся стереотипных повседневных

ситуаций [Croft, Cruse 2004: 151] «с учетом последовательности событий в рамках определенного контекста» [там же].

Концептуализация базируется на «базовых» доменах (ПРОСТРАНСТВО, ЦВЕТ, ЗВУК / ВЫСОТА ТОНА, ТЕМПЕРАТУРА, БОЛЬ, ЗАПАХ, ВРЕМЯ, ЭМОЦИЯ) и образ-схемах (НИЗ–ВЕРХ, ЛЕВОЕ–ПРАВОЕ, БЛИЗКОЕ–ДАЛЕКОЕ, ЦЕНТР–ПЕРИФЕРИЯ, КОНТЕЙНЕР, ДВИЖЕНИЕ, МАТЕРИАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ, ЧАСТЬ–ЦЕЛОЕ и т.п.), укорененных непосредственно в телесном перцептивном (сенсомоторном) и интроспективном опыте человека, не поддающихся редукции и наделяющихся статусом врожденных. Однако, как отмечает Р. Лэнекер, в большинстве случаев эта телесная «укорененность» (grounding) непрямая: посредниками выступают промежуточные концептуальные структуры – абстрактные домены [Langacker 1987: 149–150]. Понятие абстрактного домена (КОММЕРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, РИСК, ПОЛИТИКА, СПОРТ и т.п.) соотносимо с понятием фрейма.

Показательно, однако, что на практике объяснительный потенциал когнитивных моделей, как правило, используется для описания абстрактных, вырванных из контекста конструкций, придуманных самими же авторами (как это делают Дж. Лакофф и М. Джонсон в трудах по когнитивной метафоре (см. например, [Lakoff, Johnson 1980]) или Р. Лэнекер в когнитивной грамматике [Langacker 1987]).

На роль структуры, объясняющей конструирование смысла высказываний в акте коммуникативного взаимодействия, претендуют «ментальные пространства» Жилия Фоконье [Fauconnier 1997]. Процесс конструирования включает построение ментальных пространств и установление проекций (mappings) между ними. Описание построения проекций между ментальными пространствами представляет собой довольно трудоемкую задачу, включающую множество деталей, которые постоянно пополняются Ж. Фоконье в более поздних публикациях, а также в совместных трудах с американским лингвистом Марком Тернером по теории концептуальной интеграции [Fauconnier, Turner 2002]. Не станем здесь останавливаться на всех деталях проектирования, а сосредоточим внимание на тех особенностях ментальных пространств, которые представляются ключевыми для понимания когнитивных оснований коммуникативной деятельности.

По определению Ж. Фоконье, ментальные пространства представляют собой «партитивные структуры, формирующиеся в ходе нашей ментальной и речевой деятельности и обеспечивающие мелкозернистое структурирование нашего дискурса и структур знаний» [Fauconnier 1997: 11]. Другими словами, ментальные пространства конструируются в соответствии с потребностями разворачивающейся коммуникации и представляют собой уникальные динамичные пакеты концептуальных структур, при-

влекательных для решения когнитивных задач в конкретный момент реального времени в конкретном коммуникативном контексте.

Важно также, что по ходу развертывания коммуникации ментальные пространства, объединенные селективными проекциями общих элементов, образуют между собой многочисленные и сложно переплетающиеся концептуальные сети (lattices). Это позволяет индивидам возвращаться к сконструированным ранее ментальным пространствам и переосмысливать структурируемый ими опыт под влиянием нового опыта (backward projection) [Fauconnier, Turner 2002: 333]. Продуктом данного переосмысления является так называемая эмергентная (emergent) концептуальная структура, т.е. качественно новое инференционное знание. В качестве примера такой эмергентной структуры приводится категория PET FISH [Fodor, Leroge 1996], представляющая собой не просто сумму признаков двух категорий, а продукт селективного проектирования определенных признаков двух категорий в интеграционное пространство (бленд) и последующей когнитивной интеграции этих признаков в интеграционной сети (integrational networks).

Однако, опять-таки, на практике и модель концептуальной интеграции ментальных пространств используется для анализа уже существующих в языке устойчивых выражений, как например, *grim reaper*, или же абстрактных предложений / последовательностей предложений, придуманных самими авторами (см. [Fauconnier, Turner 2002]).

Думается, что теории когнитивистов «второго поколения» не применяются к анализу коммуникации еще и потому, что эти теории не объясняют социальной природы когниции в целом и социальной природы языка, в частности. Постулируя телесную природу разума, укорененность вербализированных концептуальных структур в сенсомоторном опыте и обеспечивающих его нейронных структурах, и соответственно, связывая с телесным опытом природу языкового значения, когнитивисты «второго поколения» замыкают когницию на отдельном человеке как самодостаточной закрытой системе. Такой подход объясняет, **что** стоит за языковой формой в индивидуальном сознании, но не дает ответа на вопрос о том, **как** языковая форма становится значимой для другого человека.

Пути решения этой проблемы предлагают, в частности: концепция слова как средства доступа к единой информационной базе индивида Александры Александровны Залевской [2005, 2006, 2014]; теория автопоэзиса Умберто Матураны и его ученика Франциско Варелы [Maturana, Varela 1980, 1987] и ее развитие представителями интеграционной лингвистики [Кравченко 2006; Harris 1997; Лав 2006]; теория семантических констелляций Кристин Харди [Hardy 1998].

Особым эвристическим потенциалом для понимания когнитивных оснований коммуникации обладает **теория семантических констелляций К. Харди** (это синергетическая теория, но мы умышленно будем избегать сложной синергетической терминологии, требующей специальных знаний и дополнительных пояснений).

В трактовке природы нейронных процессов, обеспечивающих познавательную и коммуникативную деятельность, К. Харди ориентируется на коннективистские модели разума [McClelland e.a. 1986]. В этих моделях концептуальные структуры уже не рассматриваются как постоянные величины, записанные в нейронной сетке мозга в виде отдельных узлов сети, активируемых единицей языка и интерпретируемых «в готовом виде» (как в символьных моделях). Они мыслятся как динамические структуры, возникающие благодаря постоянной активации взаимосвязанных элементов нейронной сети и представляющие собой совокупности связей – коннекций (connections). Каждая концептуальная структура поддается интерпретации не в отдельности, а только лишь как часть определенной совокупности таких коннекций. Причем часть коннекций возникает вследствие сигналов извне, а часть – как результат связей между нейронами в самой сети. Другими словами, нейронные сети мозга способны к обучению, т.е. приобретению новых моделей поведения в ответ на внешние возбудители. Каждая новая активация совокупности коннекций нейронной сети ведет к перестраиванию активируемого участка сети.

В соответствии с идеей параллельного распределенного процесса обработки данных (parallel distributed processing) [McClelland e.a. 1986], используемой в коннективистских моделях, психические функции (модули) не имеют ни стабильной локализации в мозге, ни узкой специализации; связанные с определенной функцией сознательные психические процессы происходят параллельно с подсознательными, интенциональные и волеизъявительные – параллельно с неинтенциональными [Hardy 1998: 24–31].

К. Харди трактует организацию психики человека в терминах семантической решетки (semantic lattice), непосредственно связанной с нейронной сетью мозга в единую систему (transversal mental- neural network) [там же: 59]. Семантическая решетка состоит из семантических констелляций (secos – semantic constellations), включающих подконстелляции. Через осознаваемую и неосознаваемую динамику семантическая решетка увязывает весь опыт индивида (как уже хранящийся в памяти, так и вновь возникающий непосредственно в ситуации взаимодействия с физической и социальной средой) посредством «ядер» значения [там же: 9–21]. Семантические констелляции формируются в течении всей жизни человека под воздействием и во взаимодействии эндо-контекста (внутреннего опы-

та) и экзо-контекста (внешней среды) и активируются в сознании при интенциональном / неинтенциональном, связанном / несвязанном с внешним стимулом фокусировании внимания на каком-то объекте – одним из таких объектов есть и актуализированная языковая форма [там же: 119–139]. Семантические конstellляции являются той психической средой, которая способна обеспечить развитие и специализацию любой функции, необходимой в том или ином экзо-контексте на базе совершенствования изначальной биологической функции, подобно тому, как на базе общей перцептивной данности слуха у музыканта развивается особый музыкальный слух [там же: 46–49].

К. Харди полагает, что деление знаний на декларативные и процедурные и сведение представления знаний исключительно к пропозициональным схемам недопустимо упрощает описание архитектуры мозга [там же: 47]. Соответственно, в структуре семантических конstellляций, концепты, организованные в виде пропозициональных структур, составляют лишь малую толику общего опыта. Различные ассоциативные связи связывают концепты с ощущениями, воспоминаниями, переживаниями, идеями, образами, звуками, цветами, жестами, паттернами поведения и настроения в единую динамическую систему, организующуюся вокруг общего ядра. Эти ассоциативные связи вырабатываются человеком в ходе осознаваемых / неосознаваемых и локализирующихся одновременно в нескольких участках мозга инференционных процессов на основе смежности, метафоры, аналогии, противоречия, дифференциации, части и целого и т.д. (contiguity, metaphor, analogy, contradiction, differentiation, sets and subsets, and more) [Hardy 1998: 209]. К. Харди называет такие процессы «сцеплением» (linkage) [там же: 61–64].

Исходя из интерактивного характера процесса познания и коммуникативной деятельности, К. Харди подчеркивает, что концепты не могут трактоваться как стабильные фиксированные сущности, которые передаются одним человеком другому, как это делается с предметами (и со словами в концепции языка-инструмента – А.М.). Поэтому, несмотря на то, что существует определенный консенсус для понимания, никакой концепт не может иметь одного и того же значения для двух людей [там же: 181].

Понимание обеспечивается благодаря семантическим конstellляциям, играющим роль интерфейса, т.е. порождающимся взаимодействием между индивидами при фокусировании внимания на объекте. Такие конstellляции включают как разделяемые, так и различающиеся значения, а также значения, возникающие в процессе взаимодействия. Разумеется, у каждого из коммуникантов образуются уникальные связи между семантическими конstellляциями в функции интерфейса и другими имеющимися семанти-

ческими констелляциями, однако при этом также могут формироваться и сходные обширные сектора глубинных полей участников коммуникативного взаимодействия. В таких случаях появляется возможность более глубокого понимания [там же: 177–195].

В соответствии с теорией автопоззиса У. Матураны и Ф. Варелы, объясняющей познавательную и коммуникативную деятельность принципами взаимодействия человека со средой его существования, коммуникация является биологическим бытием человека, а функция языка состоит не в передаче информации, а в создании кооперативной области взаимодействий между коммуникантами путем выработки общей системы отсчета [Maturana, Varela 1980, 1987].

Идеи автопоззиса получают развитие в принципе распределенности когниции [Clark, Chalmers 1998], согласно которому приобретение знания не зависит исключительным образом оттого, что происходит внутри телесной оболочки организма [Коули, Кравченко 2006], а неотделимо от действий по отношению к воспринимаемым аспектам среды [Кравченко 2009: 62].

В соответствии с этим взглядом значение мыслится как когнитивный феномен, порождаемый областью когнитивных взаимодействий организмов (сознаний) «в универсуме интересубъектного дискурса» [Кравченко 2006: 153]. Язык представляется как «определенный вид совместной деятельности, интегрированной в комплекс когнитивных процессов сложной динамики» [Кравченко 2009: 63], а коммуникация, соответственно, как «усилия по установлению общих ориентиров в той или иной ситуации взаимодействия» [Кравченко 2006: 153], направленные, в конечном итоге, на сохранение экологической системы «организм – мир» [Järvilehto 1999]. Каждый последующий опыт взаимодействий человека со средой усложняет его когнитивную область с учетом предыдущего опыта. Структура нервной системы «меняется в зависимости от потока меняющихся отношений в жизни организма в процессе поддержания этой жизни. При этом то, что происходит в языке, <...> становится также частью области трансформаций человеческой нервной системы, вызывая то, что нам представляется как взаимная модуляция разума и тела» [Кравченко 2009: 63].

Высказывая критические соображения по поводу теории У. Матураны и Ф. Варелы, К. Харди замечает, что сведение когниции к телесному сенсомоторному опыту снижает эффективность этой теории в объяснении, с одной стороны, абстрактного мышления, необходимого, например, при решении математических задач, а с другой стороны, влияний культурной среды на познавательные процессы [Hardy 1998: 125].

А.А. Залевская, рассматривая уже непосредственно языковые процессы, также акцентирует внимание на необходимости объяснения того, как,

благодаря чему и в какой мере слово оказывается способным выступать средством межперсонального взаимодействия [Залевская 2006: 103].

В концепции слова как доступа к единой информационной базе индивида А.А. Залевской психика человека определяется как единая функциональная динамическая система опыта: перцептивного, когнитивного, аффективного; вербализованного и не поддающегося вербализации; осознаваемого и неосознаваемого; формирующегося по законам психической жизни индивида, но под контролем норм и оценок, выработанных социумом и шире – культурой [Залевская 2005: 418–436].

Функционирование слова уподобляется метафорически лазерному лучу при считывании голограммы. Слово «высвечивает» определенный условно-дискретный фрагмент континуального и многомерного индивидуального образа мира во всем богатстве его связей и отношений, полнота которых обеспечивается в разной мере осознаваемой опорой на прямые и / или опосредованные выводные знания и переживания разных видов.

Действие лазерного луча представляется в виде спиралевидной модели. Спираль «раскручивается» от «тела текста» вниз и вверх по вертикали и имеет множество срезов по горизонтали, отображающих разные уровни «раскрутки». «Тело текста» вписано в горизонтальный внешний вербально-ситуативный контекст (до рамок культуры). Спираль же «раскручивается» по вертикали внутреннего контекста: (а) вглубь предшествующего опыта индивида (языкового и неязыкового; осознаваемого и неосознаваемого; перцептивного, когнитивного, эмоционально-оценочного) и (б) вверх – в проекцию текста, которая формируется, трансформируется, пересматривается при взаимодействии множества факторов.

Принципиально важным есть разграничение внешнего по отношению к опознаваемому слову контекста (ситуативного и/или текстового) и внутреннего контекста (невербального и вербального, актуально осознаваемого и неосознаваемого) как сложной системы связей и отношений по линиям перцептивного, когнитивного и аффективного опыта. Взаимодействие внешнего и внутреннего контекстов является важнейшим фактором, обеспечивающим определенную инвариантность смысла для говорящего и слушающего.

Рассмотренные теории воплощают **постнеклассическую онтологию языка**, сводящуюся к таким положениям:

1. Субъект – исследователь языка / носитель языка – неотделим от объекта – поскольку язык есть способом и условием его существования, культурным продуктом взаимодействия субъекта с его экологическим контекстом.

2. Объект – язык – представляется как ситуативно обусловленный процесс надления языковых форм семиотической значимостью на основе осо-

знаваемого / неосознаваемого, интенционального / неинтенционального перцептивно-когнитивно-аффективного опыта в соответствии с потребностями непрерывного потока ситуаций в реальном времени и под контролем норм и оценок социума, являющихся частью этого опыта.

2.1. Значение не есть ингерентным / системным свойством единицы языка. Значение есть функция, понимаемая как способность единицы языка к активации динамической системы перцептивно-когнитивно-аффективного опыта и «запуску» осознаваемых / неосознаваемых, интенциональных / неинтенциональных параллельных и локализованных в разных частях мозга инференционных процессов в ситуации коммуникации.

2.2. Понимание в коммуникации возникает благодаря принадлежности взаимодействующих субъектов к одному биологическому виду, к одному социуму и шире – культуре. Принадлежность к одному биологическому виду «отвечает за» конструирование сходных нейронных паттернов одного и того же объекта, на основе которых возникают сходные семантические структуры. Принадлежность к одному культурному социуму устанавливает общие ориентиры в социальной области языковой деятельности по называнию этих семантических структур.

2.3. Значение единицы языка «подсказывается» объектом, но зависит и от объекта и от субъекта; это продукт совместной деятельности субъектов по взаимодействию друг с другом и объектами внешнего мира в рамках их перцептивного, когнитивного и аффективного индивидуального опыта (как биологических организмов) и социального опыта (как представителей определенных культурных социумов). Опыта, приобретаемого в процессе эволюции, социализации и опыта сиюминутного, приобретаемого непосредственно в ситуации взаимодействия и «корректирующего» предыдущий опыт таких взаимодействий.

3. Требование научной объективности метода учитывает неустранимость субъекта из процесса анализа языка, что повышает роль качественных интерпретационных методов, где исследователь является непосредственным участником исследуемых процессов.

Проблема метода КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

Необходимо признать, что в настоящий момент эпистемологическая база когнитивно-коммуникативных исследований находится в зачаточной стадии формирования. Практически невозможно назвать работы, которые бы в полной мере опирались на когнитивные принципы и методики анализа в исследовании коммуникативных процессов.

Взгляд на коммуникацию как способ и условие выживания человека, обеспечивающий сохранение его экологической системы, обосновывает безусловную *целенаправленность / мотивированность и регулятивность коммуникативного взаимодействия*. Речь идет не об интенциональной регулятивности речевого воздействия, а о регулятивной природе языка-коммуникации [Мартинюк 2004: 12] как совместной человеческой деятельности, порождающей разум [Щедровицкий 2005: 305], т.е. свойство извлекать информацию из окружающего мира и использовать ее себе на благо [Кравченко 2009: 58].

В таком толковании коммуникативная деятельность ингерентно стратегична, поскольку она всегда подчинена целям, мотивированным исконными социально-биологическими потребностями человека. Этот взгляд вводит в фокус внимания исследователей коммуникации стратегию, придавая ей статус базового понятия коммуникации.

При этом важно уяснить, что когнитивно-коммуникативный подход требует отказа от толкования стратегии как воплощения некоего предварительно выработанного «плана действия». Подобные представления с необходимостью предполагают, что коммуникативная деятельность полностью находится под контролем сознания, и потому они не совместимы с объяснительным принципом взаимоотношения языкового и когнитивного в естественном семиозисе, созвучным когнитивно-коммуникативной онтологии языка.

Суть этого принципа состоит в том, что в фокусе внимания субъекта речемыслительной деятельности находится смысл сообщения, в то время как средства выражения этого смысла функционируют как автоматически

* Частично использованы материалы, опубликованные в: Мартинюк А.П. Стратегия как базовый инструмент когнитивного анализа коммуникации / А.П. Мартинюк // Записки з романо-германської філології. – 2015. – Вип. 1(34). – С. 80–90; Мартинюк А.П. Когнитивно-коммуникативная лингвистика: в поисках базовых принципов и методик анализа / А.П. Мартинюк // Когніція, комунікація, дискурс : междунар. електрон. сб. науч. ст. – Харьков : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2016. – № 12. – С. 17–35. – Режим доступа : <http://communication-discourse.com/issues/issue812>

задаваемый языковой механизм [Залевская 2005: 240]. «И мы можем задавать языковой механизм, действующий автоматически, именно потому, что условие извлечения информации, лежащее в сознании, вытеснено действием самого этого механизма» [Мамардашвили, Пятигорский 1999: 93].

Не только психолингвисты и философы, но и психологи, и антропологи также говорят о том, что речепроизведение (в частности, подбор слов, построение грамматически корректного высказывания, тон голоса, жестикация, адаптация к стилю партнеров по коммуникации и др.) не контролируется сознанием [Hardy 1998: 28; Kihlstrom 1996].

Осознаваемые коммуникативные процессы являются лишь вершиной айсберга, конечным продуктом деятельности подсознания. Но, несмотря на принадлежность к сфере подсознания, эти коммуникативные процессы являются разумными (intelligent) и ориентированными на достижение определенной цели (goal-directed) [Hardy 1998: 29]. Именно потому эту сферу психики называют когнитивным подсознательным (the cognitive unconscious) [там же: 28].

Соответственно, *стратегию*, вероятно, следует представлять в терминах паттернов *коммуникативного поведения, связанных с решением задач, возникающих по ходу разворачивания коммуникативного взаимодействия* – в текущий момент реального времени, и *контролируемых сознанием лишь частично, на уровне рациональной оценки происходящего*.

Рассматривая когнитивные основания коммуникативной стратегии, следует включать туда не только осознаваемые «декларативные» энциклопедические знания, необходимые для формирования социально значимых коммуникативных намерений (побудить аудиторию к голосованию за определенного политика / покупке товара и т.д.), но и «автоматизированные» и поэтому не всегда осознаваемые «процедурные» знания [Anderson 1976] способов достижения этих социально значимых намерений (повествование, описание, объяснение, аргументация и т.п.). При этом нужно учитывать принципиальную неразделимость декларативных и процедурных знаний в коммуникативных процессах.

Кроме того, когнитивно-коммуникативный подход требует учета не только когнитивного, но и аффективного, перцептивного, а также волеизъявительного опыта, обеспечивающего коммуникативную деятельность, и, конечно же, фактора фокусировки внимания коммуникантов.

Необходима единица анализа, позволяющая учесть, проанализировать и описать все эти факторы. Считаем, что эти задачи способен решить *акт когнитивно-коммуникативного взаимодействия* (акт ККВ): он объединяет вербальные и/или невербальные высказывания, воплощающие те или иные стратегические коммуникативные цели участников коммуникации и включенные

в интерактивный контекст. Параметры интерактивного контекста определяют как характер вербального / невербального воплощения стратегической цели субъектом, так и характер ее интерпретации и реакции на нее коммуникативного партнера, мотивированного собственной стратегической целью.

Что касается структурной организации акта ККВ, она вполне соизмерима с моделью структурной организации конверсационного обмена [Coulthard 1977]), поскольку эта единица конверсационного анализа отображает интерактивную природу коммуникативной деятельности и позволяет членить ее на фрагменты. В структурном плане акт ККВ представляется как обмен коммуникативными ходами, т.е. вербальными / невербальными действиями коммуникантов, приводящими к реализации той или иной стратегической коммуникативной цели и продвигающими коммуникативное взаимодействие к достижению такой цели. Коммуникативные ходы могут состоять из одного или нескольких вербальных и / или невербальных высказываний. Переход от одной стратегической цели к другой маркирует границы акта.

Учет параметров интерактивного контекста конверсационного обмена превращает его в когнитивную единицу анализа коммуникации. Очевидно, что в когнитивно-коммуникативном исследовании термин «контекст» должен относиться ко всем поддающимся учету психическим параметрам, которые могут влиять на производство / интерпретацию вербальных и невербальных высказываний, включенных в такой обмен.

Предпринимая попытку систематизации таких параметров, разграничиваю перцептивный и психический контекст акта ККВ.

Перцептивный контекст охватывает всю лингвальную и экстралингвальную информацию, поступающую через сенсорные каналы в момент коммуникации.

Лингвальная перцептивно воспринимаемая информация ограничена двумя сенсорными каналами: слуховым (звуки – устный текст) и зрительным (буквы – письменный текст). Разумеется, в устной коммуникации приоритетным является слуховой канал. Лингвальная информация репрезентирует референтную ситуацию.

Экстралингвальная перцептивно воспринимаемая информация не имеет сенсорных ограничений, но, как правило, включает, прежде всего, зрительно воспринимаемые параметры акта ККВ, конституирующие коммуникативную ситуацию: место и время интеракции, коммуникантов (говорящего и воспринимающего/-их), их количество, физические и статусно-ролевые характеристики, физическое и психическое состояние, и, конечно же, их невербальные коммуникативные действия.

Параметры перцептивного контекста могут влиять на коммуникативное взаимодействие, лишь становясь частью психического кон-

текста, т.е. когнитивного, перцептивного, аффективного и волеизъявительного опыта, приобретаемого коммуникантами, как в процессе социализации, так и здесь и сейчас в акте ККВ.

В концепции Р. Лэнккера информация, называемая здесь психическим контекстом, интерпретируется в терминах когнитивных доменов (cognitive domains), активируемых языковой единицей и служащих базой (base) для ее понимания в акте употребления (usage event), т.е. в реальных высказываниях в реальном дискурсивном контексте (actual utterances in an actual discourse context) [Langacker 2001: 146]. Такие домены называются динамичными дискурсивными пространствами (current discourse spaces) и определяются как «ментальные пространства, вмещающие те элементы и отношения, которые конструируются как общие для говорящего и слушающего, и служат базой для коммуникации в конкретный момент развертывания дискурса» [там же: 144].

Динамичные дискурсивные пространства включают информацию о речевом контексте (speech context) акта употребления единицы языка. Речевой контекст трактуется широко – как все физические, ментальные, социальные и культурные обстоятельства, связанные с актом употребления единицы языка [там же: 145]. Ядро информации о речевом контексте составляет фон (ground), т.е. информация о составляющих коммуникативной ситуации. Кроме осмысления речевого контекста динамичные дискурсивные пространства включают общие знания коммуникантов (a body of knowledge presumed to be shared and reasonably accessible) [там же: 145]. Еще одним компонентом является информация, касающаяся осмысления коммуникантами процесса разворачивания дискурса, включая серию предыдущих и последующих актов употребления [там же: 145].

Акты употребления характеризуются как биполярные события. И говорящий, и воспринимающий выполняют два рода коммуникативных действий: вокализацию и концептуализацию. Каждый полюс имеет свои каналы (channels). Каналы вокализации (интонация и жест) сегментируют поток речи. Каналы концептуализации представляют объективную ситуацию (objective situation) и включают информационную структуру (information structure): эмфазу, тему дискурса, известную / новую информацию; и структуру организации дискурса (speech management): очередность говорения [Langacker 2001: 146].

И вокализация, и концептуализация предполагают фокусировку внимания говорящего и воспринимающего на одном и том же объекте. Метафорически фокусировка внимания описывается как «взгляд на мир через окно» или фрейм обзора (viewing frame) [Langacker 2001: 145]. Непосредственная сфера внимания (immediate scope) ограничивается этим фреймом. И фокус

этой сферы внимания составляет содержание, профилируемое единицей языка (what the expression profiles (i.e. designates)) [там же].

Информация, о которой идет речь в концепции Р. Лэнекера, составляет частичное содержание всего лишь двух параметров психического контекста акта ККВ: когнитивного параметра и параметра фокусировки внимания.

Что касается когнитивного параметра, он включает знания разных типов, получаемые из разных источников. В системе понятий Р. Лэнекера энциклопедические знания описываются в терминах четырех оппозиций: 1) конвенциональные / conventional (разделяемые большинством членов лингвокультуры) :: неконвенциональные/non-conventional; 2) общие / generic (информация о свойствах, присущих большинству членов категории) – специфичные / specific; 3) сущностные / intrinsic (информация об ингерентных свойствах сущности) – несущностные / non-intrinsic; 4) характеризующие / characteristic (информация о свойствах, уникальных для данной сущности) – нехарактеризующие / non-characteristic [Langacker 1987: 159–161]. Различия поясняются такими примерами. Информация о том, что у двух коллег Р. Лэнекера появилась аллергическая реакция на его кота, есть специфическим знанием, а информация о том, что у людей в принципе может возникать аллергия на котов – общим. Форма является сущностным свойством физических объектов, поскольку не требует сравнения с другими объектами, как например, размер, относящийся к несущностным свойствам. Форма обладает бóльшим характеризующим потенциалом в описании животных, нежели цвет, причисляемый к нехарактеризующим свойствам.

Релевантность той или иной информации в процессе интерпретации определяется в терминах «центральности». Р. Лэнекер рассматривает центральность как вероятность актуализации того или иного смысла единицы языка в пределах определенного контекста. Центральность связана со степенью «выдвижения» определенных аспектов концептуального содержания, ассоциирующихся в сознании носителей языка с единицей языка. Вероятность активации того или иного концептуального содержания зависит от степени укорененности (entrenchment) концептуальной структуры в сознании коммуниканта и от лингвального и экстралингвального контекста, в котором употреблена языковая единица [Langacker 1987: 159].

В акте употребления единицы языка центральность определяется соотношением четырех типов энциклопедического знания [там же]. Наибольшую значимость имеет степень конвенциональности знаний. Другим по значимости фактором есть принадлежность знаний к общим, а не специфичным. В большинстве случаев сущностные, как и характеризующие знания, принадлежат к категории общих и конвенциональных [там же: 160].

Анализ коммуникации подсказывает необходимость классификации знаний и в зависимости от их предметного содержания. Согласно данному критерию, выделяю такие типы энциклопедических знаний:

а) онтологические – об устройстве бытия как собственно физического, так и социально-культурного;

б) аксиологические – ценностные ориентиры (как общечеловеческие, так и лингвокультурные); аксиологические знания воплощаются в рациональных оценках (например, эстетической: «красивое» :: «уродливое») и нормах (этологических – нормах социального поведения (этических / утилитарных) и лингвоэтологических – нормах коммуникативного поведения в разнообразных коммуникативных событиях) (см. [Мартынюк 2015, 2016]).

Разумеется, в процессе анализа необходимо учитывать, что все эти виды знаний гештальтно активируются в коммуникативной деятельности и могут быть осмыслены только в терминах континуума, односубстратные элементы которого различаются разной степенью проявления неких общих характеристик.

Итак, *когнитивный параметр психического контекста акта ККВ* включает:

1) онтологические и аксиологические энциклопедические знания о:
- референтной ситуации, активируемые лингвальным перцептивным контекстом (от находящегося в фокусе внимания высказывания – до всей предшествующей интеракции);

- коммуникативной ситуации, активируемые экстралингвальным перцептивным контекстом;

2) (лингво)этологические знания моделей социального и коммуникативного поведения в рамках разнообразных коммуникативных событий с учетом определяющих для этих событий мотивов и стратегических коммуникативных целей; сюда же относятся «инструментальные» знания способов достижения стратегических целей (повествование, описание, объяснение, аргументация, эмоциональное заражение, суггестия и т.п.); именно эти знания позволяют не только учитывать предыдущие высказывания, но и прогнозировать последующие;

3) лингвистические знания, функционирующие как неосознаваемый механизм, запускаемый в действие коммуникативными стратегическими целями и обеспечивающий поиск и комбинирование единиц языка, необходимых для реализации этих целей, и, наконец, осуществляющий вокализацию высказываний.

В предлагаемой здесь интерпретации психический контекст акта ККВ включает не только когнитивный параметр, т.е. энциклопедические знания или «лексические концепты», организованные в виде пропозициональных

структур и объективируемые в единицах языка, актуализируемых в акте ККВ. Вероятнее всего, в процессе интерпретации такие «лексические концепты» образуют семантическое ядро, объединяющее в единую семантическую сеть (по принципу семантических констелляций К. Харди) не только когнитивный, но и перцептивный, аффективный (эмоционально-оценочный) и волеизъявительный опыт, связанный (и сиюминутно связывающийся) в сознании / подсознании субъекта различными ассоциативными связями (анalogии, смежности, контраста, дифференциации, причины и следствия, части и целого и т.д.) с тем или иным объектом референции, активируемым «лексическим концептом». Этот опыт объективируется в ощущениях, образах-воспоминаниях, образах-фантазиях, переживаниях, звуках, цветах, жестах, желаниях, паттернах поведения и настроения и т.д.

Соответственно, кроме *когнитивного параметра* и *параметра фокусировки внимания*, о которых говорит Р. Лэнкер, психический контекст акта ККВ включает и эмоционально-оценочные переживания (*аффективный параметр*), и волеизъявление субъекта, мотивирующее желание / нежелание реагировать на ситуацию определенным образом (*волеизъявительный параметр*).

Очевидно, что все названные параметры действуют симультанно, но в каждом конкретном акте ККВ определяющим оказывается один из них.

Как показывают результаты пилотных исследований, задачу учета параметров контекста ККВ способна решить *методика инференционного анализа коммуникативного взаимодействия*. В первоначальном варианте эта методика была предложена в 2004 году [Мартинюк 2004] (первоначальное название – «методика когнитивно-дискурсивной интерпретации») для исследования прагматического потенциала гендерно маркированных единиц языка, оказывающих регулирующее воздействие на социальное и коммуникативное поведение личности путем насаждения гендерных стереотипов. Затем данная методика получила развитие и апробацию в исследованиях автора [Мартынюк 2012; 2013; 2015(в); Мартинюк 2015(а); Martyniuk 2014; 2015(б); 2015(в); 2016(а); 2016(б) 2017] и её аспирантов, где эта методика применялась для изучения дискурсивной реализации концептов [Мудраченко 2013; Набокова 2015], коммуникативных неудач [Дубцова 2014] и, наконец, вербального и невербального воплощения коммуникативных стратегий [Ильченко 2014; Рибаква 2016; Сідак 2013].

Суть методики инференционного анализа довольно проста: следуя принципу неустранимости субъекта познания из научного анализа, исследователь становится участником анализируемой коммуникации, выступая в роли интерпретатора реального или же смоделированного коммуникативного взаимодействия. Разумеется, в отличие от обычного участника коммуника-

ции, исследователь «вооружен» научной теорией, гипотезой и соответствующими им инструментами научного анализа.

Для обеспечения эффективности инференций в функции инструмента такого анализа они не могут истолковываться в логико-прагматическом смысле – как формально-логические дедуктивные выводы (см., например, [Brown, Yule 1983: 34]) или же вероятностно-индуктивные догадки [там же: 34], сопровождающие «декодирование» языковых единиц. Недостаточно точным будет и определение инференций как когнитивных операций получения интроспективного выводного знания в акте коммуникативного взаимодействия и как продукта таких операций – выводного знания (именно такое содержание вкладывается в этот термин представителями когнитивной лингвистики «второго поколения»).

Инференции понимаются здесь как семантические структуры, возникающие в результате параллельных осознаваемых / неосознаваемых, интенциональных / неинтенциональных психических процессов, активируемых вербальным / невербальным высказыванием в акте ККВ и происходящих на базе сложно организованной семантической сети, связывающей различными ассоциативными отношениями структуры когнитивного, аффективного, перцептивного и волеизъявительного опыта субъекта, объединяющиеся вокруг общего семантического ядра.

Цель исследователя состоит в выявлении / прогнозировании инференций коммуникантов, производимых в ходе воплощения тех или иных стратегических целей в конкретных пространственно-временных координатах при совместном фокусировании внимания на определенном объекте / референте, и проявляющихся (эксплицитно или имплицитно) в их вербальных и/или невербальных высказываниях.

Согласно результатам пилотных исследований, выявить роль названных параметров можно в тех актах ККВ, где реализуются такие конфронтационные стратегии, как например, стратегия несогласия, или же имеют место коммуникативные неудачи. В данных актах возникает оппозиция знаний, аффективных состояний, перцептивных опущений, желаний, что и выдвигает все эти параметры в фокус внимания исследователя.

Роль **когнитивного параметра**, в частности онтологических знаний, в инференционной деятельности наиболее очевидна в тех случаях, где ясно прослеживается несформированность того или иного «лексического концепта» в семантической сети одного из коммуникантов, что становится причиной коммуникативной неудачи. Например:

SHELDON: *I never eat in strange restaurants. One runs the risk of non-standard cutlery.*

RAMONA: *Excuse me?*

LEONARD: *Sheldon lives in fear of the three-tined fork.*

(«The Big Bang Theory»)

Рамона не понимает высказывания Шелдона, поскольку «книжная» лексема *cutlery* не активирует в ее памяти никакого «лексического концепта». Скорее всего, этот концепт вообще не сформирован. Во всяком случае, он не активируется его словарным обозначением. Это может объясняться спецификой сферы онтологических знаний, частью которой он является. В когнитивной лингвистике такого рода знания осмысливаются в терминах суперординатного уровня прототипической категории [Lakoff 1987]. Собственно, лексема *cutlery* есть именем категориального концепта су-перординатного уровня прототипической категории СТОЛОВЫЕ ПРИБОРЫ. А концепты суперординатного уровня не принадлежат к конвенциональному знанию, т.к. сформированы далеко не у всех членов лингвокультуры, в отличие от концептов базового уровня соответствующих категорий [там же].

Это предположение подтверждается тем, что Леонард, осознавая причину непонимания, объясняет смысл высказывания путем метонимической замены «книжной» лексемы *cutlery* нейтральной лексемой *fork*, обозначающей члена базового уровня той же категории и, соответственно, являющейся именем концепта базового уровня этой категории – ВИЛКА.

Каждый из коммуникантов реализует свои стратегические коммуникативные цели, возникающие непосредственно в ходе развития коммуникативного взаимодействия: цель Шелдона состоит в том, чтобы объяснить свою неловкость при посещении ресторанов, Рамона – в получении дополнительной информации, позволяющей ей понять высказывание Шелдона, Леонарда – в предоставлении Рамоне такой информации. Эти цели мотивированы как общими этологическими и лингво-этологическими знаниями этических норм социального и коммуникативного поведения (в том числе, и все еще широко обсуждаемого принципа вежливости [Brown, Levinson 1987]), так и утилитарными сиюминутными потребностями коммуникантов. Кроме того, они мотивируются взаимоотношениями коммуникантов, их эмоциональным состоянием, желаниями и т.д. Предположим, что Леонард сердился бы на Рамону и из-за этого, возможно, не захотел бы объяснять ей смысл высказывания Джои.

Подобным образом инференционный анализ позволяет выявить роль *аксиологических*, в частности, этологических знаний в конструировании смыслов языковых/речевых единиц в акте коммуникации:

Joey and Michael's house.

JOEY: *Hey, Michael. Who was that girl last night?*

MICHAEL: *I wasn't with a girl.*

JOEY: *No, the one I brought home. I can never remember her name.*

(«Joey»)

Майкл не может интерпретировать вопрос в соответствии с ожиданиями Джои, поскольку Джои выходит за рамки конвенциональных знаний этических норм домена / фрейма МЕЖГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Не ожидается, что парень, пришедший домой с девушкой, станет спрашивать у друзей ее имя. Поэтому Майкл делает инференцию, более релевантную в данном контексте. Согласно этой инференции, речь идет о его собственной девушке.

В следующем акте коммуникации инференции коммуникантов опираются на (лингво)этологические знания:

GRACE: *Stop! Karen, how about some coffee?*

KAREN: *Oh, no, I had some on the way in. Thanks. [beat] Oh, you want some. Oh, devil! Oh! I need an assistant. All right, where is it?*

(«Will and Grace»)

Карен, находящаяся в дружеских отношениях с Грейс, и, в то же время, работающая ее ассистентом, ошибочно интерпретирует вопрос Грейс как ПРИГЛАШЕНИЕ ВЫПИТЬ КОФЕ. Это происходит потому, что она ориентируется на сценарий коммуникативного события РАЗГОВОР С ПОДРУГОЙ (конвенциональные (лингво)этологические знания). В рамках этого сценария такая инференция является вполне релевантной. В то же время, Грейс, задавая вопрос, действует в рамках сценария РАЗГОВОР С ПОДЧИНЕННЫМ. И в рамках этого сценария от адресата ожидается инференция о том, что к ней обращаются с ПРОСЬБОЙ СДЕЛАТЬ КОФЕ.

Инференционный анализ также позволяет проследить взаимодействие когнитивного параметра с другими параметрами, в частности с *параметром внимания*:

Sheldon and Penny went to an *electrical store*.

RANDOM GUY: *Which hard drive do I want, firewire or USB?*

SHELDON: *It depends on what Bus you have.*

GUY: *I drive a Chevy Cavalier.*

SHELDON: *Oh, dear lord.* («The Big Bang Theory»)

Эта интеракция происходит в компьютерном магазине. Один из покупателей, Шелдон, мотивированный желанием помочь другому покупателю подобрать жесткий диск, спрашивает, какая шина (*Bus* – канал передачи информации) используется в его компьютере. Учитывая перцептивный контекст, в процессе построения вопроса адресант опирается на онтологические знания домена / фрейма КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, а также (лингво)этологические знания сценария РАЗГОВОР С НЕЗНАКОМЦЕМ В КОМПЬЮТЕРНОМ МАГАЗИНЕ.

Лексическая единица *Vis* активирует в сознании адресата более укорененный концепт АВТОБУС. Гипотетически, это можно объяснить недостатком онтологического опыта адресата в компьютерной сфере. Вместе с тем, с определенной долей вероятности, эту коммуникативную неудачу можно объяснить невнимательностью, т.е. отсутствием фокуса внимания адресата (возможно, его мысли заняты чем-то другим).

В любом случае, очевидно, что в своей инференционной деятельности адресат опирается на домен / фрейм ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА. Несовпадение ожидаемых инференций с реально произведенными приводит к коммуникативной неудаче.

Роль параметра внимания еще более очевидна в следующем акте:

JACK: *Are there any specific areas that are troubling you?*

KAREN: *Yeah. My marriage.*

JACK: *I mean your body, Karen.* («Will and Grace»)

С точки зрения Джека, этот акт когнитивно-коммуникативного взаимодействия разворачивается по сценарию коммуникативного события СЕАНС МАССАЖА. Соответственно, задавая вопрос пациентке, он соотносит словосочетание *any specific areas* с буквальным концептуальным содержанием ПРОБЛЕМНЫЕ УЧАСТКИ ТЕЛА (онтологические знания – домен ЛЕЧЕБНЫЙ МАССАЖ, (лингво)этологические знания – стереотипы социального и коммуникативного поведения, соответствующие коммуникативному событию СЕАНС МАССАЖА).

Карен интерпретирует этот вопрос в рамках сценария коммуникативного события СЕАНС ПСИХОАНАЛИЗА, соотнося языковое выражение *any specific areas* не с буквальным концептуальным содержанием ПРОБЛЕМНЫЕ УЧАСТКИ ТЕЛА, а с метафорическим – ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ БРАКА. Причина нерелевантной интерпретации состоит, конечно же, не в том, что у Карен не сформированы концепты соответствующих доменов, а в том, что в момент разговора ее мысли и эмоции заняты проблемами ее рушащегося брака, и она не может (аффективный параметр) или не хочет (волеизъявительный параметр) сфокусироваться на предмете разговора, задаваемом партнером по коммуникации.

Инференционный анализ также позволяет высветить роль **аффективно-го параметра** в инференционной деятельности:

Daphne and Niles were sitting at the fireplace. Niles has feelings for her.

DAPHNE: *Dr. Crane...*

NILES: [passionately] *Yes, Daphne?*

DAPHNE: *We're losing the fire.*

NILES: *No we're not, it's burning with the heat of a thousand suns!*

DAPHNE: [turning to the fire] *But it's down to its last embers!*

NILES: [calming down] *Well then... I'll put some wood on it!* («Frasier»)

Сидя у огня со своим другом Найлзом, Дафни, мотивированная утилитарными потребностями, хочет обратить его внимание на то, что огонь вот-вот погаснет. Соответственно, Дафни ожидает, что Найлз проинтерпретирует ее высказывание как ПРОСЬБУ ПОДДЕРЖАТЬ ОГОНЬ. Найлз (в отличие от Дафни, не испытывающей к нему особых романтических чувств) влюблен в нее. И это аффективное состояние определяет характер его инференции. Он интерпретирует ее высказывание не в буквальном, а в метафорическом смысле как ОПАСЕНИЕ, ЧТО ИХ РОМАНТИЧЕСКАЯ СТРАСТЬ ВОТ-ВОТ УГАСНЕТ. Разумеется, аффективное состояние, переживаемое Найлзом, тесно взаимосвязано с параметром внимания, заставляя его сфокусироваться на переживаемом чувстве и вытесняя из фокуса внимания все другие объекты.

Предлагаемая методика также позволяет выявить роль **волеизъявительного параметра** в инференционной деятельности, который практически не упоминается в исследованиях коммуникации:

Rondall thought that Jill was hitting on him.

JILL: *Rondall, I'm sorry, but I'm gonna have to ask you to leave.*

RONDALL: *Oh, oh, that's good, that's good, that's good. You're pretending to throw me out because your husband can see us.* [Jill gets his briefcase and coat].

JILL: *No, I'm really throwing you out.* («Home Improvement»)

Рондал уверен в том, что Джил им увлечена, и не хочет принимать во внимание ее протесты по поводу этой уверенности. Поэтому когда она просит его уйти, он делает инференцию, что она просто боится ревности мужа. Соответственно, коммуникативная неудача здесь есть следствием нежелания коммуниканта принять во внимания информацию, позволяющую ему сделать инференцию, релевантную в данном контексте.

Наконец, инференционный анализ выявляет и роль **перцептивного параметра**:

Chandler was talking to his mother and Joey was listening at the door when Ross walked up.

JOEY: *He said «When are you gonna grow up and start being a mom?»*

ROSS: *Wow!*

JOEY: *Then she came back with «The question is, when are you gonna grow up and realise I have a bomb?»*

ROSS: *Okay, wait a minute, are you sure she didn't say «When are you gonna grow up and realise I am your mom?»*

JOEY: *That makes more sense.* («Friends»)

Подслушивая за дверью разговор Чендлера с матерью, Джои плохо слышит ее высказывание и делает ложную инференцию о том, что у нее есть бомба. Нерелевантная инференция порождается механическим шумом в слуховом сенсорном канале.

Таким образом, создание **когнитивно-коммуникативной эпистемологии** требует учета следующих обстоятельств:

1. Коммуникативное взаимодействие обеспечивается «семантической сетью», представляющей собой модель нейронной сети мозга.

Смысл единицы языка, актуализирующийся в акте коммуникации, не заключен в самой единице языка. Роль единицы языка состоит в:

- активации «лексического концепта», являющегося частью сложно организованной «семантической сети», объединяющей структуры как когнитивного, так и перцептивного, аффективного (эмоционально-оценочного) и волеизъявительного опыта, связанного с тем или иным объектом референции, активируемым «лексическим концептом»;

- «запуске» интенциональных / неинтенциональных, осознаваемых / неосознаваемых психических процессов инференционной природы, позволяющих осмыслить это конвенциональное концептуальное содержание на базе «семантической сети».

2. Объектом исследований языка, претендующих на статус когнитивно-коммуникативных, должно стать реальное (или смоделированное в мультимодальной среде) коммуникативное взаимодействие. Методики когнитивно-коммуникативного анализа должны опираться на существующие когнитивные теории, отражающие представления о структурной организации психики человека и принципах ее функционирования в процессах обеспечения коммуникативной деятельности.

3. Такому требованию отвечает инференционный анализ коммуникативного взаимодействия. Он базируется на понятии инференции как семантической структуры, возникающей в результате параллельных осознаваемых / неосознаваемых, интенциональных / неинтенциональных психических процессов, активируемых вербальным / невербальным высказыванием в акте когнитивно-коммуникативного взаимодействия и происходящих на базе сложно организованной семантической сети, связывающей различными ассоциативными отношениями структуры когнитивного, аффективного, перцептивного и волеизъявительного опыта субъекта, объединяющиеся вокруг общего семантического ядра при фокусировании внимания коммуникатов на одном и том же объекте референции.

Выводы

Преимущества когнитивно-коммуникативной онтологии языка состоят в том, что она пытается ответить на «вечные» философские вопросы, выносимые за скобки структурным функционализмом – о природе разума и языка. Возможно, решение этих вопросов и не приносит прямой практической пользы, но если практику понимать не только как предметную, но и как интеллектуальную деятельность, данные лингвистических когнитивно-коммуникативных исследований становятся соизмеримыми с данными других наук (философии, психологии, нейрологии, социологии, антропологии и др.), имеющих не только общий с такой лингвистикой объект исследования, но и общие представления о взаимоотношениях субъекта и объекта, способах организации объекта и методе его изучения.

Следовательно, перспективы лингвистики нужно связывать с развитием ее когнитивно-коммуникативного направления, интегрирующего ее в общий научный процесс.

КАРТИНА МИРА И МАТРИЧНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК БАЗОВЫЙ МЕТОД ЕЕ АНАЛИЗА

Современное толкование картины мира как лингвокогнитивной модели действительности выводит на первый план вопрос взаимодействия познавательных механизмов человека, языковой системы и коммуникации в природной и социальной средах. Решение этого комплексного вопроса становится возможным в рамках эколлингвистики, предлагающей новый взгляд на картину мира как динамичную интрепретативно-регулятивную структуру. Широкий прикладной потенциал теории картины мира рассматривается в теории основных направлений лингвистики, а также на практике матричного моделирования некоторых ее компонентов.

Прикладной потенциал теории картины мира в современных лингвистических исследованиях. Теория картины мира и эколлингвистика

Когнитивный поход к лингвистическим явлениям требует понимания того, что язык в широком смысле (т.е. как система и ее коммуникативная реализация) является, во-первых, результатом познавательной деятельности человека, который особым образом объективирует его представления об окружающем мире и, во-вторых, средой, взаимодействующей с человеком. Пересечение упомянутых аспектов в виде теории картины мира, существующей в рамках эколлингвистики [The Ecolinguistics... 2001], позволяет по-новому раскрыть свойства изучаемого в науке и, что, на наш взгляд, важнее, – предложить новую методику исследований.

В лингвистических кругах, однако, бытует мнение о том, что само понятие «картина мира» утратило актуальность в лингвистике, т.к. постулаты

одноименной теории были сформулированы еще в конце 80-х г.г. XX ст. в программной коллективной монографии под редакцией Б.А. Серебренникова [Роль... 1988], а в последнее время только дополняются разнообразными деталями (см. обзор в [Попова 2007: 35–40]). Существенным недостатком, делающим теорию картины мира нерелевантной для современных подходов, называется также статичность картины мира и, следовательно, ее неспособность объяснить суть ментальных процессов в ходе коммуникации «здесь и сейчас» в рамках деятельностного подхода, когда смысл высказывания конструируется он-лайн, и системное значение единиц языка оказывается нерелевантным (см., напр., [Evans 2009]).

Мы же склонны согласиться лишь с первой частью утверждения как с непреложным фактом, а также и с тем, что в первоначальном виде картина мира интерпретировалась как «проявление человеческого фактора в языке» [Караулов 2010: 200], как множество закрепленных в сознании взаимосвязанных структур – ментальных репрезентаций реальности, построенных согласно мировоззрению и миропониманию его носителя – индивида, группы, социума, нации или человечества и находящих частичное вербальное отражение в виде статичных систем (лексикона и грамматических парадигм). Такое видение картины мира, однако, ни в коей мере не может служить доводом против ее использования в современном лингвистическом анализе при условии модернизации взгляда на ее суть, структуру и функции.

Одним из аргументов в пользу эффективности современной теории картины мира служит ее парадигмальное соответствие основополагающим положениям современной лингвистики, одним из направлений которой является лингвокогнитивистика в рамках эколингвистики.

Напомним, что главными установками современной лингвистической научной парадигмы называют среди прочих экспансионизм, антропоцентричность, неофункциональный подход и экспланаторность [Кубрякова 1995: 207 и далее]. Эколингвистика сместила акценты – она имеет несколько иной, по сравнению с антропоцентризмом, взгляд на человека, а, следовательно, на процесс мышления и на природу языка. Однако и в ее рамках базовые установки к исследованиям языковых явлений остались без изменений.

Рассмотрим, каким образом конкретные свойства картины мира соответствуют этим установкам.

В настоящее время насчитывается более сотни атрибутивных сочетаний термина «картина мира», при этом каждый исследователь стремится привести в его понимание элементы, релевантные именно для своей собственной работы. Так, наиболее известными терминами, вошедшими в ши-

рокий обиход, являются языковая картина мира [Апресян 1997; Вайсгербер 1993], национально-культурная картина мира [Корнилов 2003; Попова 2002], научная картина мира [Степин 1994], политическая картина мира [Чудинов 2007] и далее – по дисциплинам и профессиям: литературно-жанровые – поэтическая картина мира [Маслова 2012; Сукаленко 1992] и т.д. Этот факт, однако, также свидетельствует в пользу термина, т.к. отражает многообразие проявлений когниции человека в разных средах, что является одним из признаков **экспансионизма** – стремления науки расширить эмпирическую и теоретическую базу за счет разрастания внутренних границ лингвистики и выхода ее в смежные и несмежные науки [Кубрякова 1994: 13–14].

Экспансионизм эколингвистики проявляется шире в том плане, что язык, как и любое другое явление в экологии (естественнонаучной или лингвистической), рассматривается в рамках принципа холизма: «Холизм в лингвистике предполагает, что язык не исследуется как изолированная, самодостаточная система, он изучается в его естественной среде, т.е. с учетом личностных, ситуативных, культурных и социальных факторов, которые в совокупности обуславливают появление и развитие языка в онто- и филогенезе» [Kramsch 2008: 18]. Теория картины мира, в особенности ее национально-культурной и языковой разновидности, соответствует этому условию, прямо обозначая факторы ее формирования: от географического положения и рельефа местности, где компактно проживают носители того или иного языка (культуры и соответствующей картины мира), до истории, климата, социальных факторов (уровня жизни, типа религии, политического строя, демографии и пр.), традиций, обычаев и их проявлений в быту (подробнее – см. [Корнилов 2003]).

Сходным образом объясняют факторы, влияющие на формирование языка, эколингвисты. Так, Э. Сэпир отмечает: «говоря о языке, который рассматривается как система символов, отражающая физические и социальные условия, в которые помещена группа людей, под термином «среда» целесообразно понимать физические и социальные факторы. Под физическими понимаются географические характеристики страны: расположение по отношению к побережью водоемов, рельеф (низины, долины, возвышенности, горы), климат, количество осадков, а также то, что можно назвать экономическим базисом бытования человека – флору, фауну и ископаемые в регионе. В социальную среду входят разнообразные социальные факторы, которые формируют образ жизни и мировоззрение каждого индивида. Среди наиболее существенных из них религия, этические стандарты, форма политического устройства и искусства» [Sapir 2001: 14].

Таким образом, теория картины мира непосредственно реализует установку экспансионизма в том смысле, что для изучения факторов формиро-

вания, например, национально-культурной картины мира необходимы знания, как минимум, в таких областях, как социология, история, культурология и этнопсихология. Необходимость описания специфических картин мира по областям знания, типу их создателя и способу обработки данных выводят лингвистику в области философии, истории религий, естественных наук, политологии, психологии, теории информационных систем и т.д.

Картина мира в лингвосоциальной среде

Второй установкой современной лингвистики называется **антропоцентризм** – признание главенствующей роли человека в порождении и функционировании языка. Вопрос изучения картины мира в свете данной установки имеет несколько аспектов.

Во-первых, с точки зрения эколингвистики, язык признается посредником между реальностью и человеческим мышлением, что целиком согласуется с принципами когнитивной науки: «Семиозис определенно основан на взаимодействии с реальным миром, т.к. восприятие, когниция и язык <...> являются посредниками между миром и нами» [Goatley 2001: 223]. Восприятие с помощью органов чувств человека, когниция как способ обработки информации, полученной от них, в виде различных концептуальных конструкций (гештальтов, концептов, доменов, фреймов, сценариев, скриптов и пр.) и язык, одна из форм объективации обработанной информации об окружающем мире, являются, соответственно, источником пополнения, механизмом формирования и способом объективации картины мира.

Признание языка инструментом объективации результатов действия познавательных механизмов человека является постулатом когнитивной лингвистики. Он лежит в основе понимания природы картины мира, прежде всего как когнитивного конструкта, составным элементом которого является концепт, т.е. концептуальной картины мира. Ряд ученых занимают радикальную позицию, предлагая под картиной мира «по умолчанию» понимать концептуальную картину мира [Гончарова 2012: 397]. Однако практика лингвистических исследований, позволяющая выделить, по крайней мере, сотню атрибутивных определений картины мира, не подтверждает правомерности подобного подхода и предлагает ряд критериев типологии картин мира по разным признакам. Тем не менее, приходится признать, что с точки зрения лингвокогнитивистики **концептуальная картина мира является базовой формой репрезентации представлений о мире в мышлении человека.**

Эколингвистика дает возможность найти место теории картины мира среди множества иных антропоцентрических течений в лингвистике, т.к. человек в ней рассматривается не как объект, а как непосредственный

участник научного наблюдения над исследуемой системой, по принципу, сформулированному И. Пригожиным [Prigogine 1984: 41].

Этот принцип является имманентным для картины мира как продукта когниции. Ее автором всегда является человек, независимо от того, что она отражает (подробнее – см. [Бондаренко 2014: 12–18]). С другой стороны, сторонники эколлингвистики подчеркивают, что влияние природных условий на формирование языка человека не происходит помимо определенного социального воздействия на каждого носителя языка как члена общества себе подобных [Sapir 2001: 14], т.е. только социально значимые явления находят отражение в языке. Социальный контекст, собственно, и является условием формирования картины мира, т.к. она представляет продукт познания мира, сформированный под влиянием определенного мировоззрения: художественного, политического, научного, религиозного, национально-культурного и пр.

Вместе с тем, известно, что тип картины мира зависит не только от мировоззренческих условий, в которых она сформирована. Предлагаемые нами **критерии типологии картин мира*** вместе с предложенными в [Роль... 1988: 31–32] включают:

- **характер субъекта** (автора картины мира). Данный критерий позволяет ответить на вопрос **КТО СОЗДАЕТ КАРТИНУ МИРА?**, т.е. различать авторов картины мира по численному (индивидуальная (например, авторская), групповая (по территориальному, социальному или профессиональному признаку), национальная, глобальная (представленная всем человечеством)); социальному (бедняка, дауншифтера, олигарха и пр.); возрастному (ребенка, взрослого, старика) и мн. др.;

- **характер объекта** (что воспроизводится в картине мира). Согласно этому критерию, служащему ответом на вопрос **ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЕТ КАРТИНА МИРА?**, принято выделять локальную, специальную (когда для получения рефлексивного образа выбираются определенные, релевантные определенной сфере знания явления – астрономические, физические, химические и пр.), и глобальную картину мира;

- **способ восприятия действительности** (как воспроизводится мир). Это критерий, дающий объяснение **КАК СТРОИТСЯ КАРТИНА МИРА?**, позволяет выделить, например, научную (построенную по законам логики и подтвержденную эмпирическим опытом), художественную (на основе эстетических впечатлений художника, писателя, музыканта, и пр.), наивную (обыденную) и пр. картины мира в зависимости от типа мышления автора/ов

* Впервые опубликовано в: Бондаренко Є.В. Типологія картин світу: когнітивні підвалини // Наукові записки КДПУ. – Серія: Філологічні науки (мовознавство). – Вип. 116. – Кіровоград, 2013. – С. 383–388.

картины мира. Принципы выделения таких типов будут подробно рассмотрены ниже. С другой стороны, в рамках этого критерия могут учитываться способы восприятия мира через отдельные органы чувств: цветовая, звуковая, вкусовая и пр. картины мира;

- **структура** (элементы). Этот критерий позволяет ответить на вопрос **ИЗ ЧЕГО СОСТОИТ КАРТИНА МИРА?** Для концептуальной картины мира – это концепты или другие когнитивные структуры, для художественной – соответствующие образы и т.д.

- **свойства компонентов картины мира** (экспоненты). Являясь на вопрос **КАК ВЫРАЖАЮТСЯ ЭЛЕМЕНТЫ КАРТИНЫ МИРА?**, этот критерий позволяет выделить различные семиотические системы, лишь часть из которых является графическими: помимо языковых и неязыковых знаков, способами выражения картины мира являются звуки, краски, формы, жесты, ритуалы, верования, приметы и пр. Лингвисту данный критерий дает возможность проследить закономерности функционирования картины мира через язык и речь, т.к., несмотря на внушительный объем теоретических доказательств наличия определенных мыслительных структур, которые объясняют процедуру миропознания человека, объективным материалом, доступным исследователю (лингвисту), были и остаются языковые единицы и продукты речевой коммуникации. «Язык выявляет, объективирует то, как увиден и понят мир человеческим разумом, как он преломлен и категоризован сознанием» [Кубрякова 2004: 57].

Картина мира: гносеология и дискурс

Факт взаимосвязи языка и мышления приводит рассуждения о теории картины мира к следующей установке современного лингвистического исследования – **неофункционализму**. По свидетельству Е.С. Кубряковой, «под функционализмом, а, точнее, неофункционализмом, мыслят изучение языка в действии, имея в виду использование языка, его употребление» [1995: 220]. В широком понимании теория картина мира с точки зрения этой установки позволяет изучать способы коммуникативной и дискурсивной реализации определенной картины мира языковыми средствами. С другой, – в рамках эколингвистики, возможно рассмотрение способов влияния социальной и природной среды человека на язык [Sapir 2001: 14] – в наших терминах – влияния типа картины мира на содержание ее языковой объективации. Эколингвистический подход также позволяет рассматривать обратное взаимодействие картины мира и языка в плане выявления «способов, которыми язык отражает, изображает и искажает нашу естественную и социальную среду» [Kramcsh 2008: 17]. В сходном ключе рассуждает и Е.С. Куб-

рякова: «Функционализм, – как и антропоцентризм, – оказываются вследствие этого двумя такими важнейшими допущениями о природе и организации языка, которые помогают понять, с какими функциональными, биологическими, психологическими и социальными ограничениями должна столкнуться коммуникативная система как в своем происхождении, так и в своем реальном использовании» [1995: 222].

Неофункционализм картины мира видится нам в рамках целого ряда теорий и направлений современной лингвистики: лингвогносеологии, которая связывает тип мышления (миропознания) человека с формами объективации его продуктов; генристики, позволяющей обозначить корреляции между типом картины мира и жанром дискурса, в рамках которого картина мира реализуется; теории языковой/дискурсивной личности, являющей носителем картины мира; деятельностного подхода и теории выводного знания, предполагающих влияние картины мира на он-лайн семиозис (т.е. формирование значения в процессе непосредственно общения «здесь-и-сейчас»); теории коммуникации, определяющей регулятивный потенциал картины мира.

Одним из важнейших критериев типологии картины мира является способ восприятия действительности, который описывается в гносеологии как уровень сознания*. Согласно представлениям К. Поппера [1983: 83] и А.С. Есенина-Вольпина [1999: 193–194], рефлексия окружающего мира происходит с привлечением **различных уровней сознания (мировосприятия)**: дотеоретического (обыденного), теоретического (научного и философского) и внетеоретического (религиозно-мифологического и художественного). Формами реализации этих уровней могут быть любые семиотические системы, которые поддаются или не поддаются графическому кодированию. Такие системы, соответственно, могут быть названы языковыми / неязыковыми и социально-поведенческими. К первым относим язык, музыку (в нотных записях, партитуре), живопись, систему дорожных знаков, архитектуру, скульптуру и пр.; ко вторым – традиции, уклад, этические правила, модели невербального поведения и пр.

Взаимосвязь уровней мировосприятия и форм их реализации может быть представлена в виде таблицы (см. Табл. 1), позволяющей по видовым признакам установить тип картины мира. По вертикальной ее «оси» (в левой колонке) располагаются **уровни сознания (мировосприятия)**: дотеоретический (обыденный или наивный); теоретический (философский, научный) и внетеоретический (мифо-эпический, религиозный и художественный). По горизонтальной «оси» (в верхней строке) размещаются **формы реали-**

* Впервые опубликовано в: Е.В. Бондаренко *Время как лингвокогнитивный феномен англоязычной картины мира* : монография / Е. В. Бондаренко. – Харьков : Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, 2009. – 377 с.

зации продуктов мировосприятия: символьная (языковая и неязыковая) и социально-поведенческая. Под последней понимаются традиции, уклад, ситуативное поведение, ритуалы и пр. Таким образом, например, дотеоретический уровень мышления, продуктом которого является обыденная или наивная картина мира, имеет две базовых формы реализации: символьную, к которой относится языковая (обыденная = наивная) картина мира и неязыковую (обыденная = наивная) картины мира (приметы, «знаки», поверья и т.п). Социально-поведенческая форма реализации обыденной = наивной картины мира – это традиции, уклад и обыденное ситуативное поведение.

Таблица 1

**Типология картин мира
по уровням миропознания и формам их реализации**

Форма реализации Уровни сознания (мировосприятия)	Символьная		Социально-поведенческая
	языковая	неязыковая	
<i>Дотеоретический</i> <i>обыденный = наивный</i>	обыденная (наивная)	приметы «знаки»	традиции уклад ситуативное поведение
<i>Теоретический</i> <i>философский</i> <i>(наднаучный),</i> <i>научный</i> <i>(по отраслям)</i>	философская научная	парадигмы теории формулы	научная этика системность поведения
<i>Внетеоретический</i> <i>мифо-этический</i> <i>религиозный</i> <i>художественный</i>	мифо-эпическая религиозная художественная	знамения идолы иконы символы архетипы партитура (ноты) форма цвет	ритуалы модели поведения (христиан, буддистов и т.д.) богемы

Согласно табл. 1, языковая картина мира – это форма реализации различных типов освоения действительности сознанием. Языковая картина мира (2-я колонка табл. 1) объективирует различные типы мировосприятия:

- обыденное (наивное) – в обыденной (наивной) картине мира, языковая составляющая которой закреплена в узусе или норме;
- философское и научное – в философской и научной языковой картине мира, реализованной на уровне системы (языка) в соответствующей

терминологии и синтаксических нормах, а в речи – в научных дискурсивных формах – полемике, лекциях, докладах, статьях, монографиях и пр.;

- мифо-эпическое – в былинах, сагах, сказаниях, сказках, мифах, эпосах, песнях;

- религиозное – в сакральных текстах, документах и летописях религиозно значимых или внутрицерковных событий и пр.;

- художественное реализуется в разнообразных литературных жанрах – от малых, например, мифа и былины, до крупных – поэмы и романа.

Характерно, что такие относительно недавно сформировавшиеся картины мира, как, например, политическая, представляют собой сочетание нескольких уровней сознания. Так, политическая картина мира комбинирует уровни сознания (мифо-эпическое, наивное, философское, научное и художественное), реализованные в различных формах: в неязыковой форме она включает верования и предрассудки, навязанные пропагандой (в рамках мифо-эпического и наивного типа миропознания), имеет архетипы (в рамках художественного), предполагает ритуальность (мифо-эпического сознания); в символической (языковой) форме может представляться в виде мифов, легенд, с одной стороны, и лекций, диспутов, с другой, характерных форм, соответственно, для наивного и научного сознания.

В связи с этим следует обратить внимание и на до сих пор не утихающую полемику вокруг идентичности, сходств или несопоставимости концептуальной, языковой и наивной картин мира. Ряд ученых [Морковкин 1997: 52; Гончарова 2012: 397] считают невозможным противопоставление концептуальной и языковой картин мира ввиду их разноплановости. Предлагаемая система критериев картины мира подтверждает это предположение, т.к. языковая картина мира является, с одной стороны, одним из способов объективации различных картин мира, в зависимости от ее субъекта, объекта и пр. критериев. Взаимоотношения языковой и концептуальной картин мира Е.С. Кубрякова описывает как структуры, существующие параллельно: «языковая картина мира имеет свой специфический «двойник» во внутреннем лексиконе. Первая характеризуется языковыми формами, второй – ментальными репрезентациями этих форм» [2004: 56]. По той же причине нельзя отождествлять наивную и языковую картины мира, т.к. наивная картина мира по атрибутивному признаку лишь характеризует способ мышления познающего (наивный или обыденный), но никак не форму его вербализации (языковые единицы и их употребление в коммуникации). Соответственно, нужно учитывать, что языковая картина мира объективирует любой тип мышления: мифо-эпический, научный, профессиональный, религиозный, политический и т.д.

Объективация картиной мира любого типа мышления обуславливает

ее важную функцию, которая до недавнего времени вообще не рассматривалась с точки зрения теории коммуникации. Так, широко известна и, как правило, упоминается в лингвистических работах *интерпретативная* (объяснительная) функция картины мира, позволяющая истолковать любое, даже необъяснимое для её автора, явление действительности в рамках собственного индивидуального, коллективного или универсального (глобального) мировидения. Однако, *регулятивная* функция картины мира до сих пор оставалась в тени, видимо, в связи с тем, что управление поведением традиционно считается не лингвистической сферой. В западной лингвистике этот барьер давно преодолен за счет критического дискурс-анализа [Fairclough 1989; 1995; 2003; Dijk 1993; 1998; 2008; 2009; Wodak 2009], главной целью которого теперь, в рамках эколлингвистики, является, как уже было отмечено выше, изучение способов, которыми язык отражает или искажает социальную и природную среду человека. В качестве рабочих теорий для этого, в первую очередь, называются критический дискурс-анализ и функциональная лингвистика [Kramsch 2001: 17].

В настоящее время стали появляться работы, посвященные реализации компонентов концептуальной картины мира (концептов и других структур) в коммуникативных стратегиях и тактиках (см., например, [L'Note 2014]). В ее исследовании рассматривается влияние лексикона лейбористской партии Великобритании на бессменный её успех на выборах в течение почти четверти века с 1983 до 2007 г. Лексикон трактуется в рамках критического дискурс-анализа как форма вербализации концептов, метафор и ментальных пространств в политическом дискурсе. Методами корпусной компьютерной статистики убедительно доказано, что выбор и частотность определенных лексических единиц прямо влияет на имидж партии и симпатии избирателей. Хотя автор напрямую не пользуется теорией картины мира, но сама отмечает, цитируя У. Липманна, что «выбор релевантных областей источника и областей цели при метафорическом картировании обусловлен тенденцией воспринимать то, что мы выбрали, в форме, стереотипизированной для нас нашей культурой» [L'Note 2014: 82]. Здесь, несомненно, идет речь о национально-культурной картине мира, обуславливающей метафорическое видение человека.

Регулятивность картины мира находится в непосредственной связи с её интерпретативностью: человек действует в соответствии со своим миропониманием. Именно эта закономерность широко используется в манипулятивных технологиях политики, масс-медиа (информационных войн) и рекламы. О.С. Иссерс называет это, вслед за А.Н. Барановым, «взаимообменом моделями мира»: «коммуникация представляет «взаимообмен моделями мира», интеграцию знаний говорящего в модель мира слушающего, и на-

оборот». А.Н. Баранов назвал это онтологизацией знаний (онтология – учение о бытии, его сущности, принципах устройства и т.п.)» [2009: 38].

Такое воздействие, как правило, оказывается трехэтапным. На первом и втором в рамках интерпретативной функции картины мира осуществляется поиск «чувствительных» областей в картине мира адресной аудитории, затем производится манипуляция для изменения структур этих областей с помощью различных стратегий и тактик манипуляции, а далее «включается» регулятивная функция, которая заставляет носителя видоизмененной области в его картине мира действовать соответствующим образом. Подобная процедура характерна для любой информационной сферы, включая образование, однако, манипуляция, как правило, направлена на формирование у носителя картины мира искаженного представления о действительности с целью заставить его действовать в целях, необходимых манипулятору. Эти цели находятся в противоречии с целями объекта манипуляции. Характерно, что последний этого, как правило, не осознает, принимая внушенное представление за собственное [Dijk 2006: 361]. Таким образом, реклама убеждает приобрести товар, политики – отдать им свои симпатии на выборах. Что касается масс-медиа, в настоящее время о них все чаще говорят как об инструменте гибридных войн [Почепцов 2000; 2015], функции и механизмы которых будут рассмотрены в практическом разделе.

Картина мира и коммуникация

Другим фактором, влияющим на языковую объективацию картины мира, являются условия коммуникации. В контексте социолингвистического подхода, они разделяются В.И. Карасиком на бытийные и бытовые, противопоставленные институциональным: «В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определенного социального института» [2000: 5]. Нельзя не заметить прямого соответствия между типами дискурса и картиной мира, которые они представляют. Так, институциональные дискурсы – «политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный» [там же: 8] – коррелируют с одноименными картинами мира, а бытовой – с наивной. Признавая нечеткость их границ, возможность сочетания отдельных элементов в различных комбинациях и даже слияния, они представляют широкий спектр социальной среды, влияющей на коммуникацию. На протяжении дня носитель языка, как правило, десятки раз вынужден переключаться с бытового на разные виды институционального дискур-

са и обратно, меняя или сочетая роли родственника, пользователя сети Интернет, начальника / подчиненного, пассажира, покупателя, водителя, слушателя радио, театрального зрителя и пр. Выделенные на основе различия, во-первых, целей и, во-вторых, участников общения, типы дискурса обусловлены типом мышления, который задает первые и определяет состав вторых. Так, например, изучение иностранного языка предполагает, в первую очередь, ознакомление с картиной мира народа, который говорит на нем, т.е. освоение базовой для народа концептуальной структуры, определяющей его ментальность [Попова 2007: 42–46]. На бытовом уровне, при наладке сети Интернет у себя дома пользователю приходится «встраиваться» в картину мира программиста, выбирая реалии и используя терминологию соответствующей отрасли науки, ему же как пациенту – объяснять симптомы заболевания врачу и т.д.

Роль объекта и субъекта картины мира в данном случае являются решающими. С одной стороны, для успешной коммуникации важно насколько сходны или различны (по социальному статусу, гендеру, возрасту, национальной принадлежности и т.п.) ее участники – субъекты картины мира, с другой, цель коммуникации должна находиться в рамках одной и той же (языковой) картины мира, т.к., например, покупку продуктов (бытовая картина мира), осуществляемую поэтом и автослесарем (художественная и профессиональная картина мира) на их метаязыках или в рамках присущих им профессиональных поведенческих моделей, довольно сложно представить в реальности. Различиями субъектов картин мира по одному или нескольким признакам можно объяснить коммуникативные неудачи в бытовой сфере, когда дети не понимают отцов (возрастной признак), мужчины женщин (гендерный признак), в политической сфере – богатые бедных (социальный признак), не говоря о межнациональных и межконфессиональных конфликтах, когда не только субъект, но и объект и способ восприятия действительности являются различными или взаимоисключающими.

Эколингвистический подход к коммуникации в этом плане определяет мирное сосуществование «всех со всеми» в условиях антагонизма [Kramsch & Steffensen: 19], при этом гармонизация коммуникации, в том числе и вербальной, должна происходить на ментальном (концептуальном) уровне, т.е. уровне картин мира сторон общения, даже если цели коммуникантов не совпадают. Способы решения этой проблемы будут рассмотрены в рамках освещения регулятивного потенциала картины мира.

Здесь же следует заключить, что в контексте неофункционализма картина мира представляется «сеткой координат» [Цит. по: Роль... 1988: 16], которая «набрасывается» коммуникантом на действительность. Эта сетка координат представляется цепью, сетью или матрицей взаимосвязанных кон-

цептуальных структур, отобранных и выстроенных в соответствии с природой субъекта картины мира, его мировоззрением и предпочтениями. Для индивида – это свойства, описанные в рамках теории языковой личности (ее когнитивный уровень) [Караулов 2010: 87]; для коллектива и нации – концептосфера [Корнилов 2003; Лихачев 1993; Попова 2007].

Картина мира и языковая личность

Картина мира является важнейшим фактором формирования языковой личности на ее когнитивном уровне. Именно картина мира предстает её наиболее эффективной моделью. Так, по словам Ю.Н. Караулова, «употребляемое иногда для обозначения способа упорядочения знаний сочетание «картина мира» при всей своей кажущейся метафоричности очень точно передает сущность и содержание рассматриваемого (когнитивного – Е.Б.) уровня: он характеризуется представимостью, перцептуальностью составляющих его единиц, причем средством придания «изобразительности» соответствующему концепту (идее, дескриптору) служат самые разнообразные приемы. Это может быть создание индивидуального образа на базе соответствующего слова – дескриптора – или включение его в некоторый постоянный, но индивидуализированный контекст, или обрастание его определенным набором опять-таки индивидуальных, специфических ассоциаций, или выделение в нем какого-то особого нестандартного, нетривиального отличительного признака и т.п.» [2010: 172]. Картина мира предстает ключом к анализу языковой личности в ее вербальных проявлениях, коммуникации: «коль скоро известна ценностно-смысловая иерархия понятий в <...> картине мира, известны его цели, то объяснению поддаются и вербально-семантические и структурно-языковые средства» [там же: 45; Карасик 2002: 29].

Не менее важную роль картина мира играет в понимании механизмов он-лайн семиозиса, который рассматривается в рамках деятельностного подхода [Лотман 1992; Barthes 2001; Halliday 1978; Pierce 1998]. Конструирование смысла непосредственно в процессе коммуникации невозможно без учета влияния картин мира коммуникантов.

Механизм он-лайн семиозиса объясняется, например, в рамках теории лексических концептов и концептуальных моделей (LCCM) В. Эванса. По его предположению, значение слов «теперь уже не представляется в качестве дискретного набора словарных описаний. Скорее, слова служат точками доступа к структурам, представляющим более широкое энциклопедическое знание <...>. Ввиду этого, слова обеспечивают доступ к тому, что я называю *семантическим потенциалом*, когда активизируются

разные типы знания» (*выделение – в оригинале*) [Evans 2006: 493]. Одним из аргументов пользу этого тезиса является предположение, что «значение не является свойством языка как такового, а, скорее, функцией употребления языка, и, следовательно, характеристикой процесса конструирования значения, а не обращением к ментальным представлениям/единицам, хранящимся в памяти» [там же: 496]. В. Эванс настаивает на том, что значение как таковое – картезианское (механистическое понятие): слова (или в его терминах – лексические репрезентации) представляют лексические концепты – хранящиеся в сознании единицы оязыковленного знания, которые обеспечивают доступ к концептуальным моделям, структурам концептуального знания [там же]. В терминах теории картины мира, лексемы как составляющие языковой картины мира представляют средства концептуализации знаний о мире. При этом последние представляют особые структуры «включающиеся» в конкретный момент высказывания. «В акте коммуникации [слова] неизбежно подвергаются обусловленным контекстом «сдвигам» в семантике и, таким образом, никогда не реализуют значения, ассоциирующего с конкретными лексическими репрезентациями (*т.е. словами – Е.Б.*)» [там же: 98].

Мы склонны согласиться с этой теорией в той части, что потенциал значения слова никогда не реализуется в конкретном высказывании в полном объеме, поэтому со времен Г. Фреге («*Sinn und Bedeutung*») различают значение и (контекстный) смысл: «Смысл рассматривается как способ представления информации в знаке, а значение выводится за пределы языка во внешний мир, отождествляясь с денотатом» [Худяков 2000]. Однако, важнейшее отличие от теории Г. Фреге В. Эванс усматривает в довольно спорном для нас факте, что при каждом употреблении слово задействует стабильную, не зависящую от контекста информацию, в то время, как в рамках его теории предполагается, что семантическое значение варьируется при всяком новом употреблении [Evans 2002: 501]. Действительно, в высказываниях (1) *That's a long book* и (2) *That's a heavy book* задействованы информационные потенциалы, к которым выводит лексическая репрезентация *book*. В (1) идет речь о времени, необходимом для ознакомления с ее содержанием, а в (2) – о ее физических характеристиках как предмета [там же: 521]. Нельзя не признать, однако, что обе эти характеристики подразумеваются, хотя и не всегда эксплицируются, в значении соответствующей лексемы.

Вопрос контекстного «высвечивания» компонентов значения лексической единицы подробно изучен в работах М.В. Никитина, посвященных лексической семантике [1988; 2007]. Он утверждает, что информация о денотате, которую слово несет в тексте, складывается из двух частей – непре-

менных признаков или интенционала (содержательного ядра лексического значения) и некоторой части импликационных признаков, актуализируемых контекстом, или импликационала (периферии семантических признаков, окружающих это ядро) [2007: 105]. Собственно, импликациональные признаки, которые могут проявляться с разной степенью вероятности, от жесткой до невероятной («негимпликационала»), очевидно, имеются в виду в рассуждениях В. Эванса о варьировании семантического значения. Тем не менее, под единицей *book* в любом контекстном употреблении подразумевается именно книга, а не что-то другое.

Обоснованность данной теории и ее релевантность для нашего исследования более иллюстративна при анализе актуализации смысла в реальном высказывании или художественном произведении. В качестве примера приведем шуточный рассказ о Шерлоке Холмсе и докторе Ватсоне, которые, как известно, характеризовались разным мировоззрением, интеллектуальным уровнем и профессиональной принадлежностью:

Sherlock Holmes and Dr. Watson go on a camping trip. After a good dinner and a bottle of wine, they retire for the night, and go to sleep. Some hours later, Holmes wakes up and nudges his faithful friend. «Watson, look up at the sky and tell me what you see.»

«I see millions and millions of stars, Holmes» replies Watson.

«And what do you deduce from that?»

Watson ponders for a minute.

«Well, astronomically, it tells me that there are millions of galaxies and potentially billions of planets. Astrologically, I observe that Saturn is in Leo. Horologically, I deduce that the time is approximately a quarter past three. Meteorologically, I suspect that we will have a beautiful day tomorrow. Theologically, I can see that God is all powerful, and that we are a small and insignificant part of the universe. What does it tell you, Holmes?»

Holmes is silent for a moment.

«Watson, you idiot!» he says. «Someone has stolen our tent!» (Funny Logic)

Ватсон, стараясь следовать логике «дедуктивного» метода Холмса, который казалось бы актуализируется в тексте лексической репрезентацией *to deduce*, пытается использовать максимум собственных фоновых знаний и толкует увиденное в рамках разных картин мира: астрономической, астрологической, географической, метеорологической и религиозной. Тем не менее, согласно логике анекдота, его интерпретация события оказывается неверной. Смысловой комплекс ситуации, «свернутый» в лексической единице *to deduce*, только предполагал выстраивание характерной для метода Холмса цепи умозаключений, которая должна была привести к разгадке. С точки зрения рассматриваемой теории, Ватсон пытался реализо-

вать нежесткий импликационал лексической единицы *to deduce*, обусловленный контекстом общения с Холмсом. В то же время, Холмс в данной ситуации понимает под этим словом тривиальный двухшаговый ход (реализуется интенционал с жестким импликационалом), доступный любому человеку в рамках наивной картины мира.

Таким образом, лексическая репрезентация *to deduce* актуализировала импликационал, отличающийся от предполагаемого архетипом Шерлока Холмса в рамках культурного контекста. При этом концептуальная структура, которую представляет импликационал, является компонентом обыденной картины мира, а не национально-культурной, в которой Холмс – герой, в совершенстве обладающий методом «дедукции».

Важным для нашего исследования, однако, является не то, как в описанных теориях трактуется значение лексической единицы, а то, *как объясняется* процесс актуализации знания говорящего и, важнее всего, – *как и в каком виде* это знание *структурируется*.

Вопрос этот выводит наши рассуждения на последнюю, однако, весьма существенную установку современного лингвистического исследования картины мира – **экспланаторность**.

Эколингвистический подход, широко использующий методологию когнитивной науки, предполагает рассмотрение языковых явлений как проявления мыслительной деятельности человека, познающего мир. Экспланаторность лингвистической науки усматривается, прежде всего, в том, что на наших глазах все же происходит становление новой, неофункциональной, или конструктивной (постгенеративной) парадигмы знания (иногда ее называют также «интерпретирующей» – см. [Демьянков 1991]), определяющей чертой которой оказывается удачный синтез когнитивного и коммуникативного подходов к явлениям языка. Иными словами, мы имеем дело с одновременным учетом двух главных функций языковых систем. Хотя проступающие контуры новой парадигмы знания связывают иногда только с когнитивизмом (см. [Степанов, Проскурин 1994]), думается, что сам когнитивизм не только позволяет подключение к его исследовательской программе проблем, связанных с дискурсом, актами коммуникации и т.п., но и диктует рассмотрение речемыслительной деятельности в целом с новых позиций» [Кубрякова 1995: 228] (*внутренние ссылки – Е.К.*).

Подобный подход позволяет трактовать картину мира во всем комплексе ее проявлений: в плане взаимного влияния функциональных составляющих и их коммуникативных актуализаций на естественную и социальную среду человека, как это и предполагает эколингвистика.

Матричное моделирование компонентов картины мира: основы метода

Одним из методов раскрытия экспланаторного потенциала картины мира в лингвокогнитивистике является моделирование ментальных структур, лежащих в основе языковых и метаязыковых явлений. «Решению вопроса о том, какие именно функции языка признаются ведущими, главными, мы обязаны достижениям <...> когнитивного направления, ориентированного на познание ментальной деятельности человека и установлению роли языка в процессах получения, обработки, хранения и использования информации...» [Кубрякова 1994: 14].

Языковая картина мира, как известно, имеет «двойника» во внутреннем лексиконе, который мы называем концептуальной картиной мира (далее – ККМ)*.

Когнитивная наука признает, что продукты восприятия человеком окружающей действительности представляются в мышлении в виде определенных ментальных структур. Одной из базовых (элементарных) среди них является **концепт**. Его определяют как «оперативную содержательную единицу <...> всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [КСКТ: 76] (*выделение наше – Е.Б.*). Более широко концепт определяется как «единица значения» [Croft 2004: 7; Evans 2006: 7].

Концепты имеют тенденцию объединяться в сложные динамические структуры, образуя концептуальные системы, ментальные лексиконы и пр. когнитивные образования [Fillmore 1983: 223], которые находятся в постоянном процессе структурирования и переструктурирования под влиянием естественной и социальной среды.

Здесь важно понимание того, что исследование концепта любой сложности в конечном итоге приводит к необходимости реконструкции его взаимосвязей с другими ментальными структурами, которые являются фрагментами концептуальной картины мира. «Успех метафоры «картина мира» объясняется необходимостью в обобщающем термине для обозначения ментальных образований монтажной природы, а именно для обозначения не разрозненных концептов-образов, а концептуальных структур – концептов, связанных <...> в цельные «картины»» [Никитин 2007: 786].

Особое значение для нашего исследования имеет представление о концептуальной системе, которая стала логическим развитием положений

* Впервые опубликовано в: Бондаренко Е.В. Матричное моделирование. Дуальность времени в англоязычной картине мира : монография. – Харьков : Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, 2014. – 304 с.

Р. Джекендоффа о существовании некоего языка мысли или уровне, на котором вся информация, приходящая по разным каналам и принадлежащая разным модальностям, была бы сопоставимой [Jackendoff 1983: 54]. Джоан Фодор же еще ранее предполагала, что соответствующая концептуальная структура должна быть настолько богатой и развитой, чтобы манипулировать не только своими сущностями, реализуемыми в языке, но и теми, что обобщают результаты неязыкового опыта [Fodor 1975: 156]. Впоследствии этот язык мысли был назван **концептуальной системой**, определяемой как тот ментальный уровень или та ментальная (психическая) организация, где сосредоточена совокупность всех концептов, данных уму человека, их упорядоченное объединение. В интерпретации Р.Й. Павилениса, концептуальная система представляет собой «систему мнений и знаний о мире, отражающую познавательный опыт человека, притом как на доязыковом, так и на языковом уровне, но несводимый к какой бы то ни было лингвистической сущности» [Павиленис 1983: 12], (см. также обзор [Приходько 2008: 206]).

Среди множества определений **концептуальной картины мира** релевантными для нашего исследования представляется утверждения А.Г. Баранова о том, что по сути ККМ представляется как: 1) совокупность знаний о мире, которая приобретается в деятельности человека и 2) способы и механизмы интерпретации новых знаний [1993, с. 56], т.е., соответственно, структура концептуальной базы данных и когнитивные операции, ее формирующие [Жаботинская 2009]. Наиболее близким для современного понимания считаем определение ККМ Р.Й. Павиленисом как **«непрерывно конструируемой системы** информации (мнений и знаний), которой располагает индивид о действительном и возможном мире» [1983: 280] (*выделение наше – Е.Б.*).

Вслед за А.Д. Беловой [2002: 17], С.А. Кошарной [2002: 54], Е.С. Кубряковой [2004: 15], М.В. Никитиным [2004: 62] и Дж. Тейлором [Taylor 1995: 4], **концептуальная картина мира** (ККМ) определяется нами как ***сложная непрерывно конструируемая когнитивная структура в сознании человека, которая представляет результаты внешнего и внутреннего рефлексивного опыта человека в виде динамично структурированного знания и может быть реализована как в системе языка, так и в разных видах коммуникации.***

До настоящего времени вопрос о ККМ сводился к констатации ее существования в виде некоего аморфного набора концептов разных степеней обобщения (формата) (О.Л. Каменская [1990], А.Г. Баранов и Д.О. Добровольский [1997], Л.М. Босова [1999], Н.Н. Болдырев [2001], Е.С. Кубрякова [2004]). В конечном итоге, оставались неясными состав и структура ККМ.

Принципиально новой в нашей интерпретации ККМ является попытка применения к ней целостного подхода, предполагающего ее видение как динамического, структурированного образования.

Одним из действенных способов реконструкции КМ является моделирование. Моделирование как один из основных научных методов [БСЭ] предусматривает выяснение свойств определенного предмета с помощью построения его упрощенного или идеализированного образа [Лефевр 1965; Щедровицкий]. Основные свойства модели – это условность (упрощенность или идеализированность), возможность ее построения в воображаемой и знаковой форме и гомоморфность оригиналу (наличие всех базовых свойств и признаков оригинала) [БСЭ]. В лингвистике модель – это искусственно созданная лингвистом реальная или воображаемая конструкция, которая воссоздает и имитирует своими свойствами свойства (обычно в упрощенном виде) оригинала в лингвистических целях [там же].

Моделирование предполагает, по крайней мере, двухшаговую процедуру: во-первых, определение номенклатуры элементов, составляющих картину мира, и, во-вторых, выстраивание их в систему, т.е. структурирование. Для структурирования важно, что составляющими модели могут быть одноуровневые структуры, если речь идет о сети, в которой все компоненты определенным образом связаны друг с другом, или многоуровневые, если мы имеем дело с иерархией, т.е. цепью зависимых друг от друга компонентов.

Элементы, образующие ККМ, на первый взгляд, имманентны ей, т.е. представляются в виде концептов, однако, как уже было нами замечено, исследование концепта практически никогда не исчерпывается описанием его внутренних характеристик (поля, уровней и пр.). Для полного понимания его сути, как правило, требуется выявить номенклатуру и характер его связей с другими концептами. Таким образом, *исследование концепта по сути является способом реконструкции фрагмента картины мира, центром которого он является*. Широта охвата этого фрагмента зависит от конкретных задач работы, тем не менее, следует понимать, что концепт не существует сам по себе и, как любая сущность, онтологически познается в отношениях с другими иерархически равными и неравными сущностями.

В лингвокогнитивистике принято считать, что «концепты, хранимые в мышлении, не являются изолированными, атомарными единицами. Они могут быть поняты только в контексте структур фоновых знаний» [Clausner 1999: 2; Жаботинская 2009: 255]. Такая структура, имманентно более широкая когнитивная сущность, чем концепт, получила название **домен**. Он определяется как «связный сегмент опыта» [Kövesçes 2000: 247] или «область знаний (a body of knowledge) в рамках нашей концептуальной системы (то есть концептуальной картины мира – Е.Б.), которая содержит и орга-

низует определенные (ей соответствующие) знания и опыт» [Langacker 1987: 45]. Важнейшая функция домена заключается в том, что он представляет, в первую очередь, область объяснения для концепта, поэтому является чисто когнитивной сущностью [Langacker 1987: 147].

Доменом может выступать любой как более широкий концепт, «на фоне которого идентифицируется другой концепт, более узкий в информационном плане» [Жаботинская 2009: 255], так и область опыта, «в том числе и та, которая задается в пространстве текущего дискурса» [Langacker 2008: 44]. В свете зависимости типов картин мира и их дискурсивной реализации, рассмотренных нами ранее, можно предположить, что доменом может служить фрагмент ККМ – концептуальная область определенного знания, реализованная в дискурсе и позволяющая раскрыть содержание концепта.

Таким образом, концепту необходим некий «фон», на котором проявляется его сущность. «Отношение между доменом и концептом аналогичны «фону» и «фигуре» в гештальтпсихологии» [Жаботинская 2009: 255]. Объяснение механизма такого отношения Р. Лэнекер предлагает через описание операции **профилирования**, в которой задействованы профиль (концепт) и база (информационный фон концепта) [Clausner 1999: 3; Croft 2004: 15]. Р. Лэнекер называет базой весь объем информации, которая активируется знаком, а профилем – ту часть базы, которая формирует самое значение данного знака [Langacker 2000: 10–16].

Изменение характера базы влечет за собой трансформации в содержании профиля (концепта). Эту закономерность визуально можно представить в виде элементарного оптического эффекта изменения цвета желтого осколка стекла на красном и синем фоне: в первом случае осколок становится оранжевым, во втором – зеленым. Таким же образом происходят содержательная трансформация концепта, попадающего в другую ККМ, или лексической единицы, его объективирующей – в другой (непервичный для нее) дискурс. Так, в американском политическом дискурсе, реализующем соответствующую картину мира, слово *donkey* обозначает, скорее всего, не животное, а представителя демократической партии США, а концепт TIME в спортивной ККМ – это время, показанное спортсменом в скоростном соревновании.

Для моделирования ККМ важно, что **концепт, который имеет определенный домен в качестве базы, может сам быть базой для других концептов**. Таким образом, осуществляется принцип концептуальной иерархии [Langacker 2008: 20; Жаботинская 2009: 256] как это, например, происходит с концептами РАДИУС, КРУГ, ПРОСТРАНСТВО: «Концепт РАДИУС понимается исключительно в терминах КРУГА. Но концепт КРУГ сам может пониматься только в терминах (двухмерного) ПРОСТРАНСТВА. Иначе говоря, слово *круг* профилирует концепт КРУГ в <...> ПРОСТРАН-

СТВЕ. Таким образом, концепт, который служит доменом для других концептов, сам является профилем для другого домена» [Croft 2004: 24].

Учитывая то, что концепт (или концептуальный комплекс) обычно является одновременно доменом, который включает другой концепт, существует граница, далее которой редукция невозможна. На этом основании Р. Лэнкер разделяет домены на **базовые** и **небазовые**. По его мнению, «мы обладаем прирожденной способностью к элементарному восприятию: мы можем воспринимать определенный диапазон цветов, звуков, вкусов, запахов и тактильных ощущений; мы имеем представление о протяженности пространства, в которой манифестируются пространственные конфигурации; мы ощущаем течение времени, мы ощущаем определенные эмоции и т.п. Я называю эти неделимые области потенциала опыта *базовыми доменами*» [Langacker 2000: 2] (ср.: «Наиболее абстрактное знание неизменно базируется на непосредственном опыте человека (directly embodied human experience)» [Lakoff 1999: 151]).

К числу **базовых**, которые в основе имеют фундаментальные типы опыта миропознания человека, Р. Лэнкер относит домены ПРОСТРАНСТВО, ЦВЕТ, ТОН (ЗВУКА), ТЕМПЕРАТУРА, ДАВЛЕНИЕ, БОЛЬ, ЗАПАХ, ВРЕМЯ и ЭМОЦИЯ [Langacker 1987: 148]. Эти домены и перцептивные основания их формирования представлены ниже (табл. 2):

Таблица 2

**Базовые домены концептуальной картины мира
и перцептивные основания их формирования
(по Р. Лэнкеру) [Langacker 1987: 148]**

Базовые домены	Перцептивные основания формирования
ПРОСТРАНСТВО	зрение, осязание, кинестезия
ЦВЕТ	зрение
ЗВУК	слух
ТЕМПЕРАТУРА	осязание, соматика
ДАВЛЕНИЕ	осязание, кинестезия, соматика
БОЛЬ	осязание, соматика
ЗАПАХ	нюх
ВРЕМЯ	осознание времени
ЭМОЦИЯ	аффективная система

Важными качествами базовых доменов является минимальность, несократимость, т.е. несводимость к более крупным доменам. «Иными словами, у базовых доменов нет «фона», они сами служат изначальным, наиболее обобщенным (схемным) фоном для понимания прочих концептов» [Жаботинская 2009: 256].

С точки зрения анализа структуры картины мира, номенклатура базовых доменов может быть несколько иной. Онтология мира предполагает наличие таких понятий, как КОСМОС, ДУХ, БОГ, МАТЕРИЯ и пр., которые также не редуцируются и определяются один через другой. (О сущности небазовых доменов см. подробнее в [Жаботинская 2009: 256]).

Эмпирический опыт свидетельствует, что значение языковой единицы активирует не один, а несколько доменов, которые в комплексе создают **матрицу**.

Например, наше будничное понятие о яблоке соотносится с характеристиками, которые реализуются в рамках доменов ВКУС, ЗАПАХ, ЦВЕТ, ФОРМА, ВРЕМЯ ГОДА (СЕЗОН СОЗРЕВАНИЯ), ОБЛАСТЬ (ПРОИЗРАСТАНИЯ ДЕРЕВА) и др., потому что яблоко обладает определенными вкусовыми качествами (бывает сладким, кислым, имеет привкус груши, лимона и пр.), по-особому пахнет (антоновка, белый налив и пр.), обладает специфической для сорта окраской (зеленой, желтой, красной, комбинированной), имеет округлую, вытянутую, приплюснутую форму плода, который может варьироваться по размеру и т.д. При переходе из наивной в религиозную картину мира к упомянутым можно добавить домен СИМВОЛ, т.к. в христианской религии яблоко ассоциируется с познанием, искушением Адама и пр. Таким образом, домены ВКУС, ЗАПАХ, ЦВЕТ, ФОРМА, ВРЕМЯ ГОДА, МЕСТО, СИМВОЛ и пр. образуют набор или матрицу доменов, активированных лексической единицей *apple/яблоко* и соответствующим ей концептом.

Комплекс доменов, в пределах которых объясняется тот или другой концепт, называется матрицей доменов (domain matrix) [Langacker 1987: 152; Clausner 1999: 7].

Как было показано в примере выше, набор доменов является неконстантным: например, в зависимости от типа ККМ, в рамках которой существует концепт, номенклатура доменов в матрице может меняться. «Важно то, что в комплексной матрице домены не существуют порознь, они налагаются друг на друга, вплоть до полного включения друг в друга» [Жаботинская 2009: 256]. Наиболее известной является условная схема матрицы, предложенная Р. Лэнкером, где, как объясняет С.А. Жаботинская, «домены даны в виде эллипсов, а круг, обозначенный жирной чертой, представляет концепт, являющийся непосредственным значением данной языковой единицы – значением, определенным образом связанным со всеми доменами матрицы» (см. рис. 1):

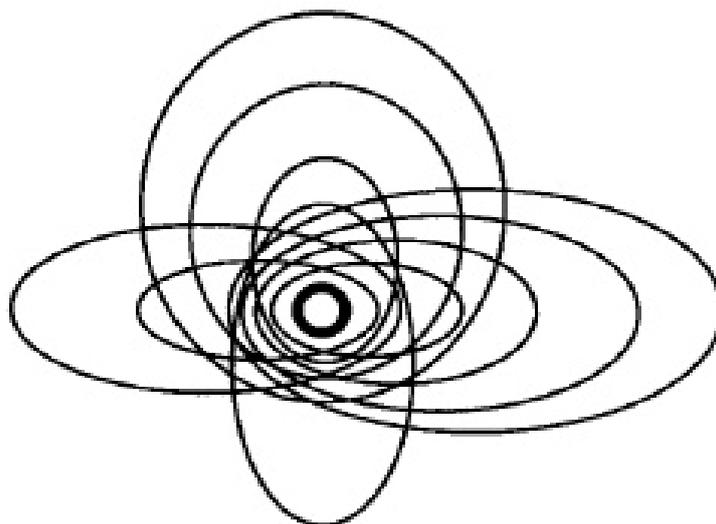

Рис. 1. Матричная модель концепта / домена
[Langacker 2008: 48]

В реальном лингвистическом исследовании матрица представляется в несколько ином виде, т.к. важно не столько концентрическое (т.е. с одним центром всех окружностей и эллипсов) расположение доменов вокруг концепта (это всегда подразумевается), сколько номенклатура доменов в матрице и характер их взаимосвязей. Именно второе, как правило, определяет расположение доменов в матрице, на чем необходимо остановиться подробнее.

В классическом (т.е. описанном Р. Лэнкером) виде матрица является аналогом описания компонентного состава значения или структуры семы. В данном случае, однако, рассматриваются не сами составляющие, семы, а понятийные категории, к которым они относятся, т.е. – не ‘сладкий’, а ВКУС, не ‘круглый’, а ФОРМА и т.д. Кроме того, компонентный анализ предлагает выстраивание сем в «списочном» порядке. Важнейшим же отличием матрицы является заявленное Р. Лэнкером, но, не вполне реализованное, по замечанию С.А. Жаботинской [2009: 257], описание *взаимо-связей* доменов и их иерархических включений, которые в полной мере можно проследить в предлагаемой ею сетевой модели [2013].

Для применения такой сетевой модели, однако, имеется ряд ограничений. Языковой материал, который имеет широкую понятийную основу (или обширный экстенционал, по М.В. Никитину [1988: 56]), требует не сетевого, а именно матричного моделирования. Таковыми С.А. Жаботинская признает материал, объективирующий картину мира: «Он (*метод матричного моделирования – Е.Б.*), например, является действенным при анализе языкового материала, который в той или иной мере отображает имеющуюся в мышлении «картину мира». При рассмотрении эво-

люции в мышлении таких базовых понятий, как пространство и время, лучше воспользоваться матричной моделью, которая представляется в виде простого соположения доменов ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА, БОЖЕСТВО, ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ, где информация также может иметь вид матрицы» [Жаботинская 2009: 259].

Матричная модель, предлагаемая в нашем исследовании, преодолела первоначальное ограничение, когда в ее рамках было предложено простое соположение доменов. Теперь она сочетает в себе свойства матрицы в плане описания номенклатуры доменов и их иерархической связи (т.е. связи включения), и свойства сети в плане описания пропозициональных связей между доменами. **Концепты и домены в ней состоят в пропозициональных связях, подобных сетевым.**

Среди верифицированных сфер применения метода матричного моделирования назовем, во-первых, изучение актуализации конкретного концепта в разных типах дискурса, во-вторых, диахронический анализ лексических единиц, семантически эволюционирующих в системе языка и, в третьих, выявление трансформаций в картине мира под влиянием активных внешних факторов языкового воздействия (СМИ как средства информационной войны). Таким образом, рассматриваемый метод применим на всех уровнях объективации когнитивных явлений – и в языке, и в коммуникации.

Для изучения актуализации концепта в разных типах дискурса рассмотрим, как выглядит идеальная матрица доменов, т.е. схема, включающая все возможные в его онтологии пропозициональные связи базового концепта / домена ККМ. Заметим, что в зависимости от природы концепта (его абстрактности – например, концепт ВРЕМЯ или конкретности – концепт ЯБЛОКО) [Pulvermüller 2016]), матрица может включать большее и меньшее количество базовых доменов. Иными словами, предполагается, что, чем более абстрактен концепт, тем выше вероятность, в его матрице содержатся базовые домены, и наоборот. С другой стороны, следует помнить, что в языковой объективации ККМ базовая сущность (ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА, БОЖЕСТВО, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ и пр.), как правило, не реализует всех связей, поэтому часть доменов в матрице может отсутствовать.

С учетом онтологии базовых сущностей картины мира, полная, хотя и не исчерпывающая, матрица концепта (условно назовем его СУЩНОСТЬ) включает такие домены в пропозициональных связях:

- домен РАЗНОВИДНОСТИ СУЩНОСТИ представляет пропозициональную связь Способ в рамках предметного фрейма: СУЩНОСТЬ существует ТАК;

- домен НАЧАЛО / КОНЕЦ СУЩНОСТИ – связь СУЩНОСТЬ *существует* С ТЕХ ПОР / ДО ТЕХ ПОР;

- домен МЕСТО СУЩЕСТВОВАНИЯ СУЩНОСТИ – связь Место: СУЩНОСТЬ *есть* ТАМ;
- домен АНТИТЕЗА СУЩНОСТИ – связь Антитеза: СУЩНОСТЬ *не существует* ТАК;
- домен КАЧЕСТВА СУЩНОСТИ – связь Качество: СУЩНОСТЬ *есть* ТАКОЕ;
- домен ТО, НА ЧТО ДЕЙСТВУЕТ СУЩНОСТЬ – связь акционального фрейма Пациенс: СУЩНОСТЬ *действует* на НЕЧТО;
- домен РЕЗУЛЬТАТ ДЕЙСТВИЯ СУЩНОСТИ – связь Результат: СУЩНОСТЬ-агенса *действует, чтобы получить* НЕЧТО;
- домен МЕРА / ЧАСТЬ СУЩНОСТИ – связь посессивного фрейма Часть: СУЩНОСТЬ-целое *имеет* НЕЧТО;
- домен МЕАФОРИЧЕСКИЙ КОРРЕЛЯТ – связь Коррелят компаративного фрейма: СУЩНОСТЬ-Референт *есть как бы* НЕЧТО.

Полная модель концептуальной матрицы СУЩНОСТЬ изображена на рис. 2:

Рис. 2. Концепт СУЩНОСТЬ:
полная модель концептуальной матрицы

Такое, несколько хаотичное расположение доменов, может быть скорректировано за счет еще одного несомненного преимущества матрицы пе-

ред сетью – возможности «сортировать» домены по одному или нескольким критериям. Эта операция позволяет выявить гносеологические основания картины мира, а также структурировать ее компоненты.

Например, предположим, что часть доменов-компонентов картины мира концепта СУЩНОСТЬ лежит, согласно представлениям в эколингвистике, в природном (естественном) окружении человека, т.е. окружении, условно лишенном человеческого влияния (это – космические явления, стихия и пр.), а часть – в социальном окружении, т.е. окружении, обусловленном человеком (это – особенности его мышления, восприятия, культура, политика и пр.).

Матричное моделирование в рамках интерпретативной функции картины мира

Рассмотрим такую модель на конкретном примере, выстроив матрицы концепта ВРЕМЯ в научной и религиозной (христианской) картинах мира. Заметим, что характеристики времени в указанных картинах мира нами значительно упрощены, т.е. взяты в условном виде с целью показать зависимость структур матриц от типа картины мира. Подробно о матричном моделировании времени в рамках англоязычной картины мира разных типов и эпох см. монографию [Бондаренко 2014].

В научной картине мира причина существования времени обусловлена существованием конкретного физического объекта, т.к. абсолютного времени не существует (в микромире и космосе его нет), оно существует в сознании человека (является полуинтуитивным), время измеряется хронометром или часами, условно делится на часы, минуты и секунды, влияет на материю (является формой ее существования и изменения), результатом его действия является трансформация материи, его метафорическим коррелятом в науке представляются стрела, среди разновидностей времени называется время разных физических систем [Поляков 2008].

Таким образом, матрица концепта ВРЕМЯ, реализованного в рамках научной ККМ состоит из следующих компонентов:

- домен ПРИЧИНА СУЩЕСТВОВАНИЯ ВРЕМЕНИ с профилированным на него концептом МИР ФИЗИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ, который принадлежит и природной и социальной среде (т.к. физические объекты могут возникнуть помимо воли человека (естественные) и по его воле (произведенные));

- домен МЕСТО СУЩЕСТВОВАНИЯ ВРЕМЕНИ в качестве базы для концепта МИР ФИЗИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ с известными характеристиками;

- домен РАЗНОВИДНОСТИ ВРЕМЕНИ также профилирует концепт МИР ФИЗИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ, т.к. в физике различают только время отдельных физических систем;

- домен ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ИЗМЕРЕНИЯ ВРЕМЕНИ профилирует концепт ЧАСЫ / ХРОНОМЕТР, принадлежащий социальной среде;

- домен МЕРА / ЧАСТЬ ВРЕМЕНИ является базой для концептов СЕКУНДЫ, МИНУТЫ, ЧАСЫ, порожденных необходимостью измерять время в условных единицах под влиянием социальной среды;

- домен ТО, НА ЧТО ДЕЙСТВУЕТ / ВЛИЯЕТ ВРЕМЯ профилирует концепт МАТЕРИЯ, который, как и концепт МИР ФИЗИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ, входящий в него, принадлежит и природной и социальной среде;

- домен РЕЗУЛЬТАТ ДЕЙСТВИЯ ВРЕМЕНИ лежит в природной среде, т.к. возраст, последовательность и перемещение на существенные для Вселенной расстояния пока не подвластны человеку и его социуму

- домен МЕТФОРИЧЕСКИЙ КОРРЕЛЯТ имманентно является социально обусловленным, т.к. профилирует концепты, порожденные когницией человека. Здесь это – СТРЕЛА.

Распределение доменов ККМ между природной и социальной средами человека на Рис. 3 происходит на основе допущения, что домен принадлежит одному из типов среды за счет характера концепта, для которого он является фоном. Иными словами, расположение доменов относительно природной или социальной среды зависит от тех концептов, которые они профилируют. Отсутствие домена в матрице свидетельствует о том, что он не был объективирован в языковой форме.

Схематически матрицу концепта ВРЕМЯ в физической ККМ можно изобразить следующим образом (рис. 3), где серым обозначена область факторов, обусловленных социумом:

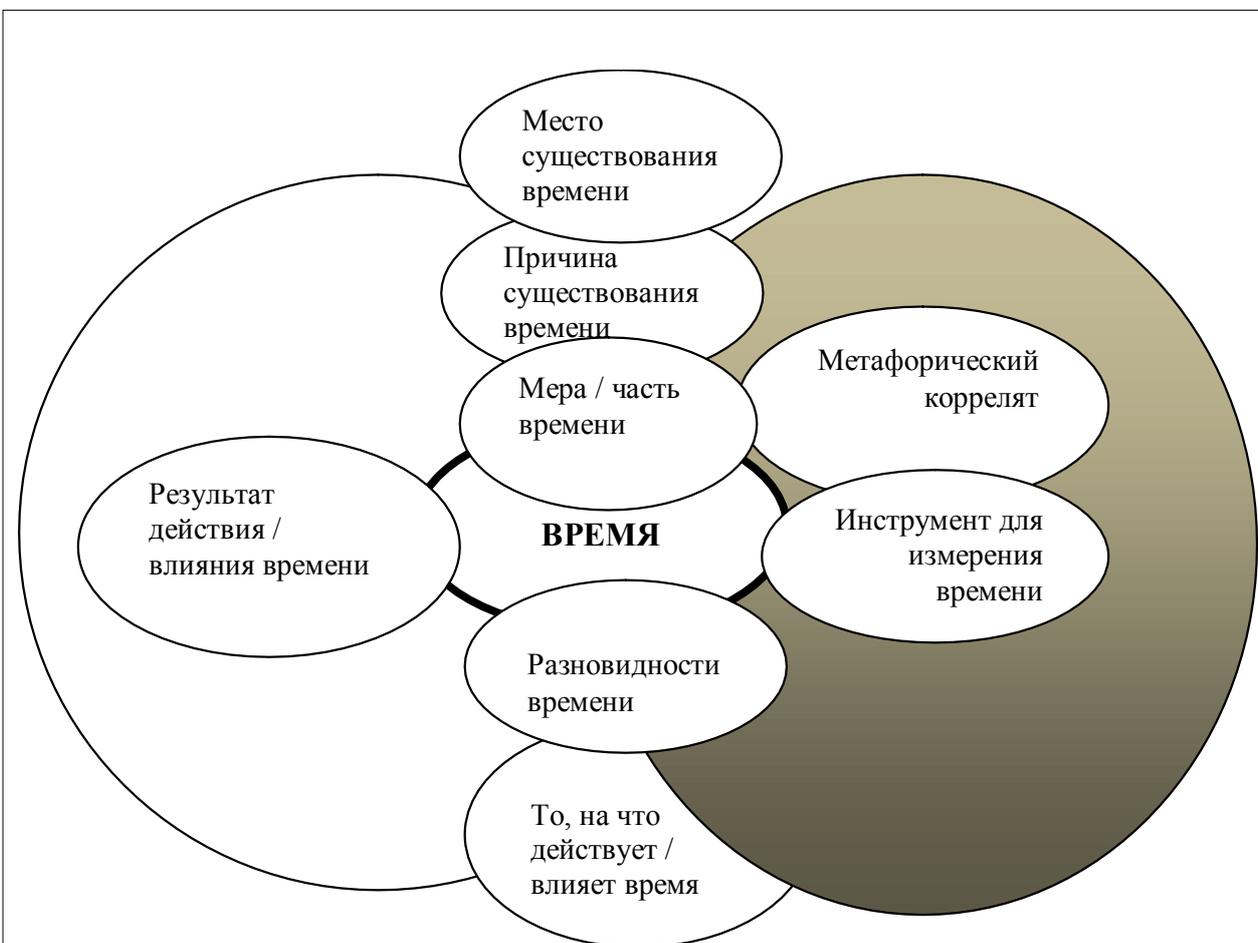

Рис. 3. Распределение доменов матрицы концепта ВРЕМЯ между природной и социальной средами человека в физической ККМ

Схема наглядно демонстрирует практически равномерное распределение доменов между природной и социальной средами, что является свидетельством условности понятия времени для физической картины мира, т.е. сильным влиянием человеческого фактора на формирование понятия о нем даже в рамках научного мировоззрения.

В теологической картине мира начало и конец времени обусловлены волей Бога, когда он создал мир, время существует в его сознании, оно измеряется относительными протяженностями (жизнью святых, Христа, пребыванием в молитве), т.е. оно эсхатологично и движется ко дню пришествия Мессии, время влияет на бренное тело, но не на душу; противоположностью времени является Вечность, принадлежащая Богу [Ружинская 2008].

Матрица концепта ВРЕМЯ, реализованного в рамках христианской ККМ состоит из следующих компонентов:

- домен ПРИЧИНА СУЩЕСТВОВАНИЯ ВРЕМЕНИ с профилированным на него концептом МИР БРЕННЫЙ, который принадлежит и природной и социальной среде (т.к. физические объекты, хотя и существуют помимо воли человека, но сотворены по воле Бога (тварны));

- домен НАЧАЛО / КОНЕЦ ВРЕМЕНИ, профилирующий социально обусловленный концепт ВОЛЯ БОГА;
- домен МЕСТО СУЩЕСТВОВАНИЯ ВРЕМЕНИ, принадлежащий социальной среде, в качестве базы для концепта БОГ;
- домен МЕРА / ЧАСТЬ ВРЕМЕНИ является базой для концептов ЖИТИЯ СВЯТЫХ, ХРИСТА, МОЛИТВА, сформированных под влиянием социальной среды;
- домен ТО, НА ЧТО ДЕЙСТВУЕТ / ВЛИЯЕТ ВРЕМЯ профилирует концепты МИР БРЕННЫЙ и ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА, которые принадлежат и природной и социальной среде;
- домен АНТИТЕЗА ВРЕМЕНИ является базой для концепта ВЕЧНОСТЬ, который также социально обусловлен, т.к. ВЕЧНОСТЬ есть принадлежность и форма существования Бога.

Схематически матрицу концепта ВРЕМЯ в христианской ККМ можно изобразить следующим образом (рис. 4):

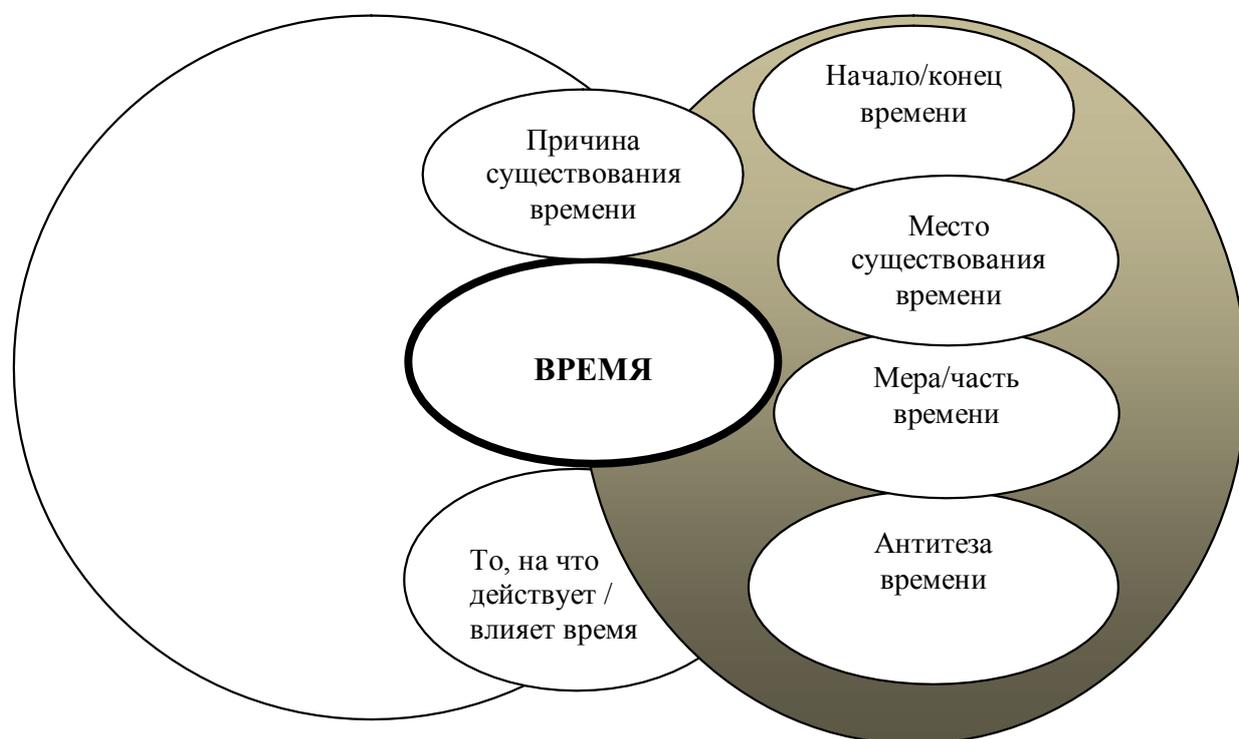

Рис. 4. Распределение доменов матрицы концепта ВРЕМЯ между природной и социальной средами человека в христианской ККМ

Из схемы на Рис. 4 очевидно, что большинство доменов принадлежат социальной среде, т.к. вера – ее имманентная составляющая.

Таким образом, сопоставление Рис. 3 и Рис. 4 позволяет наглядно сравнить состав и характер компонентов матрицы концепта ВРЕМЯ в научной и религиозной ККМ.

В процессе анализа конкретного языкового материала, однако, процедура матричного моделирования намного усложняется, хотя увеличивает достоверность полученных выводов.

Второй широкой сферой применения матричного моделирования был обозначен диахронический анализ семантических трансформаций многозначных единиц словаря. В качестве примера рассмотрим изменения в семантике полисеманта *tyme (time)* в сравнении среднеанглийского (XI–XVIII вв.) и новоанглийского периодов (XIX–XXI вв.).

В среднеанглийский период, лексема *tyme (time)* как полисемант активирует довольно широкий спектр доменов. Согласно данным «Словаря среднеанглийского языка» [MED], эта лексема апеллирует, по крайней мере, к 12 доменам, что отражено в письменных документах указанного периода.

Расположим эти домены в порядке от природных (находящихся вне зависимости от человека) к социальным (обусловленным деятельностью человека).

- Первым среди них является домен ТОЧНОЕ ВРЕМЯ, который реализуется таким образом:

(1) *Sche preied to late hire lengþe fulle a fourteniȝt or sende hire sum socour bi þe same tyme* (William of Palerne [MED]).

В этом случае принадлежность домена к природным обусловлена тем, что желательное событие должно протекать полные две недели (*hire lengþe fulle a fourteniȝt*). Слово *fortnight*, как известно, буквально означает «14 ночей», т.е. половину лунного месяца, временной интервал, соизмеримый с фазами Луны.

К группе природных доменов также относится и СЕЗОН (*winter, springinge tyme, somer, and heruest*):

(2) *Þe ȝere of þe sonne conteyneþ foure tymes: winter, springinge tyme, somer, and heruest* (Lanfranc's Complete Art of Surgery [MED]).

Подобный взгляд на смену сезонов был известен уже в средние века; она объясняется положением небесных светил (Солнца) на небе, в зодиакальной системе:

(3) *The 4 tymes of the yere folows cowrse of the Sonne in the zodiac*
(Surgical Treatises in Wellcome [MED]).

Следующим доменом, который сформирован в опыте восприятия течения времени как направленного вектора из прошлого через настоящее к будущему, является ОРИЕНТАЦИЯ НА ВРЕМЕННОЙ ОСИ. Особенно это касается давних времен (*of longe tyme, olde tyme*):

(4) *May he vndo priuileges þat beþ graunted to hym of olde tyme by noble princes?*
(Petition Sutton in Fenland [MED]).

Перечень природных доменов продолжает РИТМ, потому что повторяемость событий имеет объективную основу (словосочетания, типа *al tyme* (5), *fele times* (6) или *dyveres tymes* (7) референтны, т.е. ритм имеет физический аналог в реальном мире – стук сердца, ритм прибоа, приливы и пр.):

(5) *3if þou loue þe lord þy god & go in his weys al tyme, þou shalt adde to þee þe oper citees* (Wycliffite Bible (early version) [MED]);

(6) *Fele times have ich fonded to flitte it fro þou3t*
(Geoffrey Chaucer, Canterbury Tales: Clerk's Prologue and Tale [MED]);

(7) *Yfytt happon that the wounde yeld myche mater or quietur, than use to wasche yt dyveres tymes with whyt wyne* (Th. Morstede, Fair Book of Surgery [MED]).

Природным в этот период является также домен ТОЧКА ОТСЧЕТА, потому что, с одной стороны, эта точка определяется согласно закону причинности, т.е. следования одного действия (следствия) за другим (причиной) (8):

(8) *Blode goep oute of o wounde what tyme þat partye of þe fleische is smyten aweye* (Duke of Burgundy [MED])

Остальные домены, активируемые лексемой *tyme* рассматриваемого периода, относятся к социально обусловленным. Их можно разделить на две группы: 1) домены, относящиеся к опыту социальной деятельности человека (ВРЕМЯ СОБЫТИЯ), и 2) домены, относящиеся к самому человеку, его личному опыту (восприятия времени, собственной жизни и пр.) – ВРЕМЯ ЧЕЛОВЕКА.

В первой группе объединяются такие домены:

- ПЕРИОД СОБЫТИЙ, например, голод: *hungry tyme* (9) или поражение римлянами: *in tyme that the Romayns lordship* (10):

(9) *Whan it was in the sowre hungry tyme, ther was establissed grevous and unplitable coempcioun* (Medical Works in Glasgow, Hunterian [MED]);

(10) *Scipion in tyme that the Romayns lordship was so hard defouled by Hanyball vainquyssht and ouercame the doutes of his hert* (Three Considerations Necessary to the Good Governace of a Prince [MED]);

- ВРЕМЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, например, время посева (*seede tyme*):

(11) *The vj chapitur tellithe nowe howe you shall lay youre lande at seede tyme*
(Walter of Henley's Husbandry (ME version) [MED]).

- ЛИТУРГИЧЕСКИЙ ПЕРИОД (ЦЕРКОВНЫЕ ПЕРИОДЫ ГОДА), например период от Пасхи до Троицы (*fram eastron forte pentecosten*) (12), или время поста (*lentyn tyme*) (13):

(12) *On hwylce tyme man sceall sec3an «Alleluia»? Fram eastron forte pentecosten sy «Alleluia» 3esungon*

(Robert of Gloucester, Chronicle, Version A [MED]).

(13) *Yn lentyn tyme thu may hav of sundez of stockfisch*

(Cookery Recipes in Yale [MED]).

Домен ЭПОХА также связан с социальным, историческим или библейским летоисчислениями, например, от Адама до Ноя (*fram oure ferste fader adam to noe*):

(14) *Fram þe biginning of þe world. Seuene ages þer habbeþ ibe. Þe verste age & tyme was fram oure ferste fader adam to noe*

(Robert of Gloucester, Chronicle, Version A [MED]).

Вторая группа доменов относится к личному опыту восприятия времени человеком – ВРЕМЯ ЧЕЛОВЕКА. Это:

Домен ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ВРЕМЕННАЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ. Он тяготеет к социальной среде, так как период, обозначенный лексемой, указывается приблизительно, исходя из опыта человека в оценке течения других аналогичных процессов: *short tyme* (15), *longe tyme* (16):

(15) *Апос.17.10: And whan he shal come, it bihoueth him for to dwelle a short tyme* (Wycliffite Bible (early version) [MED]);

(16) *Longe tyme dwelled she in that place* (G. Chaucer, Canterbury Tales: Man of Law's Head-Link, Prologue, Tale, and End-Link [MED]).

К числу социально обусловленных доменов относится и УДОБНЫЙ МОМЕНТ, ПОРА, потому что такой тип времени предполагает наличие воли говорящего к определенным действиям: *þe sunne tyme of weping, tyme of lawзung, tyme of weiling, tyme of leping* (17) и *yt ys tyme to rest* (18) или его оценки: *when it is tyme* (19):

(17) *Eccl.3.1,4: Eccl.3.1,4: Alle thingis han tyme & in þer spaces passen alle thingis vnder þe sunne tyme of weping, & tyme of lawзung; tyme of weiling, & tyme of leping* (Wycliffite Bible (early version) [MED]);

(18) *When þe game ys best, yt ys tyme to rest*

(A Collection of Proverbs in Rawlinson [MED]);

(19) *Go to þe feld when it is tyme, and scho will fle well hardeli*

(Manual of falconry in Durham Record Office [MED]).

- ВРЕМЯ ЖИЗНИ, например, раннее детство: *þe tyme þat þey beep i-rokked in here cradle* (20), вся последующая жизнь: *the terme off her lyffes tyme after* (21), период жизни: *his time* (22):

(20) *Also gentil men children beep i-tauзt to speke Frensche from þe tyme þat þey beep i-rokked in here cradle*

(J. Trevisa, Higden's Polychronicon (ME translation) [MED]);

(21) *Robert ffulthorp and John Lokton, Justices, weren exyled into Irland, and ther fforto duelle the terme off her lyffes tyme after*

(London Chronicle in BL Cotton Julius B.2 (ending 1432) [MED]);

(22) *Noman mai his tyme lore Recovere* (J. Gower, Confessio Amantis [MED]),

- ЗАНЯТИЕ, например, *slepyng tyme*, *drinkyng tyme*:

(23) *Yai sall noghte lefe yair werke in slepyng tyme no in drinkyng tyme after none*
(York documents relating to the fabric of York Minster [MED])

- ВРЕМЯ ЖИЗНИ:

(24) *Po seisede Kyng Henry al Normandye into his hand & helde hit al his lifes tyme*
(Prose Brut (ME version concluding in 1333) [MED]).

Домены НАСТОЯЩЕЕ, ПРОШЕДШЕЕ и БУДУЩЕЕ в среднеанглийский период также могут считаться социально обусловленными, потому что, с одной стороны, они являются продуктом толкования действительности, созданной для человека Богом (так представляется будущая жизнь на небесах: *on þan towearde[n] time*) (25), и, с другой, определяются относительно 'сейчас' говорящего (26):

(25) *Eala, þu king, mycel scealt þu þoligen on þyssen life, on þan towearde[n] time*
(Homilies in Cotton Vespasian [MED]).

(26) *On tyme ypassed wel remembred me, And present tyme ek koud ich wel ise,*
But future tyme, er I was in the snare, Koude I nat sen; that causeth now my
care (Letters, etc. pertaining to the Priory of Coldingham, Durham [MED]).

Таким образом, лексема *tyme* (*time*) вербализует концепт ВРЕМЯ, который профилируется в разнообразных доменах. Весь набор таких доменов объединен в матрицу. Ее составляющие распределены в зависимости от принадлежности знаний, представленных доменом, между природной и социальной средами. К природной среде были отнесены домены (области знаний), которые не зависят от воли или влияния человека, в социальную среду включены домены, определяющие вид деятельности человека, а также его собственную жизнь.

Матрица доменов, активированная лексемой *tyme* (*time*) в узусе среднеанглийского языка, в распределении ее компонентов между природной и социальной средой схематично представлена на рис. 5, где серым выделена социальная среда, в ней – особая область – ВРЕМЯ ЧЕЛОВЕКА:

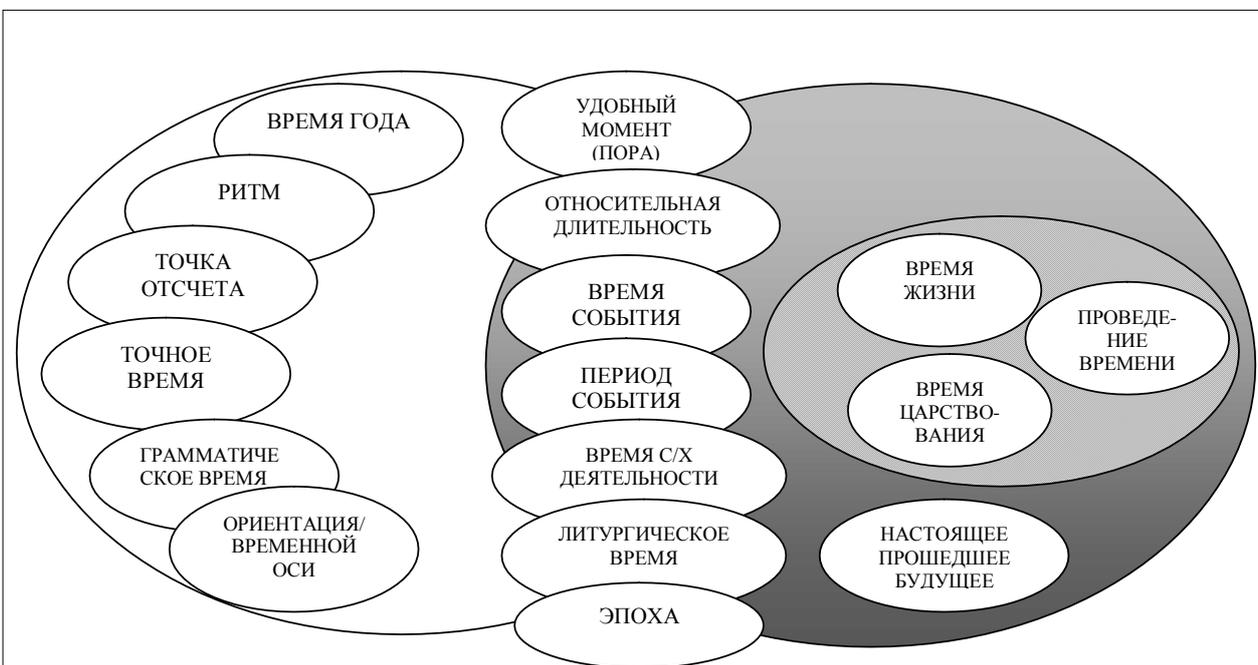

Рис. 5. Распределение доменов в матрице, активированной лексемой *time* среднеанглийского языка, между природной и социальной средами

Рис. 5 демонстрирует, что подавляющее большинство доменов относятся к социальной среде, т.к. время играет решающую роль в личной и социальной деятельности человека.

Согласно данным словарей современного английского языка [АРС; АРФС; АУ; САЛД; СДО; ДС; ЕВ; ЛДСЕ; ЛЕДО; МД; МВ; ОАЛД; ОАЛДО; ОДС; ВВ; YD], основные значения лексемы *time* имеют в качестве когнитивной основы домены, расположенные от природных к социальным.

Значение, которое опосредованно указывает на происхождение времени как способа существования космических тел Вселенной:

(27) *The entire period of existence of the known universe; finite duration, as distinguished from infinity* [YD].

Это определение времени актуализирует природный домен АСТРОНОМИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ (*period of existence of the known universe*).

Следующее значение активирует домен РИТМ (*recurring instances*), который в качестве природного явления отражен в области естественного знания:

(28) *One of a series of recurring instances or repeated actions* [WB].

Далее следуют значения, активирующие домены, которые, с одной стороны, принадлежат природной среде, однако, с другой, представляют переосмысленный социумом природный опыт.

Это, например, домен СУЩЕСТВОВАНИЕ, который является компонентом философской картины мира [SEP]. Последний, с одной стороны,

принадлежит области природного опыта, но с другой, уже переосмыслен в рамках сознательной деятельности человека, т.е. находится в социальной среде:

(29) *That part of existence which is measured in seconds, minutes, hours, days, weeks, months, years, etc., or this process considered as a whole* [CALD; CDO; OALD; OALDE; LDCE; MW; Wkp].

Способ измерения времени, как известно, конвенционален, т.е. принят в качестве универсальной условности для удобства ориентации в мире. Так что смены дня и ночи, а также сезонов, обусловленные природными причинами, переосмыслены в виде временных интервалов в рамках сознательной деятельности человека:

(30) *A particular point in the day, as expressed in hours and minutes or shown on a clock, or a particular point in the day, week, month or year, etc* [CALD; YD] или *a particular moment during a day, measured on a clock* [MD].

Это значение в качестве когнитивной основы имеет домен ТОЧНОЕ (АСТРОНОМИЧЕСКОЕ) ВРЕМЯ (*particular point in the day, expressed in hours and minutes or shown on a clock*), которое также реализуется в следующем значении:

(31) *A particular period of seconds, minutes, hours, days, weeks, months, years, etc. for which something has been happening, or which is needed for something, or which is available for something* [OALD, с. 1355].

Значения, которые приводятся ниже, также активируют промежуточные между природными и социальными домены ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ или ВРЕМЕННОЙ ПОЯС (*in a particular part of the world*), когда время в обозначенной географической точке определяется его положением на карте):

(32) *The time in a particular part of the world* [MD].

Значение (33) активирует домен ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ БЫТИЯ (*a nonspatial continuum*). В этом значении также присутствуют признаки модусов времени ПРОШЕДШЕЕ, НАСТОЯЩЕЕ и БУДУЩЕЕ (*from past through present to future*), которые всегда ориентированы на познающего и события, связанные с ним (*measured in terms of events*), и потому являются промежуточными между природными и социальными:

(33) *A nonspatial continuum that is measured in terms of events which succeed one another from past through present to future* [MW]

Группу социально обусловленных доменов открывает ЭПОХА, который актуализируется таким образом:

(34) *The period between two events or during which something exists, happens, or acts; measured or measurable interval any period in the history of man or of the universe, often specif. with reference to a characteristic social*

structure, set of customs, famous person living then, etc.: prehistoric times, medieval times, geologic time, Lincoln's time [YD; OALD; CALD; LDCE; WB; MD].

Здесь имеется двойная социальная мотивация, когда речь идет об исторических событиях, которые уже имели место, и, с другой стороны, – есть прямая связь с конкретными персоналиями (*famous person living then*) или бытийным опытом человека (*characteristic social structure, set of customs*).

То же относится в примеру (35):

(35) *An occasion when something happens* [LDCE: 1739].

В этом случае также реализуется домен ВРЕМЯ СОБЫТИЯ. Чаще всего его активируют сочетания типа *computer time, time of the lesson*. Сами события антропоцентричны (*computer time* – время, отведенное на работу на компьютере; *time of the lesson* – время учебного занятия). Время здесь – это ресурс, которым владел, владеет или будет обладать человек для выполнения определенного действия.

Тяготеет к социальной среде также домен ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ, который активируется значением:

(36) *A period of time during which something happens or someone does something* [LDCE: 1739].

Этот домен актуализируется в сочетаниях: *a long/short/limited time*. Выбор определения длительности здесь очевидно конвенционален.

Таково и значение, которое активирует домен ПОРА, УДОБНЫЙ МОМЕНТ (*moment that is suitable or not suitable*):

(37) *A particular or not suitable for something* [MD].

Следующие примеры иллюстрируют активацию доменов, которые прямо указывают на социальную деятельность человека. Это:

СПОРТ:

(38) *Your time in a race is the number of minutes, hours, etc. you take to complete it* [CALD].

МУЗЫКА:

(39) *The number of beats in each bar in a piece of music* [LDCE: 1740].

УЧЕНИЧЕСТВО:

(40) *A term of apprenticeship* [YD; WB].

РАБОТА (ЗАНЯТОСТЬ):

(41) *The period regularly worked or to be worked by an employee* [YD; MW]

(42) *The hourly rate of pay for the regular working hours* [YD].

ТЮРЕМНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

(43) *A term of imprisonment* [YD] (СРОК ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

ВОЕННАЯ СЛУЖБА:

(44) *A term of military service* [YD] (ВОЕННАЯ СЛУЖБА)

ВРЕМЯ ЗАКРЫТИЯ ПАБА:

(45) *The particular point in the day at which people who are drinking in a bar in Britain have to finish their drinks and leave* [CALD]

Далее следуют самые «близкие» человеку домены:

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА:

(46) *A period in someone's life* [MD].

В следующих значениях активируются его субдомены:

РОЖДЕНИЕ, РОДЫ:

(47) *The end of a period of pregnancy; moment of giving birth: her time had come* [YD].

СМЕРТЬ:

(48) *The moment of death: his time is close at hand* [YD].

Эмоциональная окраска социального опыта человека активируется в домене ЭМОЦИЯ (*good, bad, difficult etc. experiences*):

(49) *A period or occasion when you have good, bad, difficult etc. experiences* [LDCE, с. 1740].

Наиболее социологизированными считаем домены-метафорические корреляты концепта ВРЕМЯ. Человек не только переосмысливает свой опыт, но и переносит его свойства на более известные ему сферы знания. Метафорические корреляты концепта ВРЕМЯ активируются в таких значениях:

(50) *An amount of time; the amount of time available to work, rest, etc: no time to lose, free/spare time, a waste of time, to run out of time, time's up* [OALD].

В данном случае актуализируется соотнесение ВРЕМЯ *есть* РЕСУРС, который можно иметь в распоряжении, губить, расточать, который может закончиться.

Последний пример – персонификация времени:

(51) FATHER TIME [OALD; YD]

В примере актуализируется перенос ВРЕМЯ *есть* ПЕРСОНА, субдомен домена ЧЕЛОВЕК.

Таким образом, значение лексемы *time* современного английского языка активирует домены в матрице, распределенной между природной и социальной средами. Схематически это изображено на рис. 6:

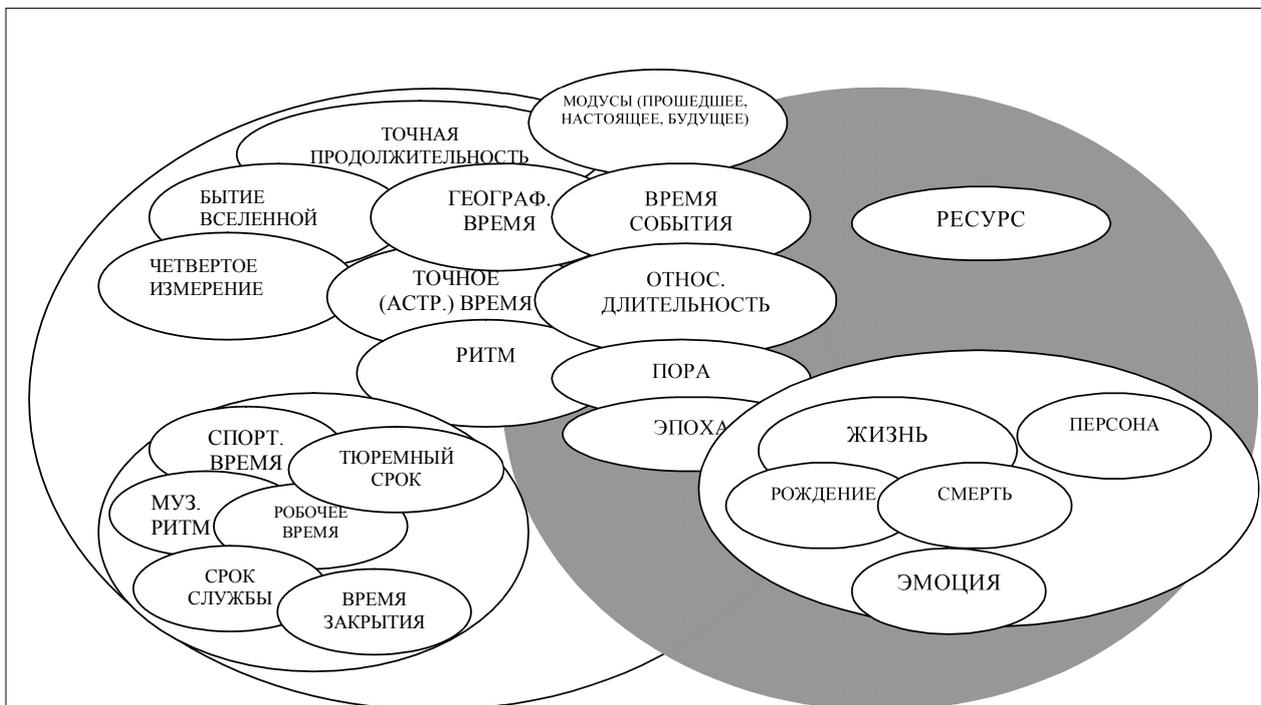

Рис. 6. Распределение доменов в матрице, активированной лексемой *time* современного английского языка, между природной и социальной средами

В матрице подавляющее большинство – это домены, принадлежащие социальной среде человека, что объясняется, в первую очередь, конвенциональной природой времени. Сравнение матриц доменов концепта ВРЕМЯ, активированных в средне- и новоанглийский периоды, позволяет утверждать, что время, с одной стороны, диверсифицируется, становится способом измерения все более разнообразных типов деятельности человека, а с другой, – в переосмыслении постепенно персонифицируется и метафоризируется.

Таким образом, благодаря методу матричного моделирования становится возможным не просто наглядно представить историческую динамику семантических трансформаций лексической единицы, оценить количественный и качественный состав компонентов ее значения, но и объяснить эти изменения в контексте эволюции картины мира носителя языка.

Матричное моделирование в рамках регулятивной функции картины мира

Оба примера построения матричной модели, реализованной в системе языка, демонстрируют интерпретативную функцию картины мира, т.е. порядок конструирования и объяснения носителем картины мира реальности, его окружающей. Однако, на наш взгляд, не менее существенным для

современной лингвистики является выявление регулятивного потенциала картины мира и матричных моделей, построенных в ее рамках. В условиях злоупотребления регулятивным потенциалом, которое в политической среде приобретает характер информационной войны, и соответственно, необходимости поиска средств защиты или, по крайней мере, уменьшения эффекта такого воздействия, предлагаемый анализ дает возможность не только повысить экспланаторный потенциал лингвистического исследования, но и обеспечить ему прикладную ценность.

Коммуникативной сферой реализации регулятивной функции картины мира, как уже говорилось, являются реклама и политика, реализующие массовое информационное воздействие на аудиторию посредством медийных аналоговых и электронных носителей.

В условиях современной информационной войны*, которая все чаще называется составляющей гибридной [Почепцов 2015], такое влияние имеет целью корректировать видение (картину) мира индивидуумом в направлении, необходимом, с одной стороны, для гармоничного развития общества, управляемого определенной идеологией и, с другой, для разрушения идеологического единства общества-противника [Почепцов 2000: 20].

Степень идеологического влияния, его агрессивность, естественно, варьируется в зависимости от типа социального устройства общества, его исторических традиций, экономического развития и так далее, но наличие такого влияния является несомненным в любом социуме. В моменты кризиса (военно-политического конфликта) развитие идеологии определяется «не динамическими причинно-следственными закономерностями, которые можно однозначно прогнозировать, и даже не стохастическими; на первый план выходят законы бифуркационной логики, когда малые на входе сигналы дают <непредсказуемые> эффекты на выходе» [Рубцов 2015]. Это наблюдение приобретает особое значение в связи с идеологическим изломом, который состоялся и динамично продолжает происходить в картине мира носителей языков-сторон конфликта, а также его наблюдателей [Колесников 2015].

Именно в условиях идеологического излома в обществе особое значение приобретает регулятивная функция картины мира. С точки зрения современной науки и эколлингвистики в частности, в социуме это означает, что видение реальности (картина мира) определенным образом влияет на деятельность человека, в том числе и вербальную, то есть на его способность критически или либерально оценивать собственную власть внутри

* Впервые опубликовано: Бондаренко Є.В. Мова і ідеологія: інформаційний вплив на картину світу / Є.В. Бондаренко // Мовні та концептуальні картини світу. – КНУ. – 2015. – Вип. 55. – С. 65–71.

и вне страны, поддерживать или не поддерживать ее идеологию путем вмешательства в медийное пространство в пределах радио и телеэфиров, первого, второго и третьего вебов; политические, социальные сети, чаты, блоги [Anderson 2009]. Главным смыслом подобного воздействия является то, что такая деятельность может перерасти в участие в политических акциях, актах гражданского сопротивления или военных операциях на территории, входящей в сферу геополитических интересов страны-субъекта информационного воздействия.

Под *информационным влиянием в нашем случае понимается вербальное или полимодальное (вербальное, комбинированное с аудио-визуальным) умышленное искажение образа реальности, то есть введение в заблуждение относительно причин, актантов, составляющих, их качества, количества, места, времени, орудия или других составляющих событий, выстроенных согласно пропозициональной логике [Жаботинская 2013: 58–60], связанных с предусмотренными международным, уголовным или гражданским правом действиями и намерениями, направленными на пассивное (в виде вербальной поддержки) или активное (в виде прямых действий) привлечение объекта воздействия к захвату власти, территории или имущества противоположной стороны.* Из приведенного определения может создаться не совсем верное представление о том, что информационное воздействие имеет целью построение онтологически правильной модели (матрицы) реальности. Таковой, однако, ее изображает предлагаемый метод, сводящий исследуемое явление к схеме, удобной для анализа.

Картина мира, образ реальности, который подлежит трансформации под информационным воздействием, имеет определенную стабильность, которая зависит от ее завершенности. Утверждают, что бытовая или наивная картина мира, к которым относится и политическая [Бондаренко 2009: 32], как правило, является целостной: недостаток информации в ней компенсируется за счет предрассудков, которые реализуются в виде слухов, фантазий, мифов и т.п., тогда как, например, научная является имманентно нецелостной из-за невозможности фиксации всех явлений действительности в качестве научных фактов [Степин 1994: 33]. Тенденция к обретению целостности бытовой картиной мира является благоприятной почвой для информационного влияния: недостаток информации, которого невозможно избежать во время социальных кризисов или военных действий, компенсируется за счет информационного влияния.

Одним из наиболее эффективных инструментов информационного влияния в СМИ в настоящее время признан мем. По определению Р. Докинса, мем, подобно переходящему гену, является активно самовоспроизводящим-

ся образованием в ментальной среде, благодаря его приспособляемости Dawkins 2006: 189–202]. Заметим, вместе с тем, что приспособляемость мема также ограничена, т.к. мем легко приживается (т.е. «подхватывается») только в той среде, где для него создаются благоприятные условия в рамках формирования той или иной национально-культурной и языковой картины мира. Таковыми, как уже говорилось, являются история, география, культурные традиции, вероисповедание большинства населения, социальный и экономический уровень развития стран субъектов и объектов информационного влияния.

Формой вербальной объективации мема является лексическая единица, слово или словосочетание, написание которого, как правило, отличается от нормативного и обусловлено орфографией блогосферы. Так, мем обязательно начинается с хештега (знак #) и, если представлен в виде фразы, пишется слитно или превращается в слово-портмоне (например, #КримцеУкраїна, #ихтамнеты, #Brexit, #Trump).

В нашем исследовании мем можно представить в виде лексического концепта, который в рамках теории лексических концептов и когнитивных моделей (LCCM) представляется пусковым механизмом, подводящим смысл лексемы к определенным доменам или их матрице [Evans 2009]. В данном случае матрица может не содержать частично или вообще не содержать базовых доменов, т.к. в меме, как правило, реализуется конкретный концепт. С другой стороны, пропозициональные связи доменов в матрице имеют второстепенное значение. На первый план в матричном моделировании мема выходит *наполнение* доменов, т.е. концептуальные составляющие, которые они профилируют. Таким образом, сущность информационного воздействия состоит в том, что *номенклатура* доменов в матрице остается практически неизменной в то время, как *наполнение* доменов в корне меняется, иногда на противоположное. Предметом исследования оказывается трансформация матрицы доменов, происходящая в результате информационного влияния или среды, сформированной в его результате. Практическим значением таких исследований является определение наиболее уязвимых для пропаганды тематических областей, реализованных в выделенных доменах. Формирование номенклатуры таких доменов позволяет нейтрализовать или, во всяком случае, ослабить информационное влияние путем реализации указанного домена в другом, более благоприятном контексте для объекта влияния.

Рассмотрим это на конкретном примере. Одним из устойчивых мемов последнего времени является #Crimea. Особый интерес представляет противостояние вокруг данного мема в англоязычной блогосфере, т.к. с геополитической точки зрения, приоритет одной из противостоящих стран обеспечивает официальную политическую, экономическую, военную и пр. поддержку той или иной стороны конфликта.

С использованием корпуса англоязычных примеров со службы YouTube мы предприняли попытку смоделировать элементарную матрицу доменов, объективированную указанным мемом. Онтологически структура матрицы рассматриваемого мема представляет компоненты, которые моделируются параллельно в противоборствующих политических картинах мира (медийных средах противоборствующих сторон). Схематически структура мема может быть представлена в виде следующего набора доменов (рис. 7):

Рис. 7. Домены идеологического противодействия в матрице, реализованной мемом #Crimea

Объектом анализа являются текстовые фрагменты блоговых сообщений, содержащие лексические единицы с соответствующими компонентами в семантическом комплексе. Выделенные лексические единицы являются носителями содержания концептов-наполнителей доменов в матрице. Концептуальные компоненты-наполнители доменов указаны попарно, представляя, соответственно, аргументы российских и украинских сторонников. В примерах сохранены авторские орфография и пунктуация:

► домен РАЗНОВИДНОСТИ – СУЩНОСТЬ *существует* ТАК:

■ ВОССОЕДИНЕНИЕ:

Mycofauna

+CortexFTW *Crimea is majority ethnic Russian. The defectors came from within [How Putin Annexed...].*

В данном случае имеет место имплицативная максима «этнические русские (*majority ethnic Russian*) должны жить на территории, которая входит в состав России». Таким образом, обосновывается аргумент естественности и, по логике автора комментария, законности присоединения Крыма к России.

■ АННЕКСИЯ / ОККУПАЦИЯ:

lolyaaaa

Wait a few hours until all the RT readers sleep off their hangovers – and come back to look through these very comments. You will see plenty of idiot Russians (or just anti-west idiots in general) who wholeheartedly believe Russia is not attacking and invading Ukraine [How Putin Annexed...].

Приведенный выше комментарий содержит лексемы-актуализаторы указанных концептов (*attacking and invading*).

- ▶ домен ПРИЧИНА СУЩНОСТИ – СВЯЗЬ СУЩНОСТЬ *существует* ИЗ-ЗА / БЛАГОДАРЯ:

■ РЕФЕРЕНДУМ (СОЗИДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ), МАЙДАН-ПЕРЕВОРОТ (РАЗРУШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ)

aw11roman

And Russia never «invaded» Ukraine. Once the violence and instability started, they moved troops into Crimea only, to protect the Sebastopol naval base (which has been a Russian naval base for HUNDREDS of years (and is Russia's only warm-water port with access to the Mediterranean – which is why the US wanted to deprive them of it by staging the coup). The people of Crimea then held a DEMOCRATIC referendum, with over 96% CHOOSING to secede to Russia?

[How Putin Annexed...]

Onlythefaithful one

Nice propoganda piece, but you conveniently left out how the usa and the Eu installed a puppet government, so this video is nothing more than propaganda, Russia should go in smash the Ukraine/ usa/ eu army and reinstall a real Ukraine government and be done with the whole mess [How Putin Annexed...].

В двух приведенных выше фрагментах домен реализуется в сочетаниях *DEMOCRATIC referendum, a puppet government* и *and reinstall a real Ukraine government*.

■ НАРУШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ:

Christopher O'Neil

All of Ukraine didn't vote on this referendum, so how was it legal ? Just because some ethnic Russians want to be Russian doesn't mean they can just vote to take away a chunk of another Sovereign Country's land. Or else a bunch of Ukrainians could move to Moscow and claim «WE WANT TO BE PART OF UKRAINE !!!» and steal Moscow from Russia [How Putin Annexed...].

John Johnson

Russia would have to give Crimea back or the sanctions never come off?
[Sevastopol...]

Указание на нарушение международных норм имеет место в номинации (*legal*), а также в лексеме *sanctions*, которая называет их прямым следствием.

- ▶ домен НАЧАЛО / КОНЕЦ СУЩНОСТИ – связь СУЩНОСТЬ *существует С ТЕХ ПОР / ДО ТЕХ ПОР*:

- НАВСЕГДА:

maxim siem

Crimea is Russia forever!? [Crimea...]

- ВРЕМЕННО:

Wesley S.

i hope Ukraine will take back whats theirs!!! [Crimea...]

В последнем примере надежда на возвращение территории (*will take back*) предполагает временность ее отторжения.

- ▶ домен РЕЗУЛЬТАТ ДЕЙСТВИЯ СУЩНОСТИ – связь Результат: СУЩНОСТЬ-агенса *действует, чтобы получить НЕЧТО*:

- СТРОИТЕЛЬСТВО ИНФРАСТРУКТУРЫ, УЛУЧШЕНИЕ, ПОДЪЕМ:
'Needs time': Crimea slowly stabilizes as prices, salaries, pensions rise [Needs time...]

- РАЗРУШЕНИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ (ПРОВАЛ СЕЗОНА), УХУДШЕНИЕ:

Declan O Donohoe

There doesn't seem to be much demand for a bridge of Kerch. Which is just as well as there isn't going to be one built any time this century.? [Tourism...].

Противоположные толкования результата присоединения Крыма к России реализуются путем использования сочетания *slowly stabilizes*, с одной стороны. С другой, комментарий об отсутствии большого спроса на Керченский мост и, как следствие, маловероятные перспективы строительства этого ключевого для Крыма объекта инфраструктуры, направлен на утверждение ошибочности или недальновидности политики развития Крыма.

- ▶ домен МЕРА / ЧАСТЬ СУЩНОСТИ – связь посессивного фрейма Часть: СУЩНОСТЬ-целое *имеет НЕЧТО*:

- СЛАВА РУССКОГО ФЛОТА:

Black Sea Fleet: 233 Years of Naval Glory [Black Sea Fleet...].

■ УГНЕТЕНИЕ ТАТАР:

The Sunday Show – Russia Steps Up Repressions Of Crimean Tatars [The Sunday Show].

TOFKAS01

And the minority of the crimerian tatars are already suffering now. History repeats itself [How Putin Annexed...].

Употребление коннотированных лексических единиц: *glory – repressions, suffering* имеет прямое регулятивное влияние, объективируя в рамках одного домена концепты, обозначающие в корне различные эмоции.

Сопоставление матриц, объективированных в рассматриваемом меме и реализованных в противодействующих политических картинах мира (идеологических средах), можно представить в виде следующих схем. Слева моделируется медийная среда сторонников России, справа – Украины (рис. 8):

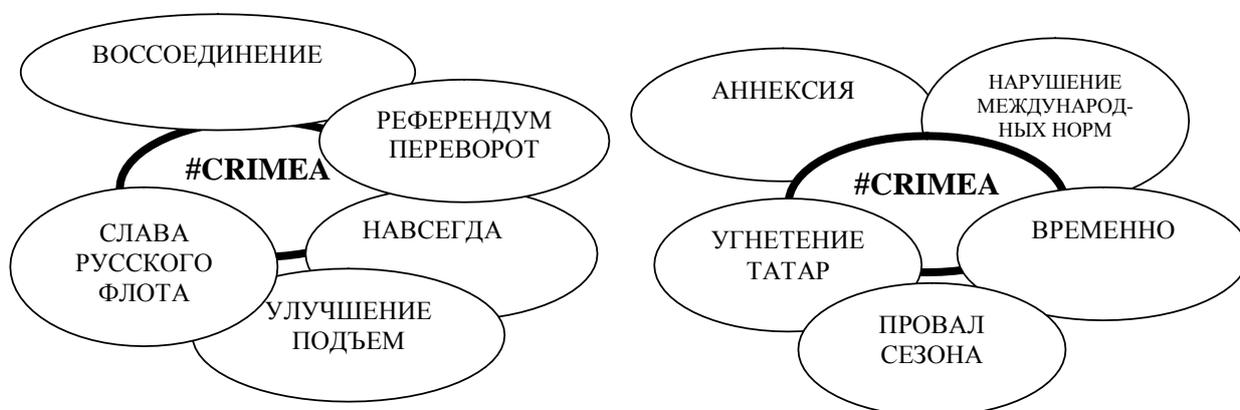

Рис. 8. Матрица доменов, реализованная мемом #Crimea в противоборствующих политических картинах мира

Таким образом, матричный анализ дает возможность продемонстрировать динамику картины мира под информационным влиянием, когда интерпретация явления, реализованного в меме, является противоположной у субъекта и объекта информационного влияния. Матрица доменов, являющаяся концептуальным основанием мема, в медийной среде обеих сторон является константной, однако ее наполнение представляет противоположные сущности. Регулятивность мема как фрагмента картины мира обусловлена тем, что сторонники или противники описанного явления действуют соответствующим образом в коммуникации и других формах социальной жизни общества. Заметим, однако, что представленная матрица не претендует на полноту результатов и описана здесь с целью иллюстрации принципа моделирования мема.

ВЫВОДЫ

Теория картины мира является методологическим и методологическим основанием когнитивных исследований, обеспечивающим достоверные результаты. Достоверность полученных результатов достигается за счет ряда факторов.

Первый – эколоингвистическая парадигма современных лингвокогнитивных исследований, одним из центральных постулатов которой является интерпретация языка и речи (языковой картины мира) как особой среды, находящейся под постоянным и непосредственным влиянием социальной, культурной и прочих типов сред, генерируемых обществом и индивидуумом.

Второй фактор, обуславливающий достоверность результатов исследований в рамках теории картины мира, это ее соответствие главным установкам современной лингвистической научной парадигмы, т.е. наличие признаков экспансионизма, антропоцентричности, неофункционального подхода и экспланаторности.

Экспансионизм теории картины мира выражается в виде реализации принципа холизма в эколоингвистике, т.е. обозначения непосредственной связи между факторами, формирующими картину мира носителя языка, с учетом области знания, которую она изображает, типа ее создателя и способа обработки. Такая методология предусматривает распространение когнитивной лингвистики в области философии, истории религий, естественных наук, политологии, психологии, теории информационных систем, социологии, истории, культурологии и этнопсихологии.

Антропоцентризм обеспечивает теории картины мира лингвокогнитивное обоснование, выводя на первый план концептуальную картину мира как базовую форму репрезентации представлений о мире в мышлении человека. В рамках антропоцентризма объясняется включенность человека в наблюдаемый мир, т.е. социальный контекст формирования картины мира, а также система критериев типологии картины мира (характер ее субъекта и объекта, способ восприятия действительности, структура и свойства компонентов).

Неофункциональность теории картины мира реализуется за счет существования взаимного влияния языка и социума, постулируемого эколоингвистикой. Эта установка современной лингвистической научной парадигмы позволяет также утверждать наличие зависимости между типом мировидения – картиной мира – и средой его актуализации – дискурсом, а также характером коммуникации и языковой личностью, принимающей в ней участие.

Экспланаторность теории картины мира обусловлена возможностью моделирования ментальных процессов в виде динамических матриц доменов в рамках концептуального анализа. Под матрицей понимается набор доменов, дающий онтологическое обоснование существования сущности в плане ее составляющих, причин возникновения, типов, качества, местонахождения, времени существования, объектов и инструментов воздействия, а также метафорических коррелятов. Средствами актуализации матрицы являются лексические единицы, включенные в определенный тип дискурса. Для матричного моделирования существенным является тот факт, что, как и любой концептуальный анализ, матричное моделирование в конечном счете представляет собой реконструирование фрагмента картины мира, выполняющей интерпретативную и регулятивную функции. Изучение и выявление способов нейтрализации последней приобретают особое значение в сфере рекламы и информационных войн.

Таким образом, картина мира это динамичная когнитивная структура – глобальное представление ее автора о мире, полученное в результате обобщения чувственного опыта познания. Картина мира является результатом и регулятивным фактором всей деятельности человека, включая лингвокоммуникативную, в природной и социальной средах. основополагающая роль картины мира в языке и речи обусловлена ее решающим влиянием на 1) семантическое пространство языка, объективированное в системных единицах (языковой картине мира); 2) характер коммуникации в ее ролевом аспекте; 3) тип дискурса, в рамках которого осуществляется коммуникация; и 4) структуру языковой личности.

Картина мира моделируется в виде разнообразных концептуальных структур, одной из которых является матрица доменов.

Перспективы исследования мы усматриваем в поиске новых методик анализа картины мира как лингвокогнитивного образования.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ДИСКУРСЕ

Эпистемы традиционной и когнитивной прагматики и дискурсологии

Осмысление, интерпретация и концептуализация действительности средствами языка – краеугольные вопросы методологии лингвистики. Несколько десятилетий, которые отделяют нас от начала развития лингвистической прагматики и дискурсологии, отмечены определенным изменением ведущей эпистемы, но лишь новейшие исследования позволили воплотить в жизнь интегрированный когнитивно-дискурсивный подход, который прежде оставался декларативным.

В философии науки понятие эпистемы (от греч. ἐπιστήμη – знание) порой используется как синоним понятия парадигмы, между тем Мишель Фуко, автор «археологии знания», трактовал эпистему как культурно-познавательное априори, задающее условия различных форм культуры и конкретных форм знания определенной исторической эпохи, причем ее основу составляют скрытые структуры, определяющие способ упорядочивания ментальных представлений в словах [Foucault 1966: 13]. Таких эпистем Фуко насчитывал три: ренессансную, классическую и современную ему (начала XIX – середины XX веков). В последний период, по Фуко, в отличие от Возрождения и классицизма, осмысление мира осуществляется методами интерпретации и формализации [там же].

Дальнейшее развитие лингвистики в конце XX – начале XXI века смещает акцент на взаимодействие – интеракцию. Интерактивная модель коммуникации предполагает, что смыслы не существуют априори, а конструируются в процессе общения. Оба подхода – интерпретативный и интер-

активный – представляют собой разновидности функциональной методологии науки.

Доминирующая **функциональная макропарадигма** современной науки включает социо-, психо-, когнио-, прагма- и иные лингвистические направления – ее «зонтичные» субпарадигмы. В центре внимания функциональных исследований – деятельность человека, которая осуществляется в языковой форме, и два ее важнейших аспекта: когнитивный (язык и мышление) и коммуникативный (язык и общение), то есть «функциональная макропарадигма имеет две ипостаси: коммуникативную (с прагмалингвистикой как ингредиентом) и когнитивную» [Шевченко, Сусов, Безуглая 2008: 5].

Такая «двувекторность» функциональной парадигмы исходит из трактовок функций языка / речи в широком смысле. В результате дискуссий последних десятилетий в науке сложилось представление о системе функций как иерархии двух базовых: функции мышления (когнитивной) и общения (коммуникативной), при этом допускаются определенные разночтения в том, что касается функций более низких ярусов.

Функциональный подход к анализу дискурса имеет **системно-деятельностную** основу. Идея **деятельностного** характера общения соответствует как когнитивному, так и коммуникативному направлениям современной лингвистики. Трактовка речевой деятельности как части деятельности социальной, восходящая к идеям Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева [1975] и оформившаяся позже как теория речевой деятельности (ТРД), свидетельствует об обращении к человеческому фактору в лингвистике. Традиционная ТРД в XX веке исходит из доминирования аристотелевского интерпретационного подхода в методологии науки, что приводит к появлению интерпретационной семантики, герменевтики, социо- и психолингвистики, конверсационного анализа, теории речевых актов, этнометодологии. Понятие речевой деятельности, по Е.С. Кубряковой, – это наиболее общее, родовое наименование вербального взаимодействия, в процессе которого используется язык и его элементы, данные в речи и организованные с учетом ее правил и норм. Она представляет собой «совокупность речевых действий и речевых операций со стороны говорящего, создающего речь (речевой акт), и слушающего, ее воспринимающего, которая вызывается определенными потребностями, ставит перед собой определенную цель и совершается в конкретных условиях» [1986: 10]. Наличие мотивов, целей, условий протекания речевой деятельности подчеркивает общественную природу процесса речевой коммуникации в двух аспектах: он не только осуществляется в обществе, но и решает социально значимую задачу организации социального взаимодействия людей.

Ориентация на человека, учет общности знаний о мире, разделяемых коммуникантами, коммуникативных средств, навыков общения является общей чертой всех интерпретативных направлений в лингвистике, хотя в различных моделях коммуникации, построенных в социолингвистике, психо- и прагмалингвистике, эта общность преломляется по-разному. В социолингвистике эти идеи преломляются в понятии коммуникативной компетенции.

Коммуникативная компетенция включает в себя языковую компетенцию (условие возможности сообщения), социальную (допустимость сообщения) и психо-физическую компетенцию (осуществимость сообщения в конкретной ситуации общения) [Белл 1980: 279]. Коммуникативные компетенции говорящего и слушающего предполагают адекватные знания о мире, языке и его употреблении, что фактически вводит когнитивный компонент в модель коммуникации и позволяет трактовать образование смыслов в дискурсе как процесс их взаимного конструирования говорящим и слушающим.

Онтологически речевая деятельность является способом формирования мысли посредством языка [Зимняя 1981: 85]. Фактически данный вид деятельности есть деятельность когнитивная, речемыслительная, и, как всякая деятельность, она носит **системный** характер: «системность – конститутивное свойство деятельности, которая в свою очередь может быть охарактеризована как сверхсложная система» [Постовалова 1982: 3].

Понятие «система» – методологическая универсалия. Состояние любой системы не одномерно, а предполагает обобщение, суммарный результат состояния многих ее элементов. Компонентами прагматической системы речевой деятельности, с нашей точки зрения, являются: (1) единицы речевой деятельности – конечные элементы (речевые акты); (2) взаимосвязи элементов (порядок следования речевых актов, их совместимость и пр.); (3) функции элементов системы как целого (роль речевых актов в создании дискурса); (4) границы (критерии выделения простых и сложных РА, типология речевых актов); (5) подсистемы (число и разнообразие типов речевых актов); (6) окружение (конситуация, взаимодействие с другими речевыми актами, положение в дискурсе и т.п.). Лишь комплексное взаимодействие элементов системы обеспечивает ее определенное состояние – равновесие или неустойчивость.

Системность как важнейшее свойство языка проявляется в том, что его единицы составляют комплексную когерентную структуру, уровни которой определяются взаимодействием этих единиц, причем каждый уровень может быть представлен в виде отдельной системы. Современная лингвистика также признает системность речи и шире – дискурса (названного Н.Д. Арутюновой «речью, погруженной в жизнь» [1990: 137]). Ср.: «речь функционирует в обществе в виде отдельных актов речевой коммуника-

ции, каждый из которых есть целостная совокупность взаимодействующих систем» [Сидоров 1987: 127].

Прагматическое направление функциональной мегапарадигмы изначально понималась как изучение языка в действии (от *pragma* – деяние), функционирование языковых форм в различных ситуациях общения [Leech 1983], функциональный подход к анализу предложения [Почепцов 2009; Сусов 2009 и др.]; изучение коммуникативных смыслов, типов и компонентов речевых актов и т.п., то есть исследование «языка в контексте» [Dijk 1982: 27]. Если представить себе место прагмалингвистики на шкале парадигм «функционализм – формализм» [Dirven, Freid 1987: xi], оно будет максимально приближено к функциональному полюсу. Для функционального направления в целом и прагматики, в частности, характерно рассмотрение языка как системы средств коммуникации, а его главной функции – как инструмента коммуникации, речевого взаимодействия людей.

На разных стадиях своего развития функциональный подход находит отражение в функциональной теории предложения (Пражская школа), функционально-генеративной грамматике [Schlieben-Lange 1976], системно-функциональной грамматике, коммуникативной лингвистике, анализе дискурса [Brown, Yule 1983; Schiffrin 1994]. При этом важно отметить, что традиционная прагматика и исследования дискурса XX века были преимущественно интерпретативными, исходили из ситуативно и контекстно обусловленного выведения смысла высказывания.

Ярким примером интерпретативного функционализма служит теория речевых актов. Так, вычисление смысла или «интерпретация» речевых актов (термин А. Вежбицкой [1987]) происходит с помощью перформативных глаголов: они позволяют моделировать семантические отношения, содержащиеся в выражениях от первого лица, либо приписываемых говорящему. Например, в группу глаголов спрашивания, задающих речевой акт квестив, входят, по данным А. Вежбицкой, глаголы *ask, inquire/enquire, interrogate, question, query*. Их семантическое значение моделируется следующим образом:

«ASK (за исключением значения просить)

I say: I want you to say something that could cause someone to know X

I assume that you will say something because of that

I don't know what you will say

I say this because I want to cause you do it» [Wierzbicka 1987: 66].

Другим известным примером служит ситуативная интерпретация косвенного побуждения, которая включает в себя установление существования скрытой иллокуции и механизмы определения ее характера (об этом см.: [Searle 1975]). Употребляя вопросы (*Can you pass me the salt, please?*) в ситуациях

побуждения, говорящий стремится соблюсти нормы речевого этикета, поскольку косвенные речевые акты вопросительной структуры обладают большей степенью вежливости, чем аналогичные императивные предложения [там же]). Последовательность скрытых умозаключений фактически есть «конструированием» смысла в конкретной ситуации, хотя сам термин тогда не использовался.

С момента своего становления (70-е – 80-е гг.) и вплоть до настоящего времени в традиционной интерпретативной прагматике сложилось несколько научных школ, основанных на различных постулатах:

- англо-саксонская, восходящая к философии обыденного языка и теоретическому вкладу Людвиг Витгенштейна и разрабатывающая теорию речевых актов (Джон Остин, Джон Лич и др.);
- американская, исповедующая идеи семиотики Чарльза Пирса и Чарльза Морриса (прагматика = часть семиотики);
- французская, базирующаяся на теории высказывания Эмиля Бенвениста, изучающая актуальное и виртуальное значение высказывания;
- немецкая школа «универсальной» или «трансцендентальной» прагматики, рассматривающая прагматику как часть общей теории воздействия и испытывающая влияние критической теории Юргена Хабермаса;
- школа жанристики (В.В. Дементьев), трактующая значение через речевой жанр, понимаемый в духе М.М. Бахтина [Дементьев 2006].

Сегодня лингвистическая прагматика имеет несколько развитых ответвлений: межкультурная прагматика, историческая прагматика, социопрагматика, а также сформировавшаяся в XXI веке **когнитивная прагматика**, объединяющая когнитивное и коммуникативное начала функциональной мегапарадигмы: «прагматика – свойство разума (capacity of the mind), особая система обработки информации, система интерпретации конкретных феноменов действительности, а именно коммуникативного поведения» [Carston 2002: 128–129]. Предметная область исследований когнитивной прагматики включает как отдельные речевые акты, так и принципы дискурса и стратегии их реализации в целом. Отдельные термины – «когнитивная прагматика» / «когнитивная дискурсология» – взаимозаменяемы и акцентируют в первом случае подход, методологию, во втором – объект изучения.

Когнитивная психология доказала, что действительность не отображается, а интерпретируется, точнее – конструируется. Когнитивное конструирование образа мира – способ восприятия, понимания и интерпретации окружающего мира, в результате чего создается определенный конструкт (construal) – «субъективный образ объективной реальности». Это справедливо как для говорящего, который подбирает языковую форму для воплощения в слове своего содержания (ономасиологический подход к анализу

языка), так и для слушающего (семасиологический подход: от формы – к содержанию) [Жаботинская 2012].

В зависимости от типа информации – конвенциональной (контекстно и ситуативно обусловленной) и неконвенциональной – ее обработка может быть представлена двумя основными моделями: кодовой и инференционной.

Коммуникацию как кодирование / декодирование конвенциональных смыслов говорящего / слушающего объясняет **информационно-кодовая модель**, предложенная в теории информации Клодом Шенноном и Уорреном Уивером [Shannon, Weaver 1949]. Согласно кодовой модели, конвенциональная информация кодируется отправителем, передается по определенному каналу и декодируется получателем. Важнейшие постулаты кодовой модели в том, что оба (говорящий / слушающий) владеют определенным кодом (shared code), имеют общую цель коммуникации (ясно осознают интенции участников), разделяют общие знания и общий опыт коммуникации; при этом дефекты канала (т.н. шумы) минимальны. Так, кодовая модель адекватно объясняет смыслопорождение и восприятие высоко конвенционализированных смыслов в институциональном армейском дискурсе (приказы *Равняйся! Смирно!* не предполагают возможности непрямых трактований).

На практике лишь незначительная доля информации обрабатывается путем кодирования / декодирования; в большинстве случаев понимание мира ситуативно. Ситуация действительности – элемент «недискретного человеческого опыта», она может по-разному интерпретироваться в зависимости от того, что в ней является значимым. То есть, пропозиция – «результат интерпретации или концептуализации человеком недискретного опыта, выделение в нем <...> дискретных элементов, подведение их под определенные понятийные категории» [Кобозева 2000: 248]. Неконвенциональная информация требует процедур вывода, интерпретации, которые в XX веке наиболее полно описаны в **инференционной модели** Ганса Пола Грайса [1985].

Базовый принцип инференционной модели – выводимость знания, заложенная, по Грайсу, в разграничении того, что сказано (означено определенным знаком) и что при этом имелось в виду / имплицатировалось (What is said и What is meant / implicated) [Grice 1991]. «Имплицатуры вычисляются на основе тех компонентов смысла, существование которых предполагается, исходя из презумпции соблюдения Принципа Кооперации» [Сусов 2009: 147]. При этом в традиционной прагматике «само понятие инференция определяется скорее логически, чем психологически, отсюда – досадное завышение роли дедукции и прочие нелепые, но закономерные несоответствия современным когнитивно-психологическим представлениям» [Макаров 2003: 38].

В понимании смысла как выводного, конструируемого, когнитивная прагматика опирается на теорию релевантности. По мнению ее авторов Дэна Спербера и Деирдры Уилсон [1986], интерпретация интенций говорящего проходит две фазы: (1) знаковое сообщение кодируется / декодируется говорящим и слушающим; (2) адекватная инференция смысла осуществляется с учетом контекста и ситуации, пресуппозиций, импликатур т.п. При этом сами авторы определяли свой подход как когнитивно-психологический, а процесс инференции – как когнитивный [Sperber, Wilson 1986].

С точки зрения терминов, об «интерпретации», как правило, говорят в широком смысле слова (н.п., «интерпретация речевого акта, интерпретация текста» и т.п.); а в узком, ментально-ориентированном смысле, – о «конструировании». Конструируя неконвенциональное содержание, как свидетельствует социальная психология, человек выводит недостающие смыслы из экстравербальной информации (из ситуации, контекста) [Aronson, Wilson, Akert 2013]. Это выведение (*inference*) осуществляется по определенным концептуальным схемам, предложенным Ульрихом Найссером – основателем когнитивной психологии и экологического подхода в когнитивных исследованиях [Neisser 1967].

Детализируя трактовку инференции значения в когнитивной грамматике, Рональд Лэнекер [1987] описывает содержание, активированное языковым знаком, как сцену (*scene*), а конструирование – как способ видения этой сцены. Он обосновывает наличие отношения конструирования (*construal relationship*) между говорящим / слушающим и структурируемой ими ситуацией (*scene*): роль говорящего / слушающего служит источником предикации; высказывание определенным образом структурирует действительность (*situation or scene*); говорящий (а затем и слушающий, который реконструирует намерение (*intent*) говорящего) с учетом вариативной перспективы и уровня абстракции (*focal adjustments*) выбирает подходящий «фокус» (*focal setting*) и структурирует ситуацию с точки зрения «оптимальной аранжировки (*optimal viewing arrangement*)» [Langacker 1987: 128–129]. Последнее предполагает, что выводимое таким образом содержание зависит от: фокуса рассмотрения (*focusing*), точки зрения (*perspective*), степени детализации внимания (*specificity*) и важности для человека (*prominence*) тех или иных элементов содержания [Langacker 2008: 55].

В коммуникации можно условно выделить информативный (содержательный) и интенциональный (прагматический) компоненты. Так, Джон Сёрл отмечает наличие в акте речи двух взаимосвязанных интенций – репрезентационной (связанной с миром за пределами коммуникации) и коммуникативной (иллокутивная и перлокутивная цели конкретного речевого акта) [Searle 1986: 209–226]. Информация может передаваться преднаме-

ренно и непреднамеренно (information given and given-off) [Goffman 1959], при этом первая осознанно выбирается говорящим, а вторая – результат конструирования слушающим (что может противоречить желанию говорящего скрыть свои истинные мотивы и т.п.).

Механизм интерпретации интенции на сегодняшний день наиболее полно объясняет **интерактивная модель коммуникации**. Если инференция исходит из принципа действия (в основном, одного говорящего), то интерактивная модель [Shiffrin 1994] акцентирует взаимодействие, со-участие коммуникантов в общении, то есть принцип «взаимодействия, помещенного в социально-культурные условия ситуации» [Макаров 2003: 38]. В этой модели особая роль отводится ситуации, когда для конструирования смыслов имеют значение не только слова, но и невербальные сигналы, в том числе произвольные: так, из покраснения лица можно вывести намерение обмануть и т.п. в соответствии с конкретной ситуацией на основе психологического опыта слушающего.

Современная лингвистика становится **экологической наукой**, которая исходит из взаимосвязи социума – языка – мышления, что акцентирует социокультурные, контекстные аспекты коммуникации. «С точки зрения эколингвистики дискурс – средство формирования социальных отношений и одновременно их продукт. Исследовательскому фокусу на взаимодействии и контексте, отличающему эколлингвистику, соответствует трактовка языковых значений как потенциала, который, будучи реализован в определенном контексте, конструируется коммуникантами в ходе их взаимодействия» [Шевченко 2015: 126] в конкретной ситуации.

Ситуации дискурса – это «социальные конструкты, обладающие разной степенью релевантности при разных обстоятельствах» [Морозова 2010: 104]. В ситуации дискурса выделяют две их ипостаси: референтную (тема, предмет общения) и коммуникативную (экстралингвальные параметры общения: адресант, адресат, их цели, время и место общения и т.п., заданные параметрами дейксиса (Я – ЗДЕСЬ – СЕЙЧАС) (подробнее см.: [Морозова 2010]).

Конструирование смысла включает операции как с дейктическими, так и с референтными данными. С одной стороны, это опосредованный субъектом процесс соотношения содержания высказывания с параметрами коммуникативной ситуации, ее «приземление», «укоренение предикации» (grounding predication [Langacker 1991: 82]). Такое укоренение, по Р. Лэнкеру, – это наложение на ментальные структуры низшего уровня параметров более высокого уровня концептуальной организации (в его примере «one, most, all», когда они не выступают показателями абсолютного количества, служат для идентификации, указания на предметы и явления (так, в сочетании *all dogs* профилируется значение повторяющегося количества,

тем самым идентифицируется объект; в то время, как значение *some dogs* профилируется как конкретная, определенная часть некоего целого [Langacker 1981: 81–85]).

С другой стороны, референтная ипостась ситуации формируется путем профилирования значений, активированных единицами высказывания, в пределах определенного домена – связной области концептуализации, относительно которой характеризуется семантическая единица [Langacker 1987: 147, 488, 547] или определенного информационно «широкого» концепта, на фоне которого идентифицируется данный «более узкий» концепт [Жаботинская 2009]. [303, с. 4; Langacker 1987: 488]). Типичным примером сбоя профилирования служит конструирование смыслов с обратным оценочным знаком: нейтральное принимается за оскорбительное, позитивно-оценочное за ироничное или саркастическое и т.п. (Ср: *Вы хорошо выглядите сегодня! – Только сегодня?!* Значение «хорошо выглядеть» искажается за счет его профилирования адресантом в домене КОМПЛИМЕНТ, а адресатом – в домене ОЦЕНКА).

Таким образом, «вычисление», конструирование смыслов является по сути когнитивной операцией, хотя ментальные процессы не акцентировались в традиционном прагматическом подходе. Однако, поскольку все направления прагматики объединяет исследовательский фокус на коммуникативных смыслах, «прагматика как единая научная парадигма когнитивна во всех ее разновидностях», а отдельные направления прагматики отличаются ведущими векторами анализа [Шевченко, Сусов, Безуглая 2008].

Избранный нами когнитивный вектор анализа дискурса соответствует современному этапу развития интерактивного понимания коммуникации и обуславливает необходимость учитывать личностные параметры говорящего и слушающего (социальные, этнокультурные, психологические); знания о мире и знания языкового кода, заложенные в их коммуникативных компетенциях, благодаря чему реализуется возможность интерпретации смысла, точнее – его конструирования в дискурсе в процессе взаимодействия коммуникантов.

Дискурс как среда конструирования коммуникативных смыслов*

В когнитивной прагматике используются базовые положения дискурс-анализа, в частности, подчеркивается интерактивная природа дискурса,

* Использованы материалы, опубликованные в: Шевченко И.С. Дискурс как когнитивно-коммуникативный феномен: единицы и категории // Лингвистические исследования : сб. ст. / ЕГУ. – Вып. 5. – Ереван : Лимуш, 2015. – С. 146–158.

который понимается не только как действие, но как взаимодействие, совместное конструирование смыслов. Согласно теории социального конструктивизма, «наш способ общения не только отражает мир, идентичности и социальные отношения, но и играет активную роль в его создании и изменении» [Филлипс, Йоргенсен 2004: 15].

Из множества известных в XX веке трактовок дискурса когнитивно-коммуникативной парадигме ближе всех концепция М. Фуко, в которой дискурс – это социальная практика, практика получения знаний [Фуко 2004]. Деятельностный подход к дискурсивной практике лежит в основе современного дискурс-анализа. Как пишет Рут Водак, «критический дискурс-анализ рассматривает дискурс – язык, используемый в речи или на письме, – как форму «социальной практики», диалектическую зависимость»: с одной стороны, дискурс конституирует ситуации, объекты познания, людей – субъектов познания, а с другой – сам формируется этими параметрами [Wodak 1996:15].

Процессуальный характер дискурса позволяет трактовать его как текст в контексте, как событие с позиции действия [Dijk 1977]. Дискурс представляется как связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). При этом дискурс не подменяет понятие текста – «дискурс обозначает коммуникативный и ментальный процесс, приводящий к образованию некоей формальной конструкции – текста» [Чернявская 2011: 177].

Дискурс – «интегральный феномен, мыслекоммуникативная деятельность, которая протекает в широком социокультурном контексте; она есть совокупность процесса и результата, характеризуется континуальностью и диалогичностью» [Шевченко, Морозова 2003: 28]. Лингвистическим воплощением дискурса как явления, разворачивающегося во времени, служит текст – его результат. В отличие от текста – онтологической сущности – характеристики дискурса-события не онтологичны, они конструируются говорящим и слушающим и выходят за пределы лингвистики как науки, что соответствует экспансионистскому началу когнитивно-дискурсивной парадигмы [Кубрякова 1995: 207].

В нашем понимании *дискурс является многоаспектной когнитивно-коммуникативно-языковой системой-гештальтом, которая определяется совокупностью трех аспектов: формированием идей и убеждений (когнитивный аспект), взаимодействием коммуникантов в определенных социально-культурных контекстах / ситуациях (социаль-*

но-прагматический аспект) и использованием знаков, вербальных и паравербальных (языковой аспект). Отдельные аспекты дискурса неразрывны: прагматические и социокультурные аспекты имеют когнитивно-психологическое основание, а когнитивные основаны на коммуникативном опыте, поэтому их разделяют только в эвристических целях. Предпочтение когнитивного либо коммуникативного векторов анализа, как и их интегральное применение, обусловлено конкретным объектом поиска и целями исследователя.

Объективированные различными средствами языка / речи, концепты – это «значения, схваченные знаком» [Никитин 2008]. Большинство ситуаций дискурса задано дискурсообразующими концептами. Средства их воплощения образуют «номинативное поле концепта» [Стернин 2007: 47], куда входят прямые номинации концепта (ключевое слово и синонимы); производные номинации; однокоренные слова разных частей речи; симиляры (семантически близкие, но не синонимичные слова); контекстуальные синонимы; окказиональные номинации; устойчивые словосочетания; фразеологизмы, включающие имя концепта; паремии; метафоры; устойчивые сравнения с ключевым словом; ассоциативное поле номинаций концепта; их словарные толкования; справочные экспликативные тексты, публицистические и художественные тексты, раскрывающие содержание концепта [там же: 49].

Так, концепт коммуникативного поведения может быть объективирован словом (МЕСТЬ, УХАЖИВАНИЕ), словосочетанием (СВЕТСКАЯ БЕСЕДА), текстом (басней – ПОУЧЕНИЕ, молитвой – ПОКАЯНИЕ) и т.п. Еще Чарльз Филлмор обращал внимание на ментальное представление коммуникативных действий, репрезентированных глаголами *blame, accuse, criticize* [Fillmore 1971] в виде этнокультурных скриптов (динамичных фреймов), которые актуализируются в дискурсе единицами разных уровней – от речевого акта до речевого события.

Дискурсивная парадигма насчитывает несколько десятилетий, однако **единицы дискурса** и его структура остаются дискуссионной проблемой: отсутствует общепринятая терминология для различных единиц, в одной типологии неоправдано совмещают единицы речи и единицы дискурса. Представители дискурс-анализа подчеркивают, что ни текст, ни высказывание не являются единицами дискурса, в их роли выступают коммуникативные события и коммуникативные акты с учетом личностных и социальных характеристик говорящего и слушающего, других параметров социальной ситуации [Dijk 1977].

Школа конверсационного анализа фокусирует внимание на устном диалогическом дискурсе повседневного общения и считает единицами дискурса: разговор (*conversation*), топик (*topic*), последовательность (*sequence*),

смежную пару (adjacency pair), реплику (репликовый шаг) (turn) [Sacks, Schegloff, Jefferson 1974]. Другие исследователи среди единиц дискурса выделяют коммуникативное взаимодействие (interaction), трансакцию (transaction), обмен (exchange), ход (move), коммуникативный акт (act). Минимальной единицей коммуникативного действия признают коммуникативный (вербально-невербальный) акт, а единицей коммуникативного взаимодействия – обмен (его также определяют как интерактивный блок, простую интеракцию, элементарный цикл [Макаров 2003]).

Фокус на участниках коммуникации и совместном конструировании смыслов в ситуациях общения, характерный для когнитивно-коммуникативного и эколлингвистического подходов, предполагает иерархию единиц дискурса не только по структурно-функциональному, но и по когнитивно-смысловому / содержательному параметрам (языковая форма и целенаправленность высказываний, с одной стороны, а также актуализированные в них концепты и тематическая связность высказываний, с другой).

Когнитивный ракурс анализа дискурса заставляет пересмотреть и традиционную трактовку минимальной единицы дискурса в соответствии с его интерактивной природой (дискурс как взаимодействие, совместное конструирование смыслов). Такой минимальной единицей мы считаем *речевой акт, определяемый как речевое взаимодействие говорящего и слушающего для достижения определенных перлокутивных целей путем конструирования ими дискурсивного значения в ходе общения.*

Мы моделируем речевой акт в виде трех блоков: антропоцентрического, состоящего из адресантного, адресатного и интенционального аспектов, блока условий и способов реализации речевого акта, объединяющего контекстный, ситуативный и метакоммуникативный аспекты, а также центрального речеактового блока, объединяющего два предыдущих и включающего денотативный, локутивный и иллокутивный аспекты, что соответствует плану содержания, плану выражения и актуализации высказывания в речи [Шевченко 1998: 43].

Речевой ход может состоять из одного или нескольких речевых актов говорящего.

Последовательность связанных речевых ходов составляет речевой шаг (или обмен), который трактуется как смежная пара реплик [Levinson 1983], интерактивный блок (с точки зрения функционального синтаксиса он соответствует диалогическому единству). Речевой шаг является обменом из минимум двух ходов («стимул – реакция»). В классической прагматике элементарный обмен «адресант – адресат» назван «дискурсивным» (т.е. не минимальным) актом [Приходько 2010: 101–122] в противовес речевому акту как минимальной единице речевого действия одного адресанта или актом

«когнитивно-коммуникативного взаимодействия» [Мартынюк. Данная монография].

Последовательность нескольких речевых шагов, соединенных тематически и служащих достижению поставленной цели общения, представляет собой транзакцию – соответствие понятия (микро)диалога в речи.

Самым крупным элементом в структуре дискурса является речевое событие (speech event) – завершенное речевое общение, разговор, интеракция, которая соответствует в речи макродиалогу или тексту, например, в таких специфических ситуациях, как встреча с друзьями, телефонный звонок [Dijk 1997: 2].

Сказанное позволяет определить структуру дискурса в виде иерархии единиц: речевое событие (speech event), транзакция (transaction), шаг (exchange), ход (move), речевой акт (speech act). В табл. 3 единицы дискурса соотнесены с единицами структуры речи.

Таблица 3

Структура дискурса и структура речи

	Единицы дискурса			
Единицы речи	Шевченко 2005	Sinclair, Courlthard 1992	Edmondson 1981	Sacks, Schegloff, Jefferson 1974
Текст	Дискурс			
Макродиалог	Речевое событие	Interaction	Encounter	Conversation
Микродиалог	Транзакция	Transaction, sequence	Phase	Topic, sequence
Диалогическое единство	Шаг, обмен	Exchange	Exchange	Adjacency pair
Реплика	Ход	Move	Move	Turn
Высказывание	Речевой акт	Act	Interactional act	

Концептуализация коммуникативного поведения актуализируется в разноразличных единицах дискурса. Концепты типа УХАЖИВАНИЕ, ССОРА могут воплощаться как отдельными транзакциями, так и всем речевым событием. Так, концепт ПРИВЕТСТВИЕ (инициальная фаза речевой интеракции) может быть воплощен:

- отдельным речевым актом или речевым ходом – фатическим метакоммуникативом [Шевченко, Матюхина 2003]: *Привет! Доброе время суток! Hi!* и т.п.

- речевым обменом:

'Brother, I'm glad to see you,' she said, in an affectionate tone. 'I didn't look for you to-day. How do you do?'

'Oh, ... pretty well, Mrs. Moss ... pretty well,' answered the brother, 'and you?'
(G. Elliot)

Коммуникативное поведение – система коммуникативных актов и их свойств: УХАЖИВАНИЕ может быть изящным, назойливым и т.п. Концептуализация конкретных типов коммуникативного поведения и их характеристик обуславливает необходимость обращения к **категориям дискурса**, изучение которых только начинается.

Категория трактуется философией как форма отражения в мысли универсальных законов объективного мира, предельно общее фундаментальное понятие, отражающее наиболее существенные, закономерные связи и отношения действительности и познания. Если категории текста относительно полно описаны Р. де Бограндом и В. Дресслером (когезия, когерентность, интенциональность, приемлемость (здесь – интерпретируемость), информативность, ситуативность и интертекстуальность (cohesion, coherence, intentionality, acceptability, informativity, situationality and intertextuality) [Beaugrande, Dressler 1981]), то общепризнанная классификация категорий дискурса пока отсутствует.

Категории текста и дискурса взаимосвязаны между собой: первые составляют содержательную основу дискурса. Так, В.И. Карасик предлагает четырехчленную классификацию категорий дискурса: «1) конститутивные, позволяющие отличить текст от нетекста (относительная оформленность, тематическое, стилистическое и структурное единство и относительная смысловая завершенность); 2) жанрово-стилистические, характеризующие тексты в плане их соответствия функциональным разновидностям речи (стилевая принадлежность, жанровый канон, клишированность, степень амплификации / компрессии); 3) содержательные (семантико-прагматические), раскрывающие смысл текста (адресативность, образ автора, информативность, модальность, интерпретируемость, интертекстуальная ориентация); 4) формально-структурные, характеризующие способ организации текста (композиция, членимость, когезия)» [Карасик 2002: 241].

Уточнение параметров системы категорий позволяет нам с определенной долей условности различать (1) когнитивные, (2) коммуникативные, (3) метадискурсивные категории, а также выделить гиперкатеорию интердискурсивности, где две первые категории дают представление о содержательном плане дискурса, а метадискурсивные – о его организации (табл. 4).

Категории дискурса

Гиперкатегория	Категории		Субкатегории
Интердискурсивность	Содержательные	Когнитивные	Информативность Когезия
		Коммуникативные	Интенциональность Адресованность Ситуативность
	Организующие	Метадискурсивные	Кооперация Вежливость Фатика (в т.ч. МКР)

К числу *когнитивных категорий* дискурса относим информативность – смыслы, передаваемые в ходе коммуникации; когезию как семантико-когнитивную связность дискурса (каузальную, референциональную, темпоральную).

Коммуникативные категории дискурса охватывают интенциональность и адресованность, то есть социально-прагматические свойства отдельных ситуаций общения, а также ситуативность – соотносительность вербальных и невербальных аспектов общения (перечень отдельных субкатегорий может быть продолжен).

Информативная, интенциональная, ситуативная категории служат основой для выделения дискурсообразующих концептов, разграничивая в содержательном плане концепты ССОРА, ФЛИРТ и т.п., лежащие в основе соответствующих речевых событий.

Согласно модели Грегори Бейтсона, коммуникация осуществляется на двух уровнях: коммуникативном и метакоммуникативном, где второй «задает модус передаваемости сообщения» [Почепцов 2001: 32–33]. В отличие от когнитивных и коммуникативных *метадискурсивные категории* позволяют судить о плане выражения дискурса – его структуре, организации, развертывании. Исходя из трактовки метадискурсивности как фактора «управления интеракцией» [Heisler 2003: 1614], к метадискурсивным мы относим четыре категории: кооперации (в духе Г.П. Грайса) и вежливости, представленные средствами оформления дискурса как процесса – его коммуникативными стратегиями и тактиками; жанрово-стилистические особенности дискурса; фатическую метакоммуникацию (регулирование речевого взаимодействия в ситуациях установления / продолжения / размыкания речевого контакта) и операциональную категорию мены коммуникативных ролей. Фактически, дискурсивные и метадискурсивные категории находятся в дополнительных отношениях и связаны по принципу содержание :: выражение, диктум :: модус [Шевченко 2010].

Стратегии дискурса принято связывать с коммуникативными постулатами (discourse maxims) Г.П. Грайса, т.е. принципами успешного общения, либо стратегиями вежливости Пенелопы Браун и Стивена Левинсона. Их разнообразие в соответствии с мотивами и интенциями участников дискурса находит выражение в конкретных тактиках (тактика извинения, преувеличенной симпатии и т.п., которые реализуют определенные концепты – ИЗВИНЕНИЕ, ОДОБРЕНИЕ и др.).

Жанрово-стилистическая (формально-структурная) метакатегория определяет выбор формы высказываний и текстов в зависимости от определенных дискурсивных формаций, свойственных тем или иным сферам социальной практики и заданных культурной традицией народа. Однако типы дискурса – языкового коррелята соответствующей коммуникативной деятельности, человеческого сознания и практики – не тождественны функциональным стилям. Если первые, по мнению В.Е. Чернявской, выделяются на основании содержательно-смысловой общности, то вторые – общности формы общественного сознания, в результате чего количество функциональных стилей конечно (как правило, их выделяют пять – публицистический, научный и т.д), в то время как дискурсов бесконечно много (можно говорить о дискурсе химии, генетики и под., но не существует «функционального стиля генетики») [Чернявская 2011].

Фатическая разновидность метакоммуникации направлена на включение / переключение внимания адресата на сообщение, поддержание на нужном уровне внимания адресата в период передачи сообщения и размыкание речевого контакта. Она служит вербальным средством организации речевого взаимодействия и обеспечения эффективной передачи когнитивной информации в дискурсе и реализуется «специализированными средствами – речевыми стереотипами, неспециализированными вербальными и невербальными средствами; характеризуется доминированием социально-регулятивной информации, конвенциональностью и ритуализованностью» [Матюхина 2004: 12].

Фатическая метакоммуникация способствует социальному взаимодействию: в ней, как правило, не происходит передачи существенной информации, а осуществляются определенные социальные акты, реализующие концепты ПРИВЕТСТВИЯ, ПРОЩАНИЯ, ПРЕДСТАВЛЕНИЯ и др. При этом собеседники руководствуются целями организации и регулирования социального контакта, но не целями сообщения существенной информации (хотя информативность обладает градуальным характером и о ее наличии / отсутствии можно говорить лишь в терминах «более / менее»). Это свойство ограниченной информативности представляется важнейшим отличием фатической метакоммуникации от собственно информативного обще-

ния; фатика служит средством структурирования, продвижения дискурса и, следовательно, является метадискурсивной категорией.

К метадискурсивным мы относим и операциональную (то есть, спонтанную, происходящую в режиме реального времени [Sacks, Schegloff, Jefferson 1974]) категорию мены коммуникативных ролей, присущую диалогическому дискурсу. Категория мены ролей понимается как внутреннее устройство диалогического дискурса и признается «основополагающим фактором его динамической организации» [Макаров 2003: 192]. Мена коммуникативных ролей (*turn-taking*) определяется как передача роли говорящего от одного участника общения другому. Именно связь отдельных ходов коммуникантов в дискурсивном обмене и взаимозависимость этих ходов (в тематическом, интенциональном, синтаксико-семантическом и др. аспектах) обеспечивает процесс речевой интеракции в диалогическом дискурсе. Категория мены ролей обеспечивает развитие дискурса и продвижение информации, «контролирует развитие темы и отражает стратегии и тактики участников интеракции» [Аристов 2001: 8], что раскрывает ее операциональную рчеорганизирующую природу. Тем самым, мена ролей – это «операциональная метадискурсивная категория, которая обеспечивает структурирование и регуляцию диалогического дискурса в режиме реального времени путем перехода роли говорящего от одного участника общения к другому, добровольного принудительного завершения коммуникативного вклада одного коммуниканта и присвоения права на вклад другим» [Лавриненко 2011].

Сказанное позволяет рассматривать категории дискурса как градуальные относительно шкалы информативности: его когнитивные и коммуникативные, жанрово-стилистические характеристики тяготеют к полюсу *maximum*, фатическая метакатегория занимает промежуточное положение на шкале, а категория мены ролей практически лишена информативности и принадлежит к полюсу *minimum*.

Наконец, выделение гиперкатегории интердискурсивности является развитием теории интертекстуальности в дискурсивной парадигме, поскольку привлекает к анализу культурные коды, надтекстовые отношения, ментальность, нормы деятельности человека. Интердискурсивность характеризует взаимодействие между различными дискурсами, т.е. пересечение, интеграцию различных областей знания и практики: использование элементов научного дискурса (терминов, ссылок на авторитетные источники и др.) в рекламном дискурсе; перенесение стратегий и тактик одного типа дискурса в другой (например, политическому дискурсу Буша присущи тактики и приемы, характерные для дискурса проповеди – уход от конкретики, сугестия вместо аргументирования), жанровое оформление дискурса совре-

менных СМИ пестрит формами, типичными для разговорного дискурса, вплоть до жаргонизмов и т.д.).

В целом, предназначенность дискурса создавать и поддерживать баланс отношений в обществе, что объясняется, по нашему мнению, не столько выполнением отдельных функций, сколько их сочетаемостью. В теоретическом плане «в сочетании фатика и информатики проявляется основополагающий диалектический принцип единства и борьбы противоположностей как основы развития»; а в практическом – сочетаемость функций есть важнейшее конститутивное свойство дискурса, оно обусловлено подвижностью границ между типами информации, что и приводит к их конвергенции. В частности, противоположные по информационному, телеологическому и иным параметрам информативная и фатическая функции в дискурсе способны к сочетанию, причем фатика существенно облегчает информативный обмен, делает его более эмоциональным, способствует достижению целей» [Шевченко 2015: 126–127]. При этом сочетания функций фатика и информатики образуют различные конфигурации в автономном (светская беседа и т.п.) и включенном (полифункциональном) типах фатического дискурса и осуществляется в двух основных моделях: «аналитической модели», типичной для полифункционального дискурса (наличие разнооформленных прагма-семантических индикаторов фатика и информатики в пределах высказывания / речевого хода), и «синтетической модели – ситуативно-контекстного совмещения функций в высказывании, лишенном прагмасемантических иллокутивных индикаторов», что преобладает в автономном фатическом дискурсе [там же: 127].

В аналитической модели в пределах одного речевого акта или хода сочетаются разнооформленные иллокуции; в следующем примере это извинение (*beg pardon*), привлечение внимания (*Lady Bracknell*) (фатика) и сообщение (*this engagement is quite out of the question*) (информатика), реализованные прагма-семантическими индикаторами, в прямых РА фатической и информативной направленности, объединенных в одном речевом ходе:

Jack. I beg your pardon for interrupting you, Lady Bracknell, but this engagement is quite out of the question.

(O. Wilde. *The Importance of Being Earnest*. Act 3)

Синтетическая модель взаимного наложения функций проявляется в ситуациях светской болтовни, например, при знакомстве двух девушек:

Cecily. [Advancing to meet her.] Pray let me introduce myself to you. My name is Cecily Cardew.

Gwendolen. Cecily Cardew? [Moving to her and shaking hands.] What a very sweet name! Something tells me that we are going to be great friends.

I like you already more than I can say. My first impressions of people are never wrong.

Cecily. How nice of you to like me so much after we have known each other such a comparatively short time. Pray sit down.

Gwendolen. [Still standing up.] I may call you Cecily, may I not?

Cecily. With pleasure!

Gwendolen. And you will always call me Gwendolen, won't you?

Cecily. If you wish.

Gwendolen. Then that is all quite settled, is it not?

Cecily. I hope so. [A pause. They both sit down together.]

(O. Wilde. The Importance of Being Earnest. Act 2.)

В последней ситуации речевые акты реализуют одновременно две иллокуции: ведущую – установление контакта для дружеского общения (индикатор фатики – тема и семантика предложения) и сопутствующие иллокутивные силы – спрашивание (*I may call you Cecily, may I not?*), информирование (*My name is Cecily Cardew*), выражение эмоций (*How nice of you, I like you already*), побуждение (*Pray sit down*), задаваемые структурой предложения, что указывает на контаминацию фатической, информативной, экспрессивной, побудительной функций в пределах речевого хода.

Разноуровневые единицы дискурса – от речевого акта до речевого события – способны воплощать различные концепты коммуникативного поведения, которым соответствуют определенные функции дискурса: концепты ФЛИРТ, БЛАГОДАРНОСТЬ – преимущественно фатическая, концепт ЗАСЕДАНИЕ – преимущественно информативная функция и т.п.

Концепты коммуникативного поведения: события и признаки*

Поведение – целеориентированная активность, служащая для осуществления контакта с окружающим миром. В философии поведение понимается как способность человека к деятельности в материальной, интеллектуальной и социальной сферах жизни. Социологи уточняют: поведение – это все то, что человек делает или не делает намеренно; это совокупность актов действия и бездействия, совершаемых человеком [Крылов].

Понятие **коммуникативного поведения** представляет собой «совокупность норм и традиций общения определенных групп людей» [Стернин и др. 2003: 8]. Ментальные представления о коммуникативном поведении, включая «речевые знания и умения – нормы вербальной и невербальной коммуникации, коммуникативные категории, жанры, речевые и функцио-

* Использованы материалы, опубликованные в: Шевченко И.С. Концепт коммуникативного поведения и жанр // Жанры речи. – Саратов : СГУ, 2015.– № 1(11). – С. 23–29.

нальные стили – составляют систему коммуникативных концептов и ценностей данной культуры, или коммуникативную концептосферу» [Дементьев 2006: 6]. С учетом влияния на ментальное представление языковой формы лексемы-имени концепта выделяются знания о предмете / сущности – т.н. «основные» и о процессах / отношениях – т.н. «процессуальные» / «реляционные» понятия [Кубрякова 2004: 252–267], соответствующие ономаσιологическим категориям (ср.: предметные / процессуальные / признаковые концепты [Langacker 1987; Кубрякова 2004: 259]).

Коммуникативное поведение обусловлено рамками определенной лингвокультуры. Ментальное представление о культуре, ее концепт – «основная ячейка культуры в ментальном мире человека <...> – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек <...> сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов 1997: 40]. Таковы концепты этики: ДОБРО, ЗЛО, ГРЕХ, ВЕРА и др. Лингвокультурный концепт «призван связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, т.к. он принадлежит сознанию, детерминируется культурой и опредмечивается в языке» [Слышкин 2000: 9].

В последнее десятилетие известные классификации концептов пополняются новым типом – **концептом коммуникативного поведения**. В научный обиход понятие «поведенческий концепт» вводится И.И. Чесноковым [2009], который определяет его как «отраженную в сознании индивида модель поведения (деятельности)», описываемую «в терминах социального взаимодействия – с точки зрения мотива, цели, а также стратегий и тактик ее достижения». В лингвокультурном ракурсе поведенческий концепт рассматривается в совокупности презентаций концепта в языковом сознании и форм его представления в коммуникативном поведении или дискурсе, в котором акцентируется «осознанная целенаправленная знаковая деятельность, связанная с выражением исследуемого концепта в практике социального взаимодействия» [там же].

Коммуникативное поведение можно представить как фрейм – модель наиболее типичных ситуаций с отдельными слотами – составляющими этого события. Пример этнокультурного стереотипного фрейма у Марвина Минского – «Американский день рождения», включающий определенную последовательность общеизвестных ритуалов [Минский 1979: 58–59].

Ментальное представление о коммуникативном поведении охватывает, с одной стороны, представление о коммуникативном событии как таковом, актуализированном соответствующими речевыми актами, с другой – о свойствах (вербальных и невербальных) такого события. На этом основа-

нии среди концептов коммуникативного поведения можно выделить событийные (или концепты-события): ИЗВИНЕНИЕ, БЛАГОДАРЕНИЕ, МЕСТЬ и др. и признаковые, реляционные концепты («концепты-признаки» – термин И.С. Шевченко [2013]): ДОБРО, ЗЛО, ВЕЖЛИВОСТЬ, СКРОМНОСТЬ, ДЕРЗОСТЬ и т.п., которые характеризуют определенную коммуникативную ситуацию (*извинение какое? мстить как?*).

Событийные и признаковые разновидности концептов коммуникативного поведения мы выделяем по критериям:

- природа концепта – событийность :: признаковость;
- онтологические свойства – темпоральность :: атемпоральность;
- способ моделирования концепта в виде различных ментальных схем;
- способ актуализации – лексический (в слове) :: дискурсивный (в виде речевого акта, стратегии/тактики дискурса, мены ролей);
- тип иллокуции, которую задает концепт – первичная :: вторичная.

Так, событийность :: признаковость концепта заложена в картине мира и раскрывается в значениях средств номинации концепта, в его энциклопедических дефинициях и т.п.

Критерий «темпоральность :: атемпоральность» задается онтологическими свойствами имени концепта; он позволяет разграничить разворачивающиеся во времени концепты-события типа ИЗВИНЕНИЕ, ОСУЖДЕНИЕ, БЛАГОДАРНОСТЬ, ПРОСЬБА и атемпоральные (точнее, пантемпоральные) признаковые концепты – ментальные представления о характере определенного коммуникативного действия или состояния (СДЕРЖАННОСТЬ, НАЗОЙЛИВОСТЬ и т.п.).

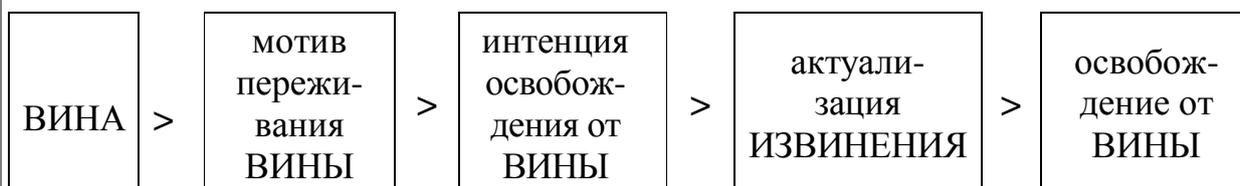
Параметр ментальных схем предполагает, что концепты моделируются в виде различных динамичных / статичных фреймов. Схема, трактуемая в духе Рональда Лэнекера, Сьюзен Кеммер, Томаса Клаузнера и Уильяма Крофта – это генерализация, абстрагированная от языковых форм и значений [Langacker 1987; Kemmer 2000; Klausner, Croft 1999]. Схемы (schemata) – укорененные в мышлении образцы опыта, которые представляют собой когнитивную репрезентацию, включающую сходные черты, наблюдаемые в многочисленных случаях использования знака [Kemmer 2000].

В соответствии с онтологическими схемами построения лексически представленных концептов их моделируют в виде «статического» фрейма, состоящего из вершинных узлов (слотов) либо динамического фрейма-сценария (как последовательность эпизодов, разворачивающихся во времени и пространстве).

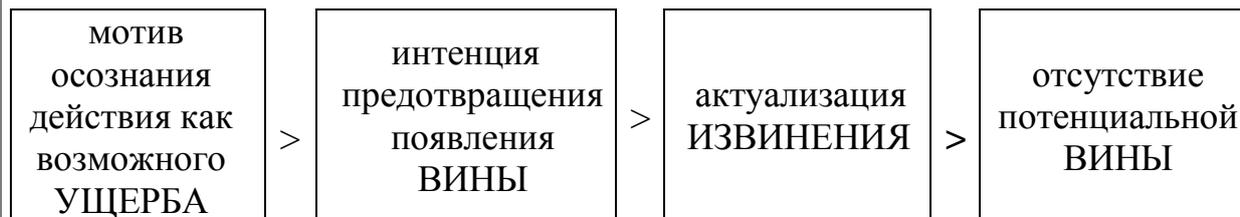
В частности, динамичные концепты-события (ментальные схемы определенных ситуаций с их поэтапным развитием) моделируются в виде фрейма-сценария – последовательности эпизодов по схеме: [мотив → интен-

ция → оценивание параметров ситуации → выбор языковых / неязыковых средств → совершение соответствующего речевого / коммуникативного акта → эффект] (ср.: когнитивный сценарий выражения эмоций типа ANGST / ГНЕВ у Анны Вежбицкой [1999]).

Например, концепт ИЗВИНЕНИЕ / APOLOGY корректирующего типа (интенция говорящего – избавиться от чувства вины за совершение малефактивного действия *Sorry, I am late!*) можно представить в виде когнитивного сценария, который включает слоты – концепты ВИНА, ИЗВИНЕНИЕ, объединенные проспективным вектором связи [Буренко 2008]:

Иначе выглядит модель превентивного извинения (*Excuse me, can we talk?*), где реализация этикетного извинения – результат осознания гипотетически возможного чувства вины в результате будущего действия, несущего угрозу лицу адресата (face threatening act в трактовке [Brown, Levinson 1987]). В этом сценарии концепт ИЗВИНЕНИЕ предшествует появлению ВИНЫ [Буренко 2008]:

В отличие от событийных, признаковые концепты коммуникативного поведения атемпоральны и не имеют отдельного сценария развертывания. Они относятся к слоту качества / способа действия в модели соответствующего событийного концепта НЕКТО ДЕЛАЕТ НЕЧТО ТАК, НЕЧТО ЕСТЬ ТАКОЕ и характеризуют весь фрейм в целом. Так, концепт СКРОМНОСТЬ / MODESTY способен актуализироваться как слот способа действия: *I humbly ask you* либо слот качества: *I liked her modest talk*.

В соответствии с параметром способа и средств номинации событийные концепты коммуникативного поведения воплощаются в слове (как правило, это существительное, в том числе отглагольное, типа *выступление, молитва* и др.), в предложении, в микротекстах, в том числе в поговорках и поговорках, а также актуализируются в одном / нескольких речевых актах либо крупном речевом событии (ЗАСЕДАНИЕ). Напротив, концепты-признаки коммуникативного поведения могут быть представлены словом

(как правило, прилагательным / наречием), предложением, в том числе по- словицами и поговорками, а также актуализированы стратегиями и такти- ками дискурса (например, стратегии вежливости дистанцирования *hedging* актуализируют концепт УКЛОНЧИВОСТЬ).

Событийный концепт коммуникативного поведения в дискурсе вопло- щается в речевом акте, чья ведущая иллокутивная сила соответствует поня- тийной составляющей концепта: например, концепты ПОРИЦАНИЕ, БЛА- ГОДАРНОСТЬ реализуются речевым актом экспрессивом (сатисфактивом по классификации Д. Вундерлиха) и имеют, как правило, одну ведущую иллокуцию.

Сочетание нескольких иллокутивных сил в речевом акте обусловлено ментальными признаками концептов: так, комплексная интенция речевого акта извинения соответствует его пропозициональному акту (акту обозначе- ния ситуации, состоящему из актов референции и предикации [Кобозева 2000: 258]) и заложена в семантике имени концепта *apology*. Смысл высказывания Р. Лэнкер понимает как отражение экстралингвистической ситуации, объек- тивное содержание в отличие от других, субъективных элементов предложе- ния (истинность / ложность, модальность и т.д.) [Langaker 1975].

Для типологии высказываний используют классификации предикатов, среди которых предложенная Зено Вендлером классификация по критерию связи глагола, ситуации, времени:

- (1) предикаты состояния (*states*) соответствуют статическим ситуациям;
- (2) предикаты деятельности (*activities*) – динамическим ситуациям;
- (3) предикаты исполнения (*accomplishments*) – динамическим ситуациям, имеющим предел;
- (4) предикаты достижения (*achievements*) – динамическим ситуациям мгно- венного изменения [Vendler 1967].

Согласно такому пониманию, речевые акты, активирующие концепт ИЗВИНЕНИЕ, совпадают с первым (*I am sorry; I am ashamed* etc.) и одно- временно последним типом предикатов (побуждение *Excuse me*). Тем са- мым раскрывается суть прагматической гибридности: в гибридном рече- вом акте извинения сочетаются ведущие иллокуции экспрессива (говоря- щий выражает свое эмоциональное состояние) и реквестива (говорящий одновременно намерен побудить слушающего выполнить действие) [Шев- ченко 2009].

В отличие от событийных концептов, концепты-признаки коммуника- тивного поведения обуславливают вторичные, сопутствующие иллокуции соответствующего речевого акта; например:

- СДЕРЖАННОСТЬ вторична в речевых актах с первичной иллокуци- ей осуждения: *I should say you were a bit rude*;

- СКРОМНОСТЬ вторична в речевых актах с первичной иллокуцией просьбы: *I humbly ask you never to repeat these words to me* и т.п.

Коммуникативные концепты-события

На основании комплекса предложенных критериев можно считать, что *ментальное представление об определенном речевом событии или отдельном акте речи является событийным концептом коммуникативного поведения (концептом-событием)*. Событийный концепт темпорален, он моделируется в виде динамичного фрейма-сценария, репрезентируется словом и актуализируется в виде речевого акта, где задает его первичную иллокутивную силу.

Так, коммуникативное событие МЕСТЬ – это «эмоциональный поведенческий концепт», «ментальное образование, состоящее из эмоционального фона (гнев, ненависть, презрение, раздражение) и активирующихся на этом фоне скриптов, один из которых направляет агрессивную поведенческую реакцию индивида на источник фрустрации, а другой – на замещающий его объект» [Чесноков 2009: 6]. Целью деятельности, предписываемой концептом МЕСТЬ, является преобразование коммуникативного пространства и установление границы, отделяющей свое (безопасное) от чужого (враждебного) пространства. Достижение цели обеспечивается стратегиями устрашения и перверсии (лат. *pervertere* – *губить, портить*), т.е. нанесения угрожающему объекту физического и/или морального вреда. Поведенческий концепт МЕСТЬ во-площается в «виндиктивном» дискурсе, чья структура предопределяется мотивом, целью, стратегиями и складывается из тактик угрозы, злопожелания, изгнания, поругания [там же]. Такой концепт коммуникативного поведения актуализируется как отдельным речевым актом (*проклинание* и т.п.), так и целым речевым событием (например, *ссора*), для которого характерны специфичные ритуалы. Отдельные тактики мести воплощаются соответствующими речевыми актами: менасивами (*Вот я тебе...!, Чтоб ты...!*), директивами (*Вон!*), экспрессивами (высказываниями с бранной лексикой) и т.п.

Концепт МЕСТЬ актуализируется в виде ритуализованных и косвенных виндиктивных высказываний (псевдоутешений, сарказма и т.п.), а также полиинтенциональных высказываний типа «*Мы еще встретимся*», иллокуцию которых невозможно установить вне коммуникативного события. В качестве примера МЕСТИ И.И. Чесноков приводит письмо запорожцев турецкому султану, фактически, являющееся особым жанром (в понимании жанра М. Бахтиным): основная цель письма сводится к унижению султана и демонстрации превосходства над ним, что достигается за счет использования казаками дискурсивных стратегий устрашения своего адреса-

та и проклятья; последняя воплощается в тактиках поругания, в частности, использовании инвектив, и злопожелания [там же].

Событийный концепт коммуникативного поведения, как правило, лежит в основе развертывания определенного речевого акта или события, служит дискурсообразующим (дискурсогенеративным) концептом. Такие концепты ритуализованы и изменяются от культуры к культуре. Рассмотрим несколько примеров. В основе речевого акта / события *благодарность* лежит высоко ритуализированный этический концепт БЛАГОДАРНОСТЬ. Он имеет сходный понятийный и общий этимологический слой в христианских лингвокультурах Европы, но разные образные и ценностные характеристики, способы актуализации в дискурсе. По данным энциклопедии Брокгауза [Библейская энциклопедия], *благодарность, благодарить* – одно из ключевых понятий христианства (*греч.* глагол *эвхаристео* связан с важным библейским понятием *харис*, «милость», «благодать»), а чувство благодарности – это настроение сердца, возникающее из благодарности за конкретные дела. Оно приводит человека еще ближе к Богу и открывает ему дверь к тайнам небесного мира (Пс 49: 23).

Именами концепта БЛАГОДАРНОСТЬ в разных языках служат лексемы, соединяющие семы коммуникативного действия (*дарить / произносить*) и объекта этого действия (*благодать*) с разной степенью выраженности каждой из них: *благодарить (-ность), merci, danke, gracias, thank, hvala, podziękowania, подякувати (подяка)* и их синонимы.

Несовпадение трактовки концепта в разных картинах мира объясняет существование межкультурного когнитивного диссонанса, особенно заметного в бытовом общении. Так, в японской культуре ценностная составляющая концепта БЛАГОДАРНОСТЬ настолько важна и приоритетна, что становится основанием для всей системы морали и нравственности японца [Сосновская 2006], объясняя избыточные с точки зрения европейца внешние проявления вежливости.

Актуализация БЛАГОДАРНОСТИ в дискурсе осуществляется как соответствующими речевыми актами – экспрессивами, перформативами (*Позвольте выразить мою признательность...; Specjalne podziękowania dla...*), так и отдельными тактиками – комплиментом и т.п., а также невербально (*Сделать что-н. в знак благодарности*), напр.: «*[Хозяин] проводил его до саней и на крыльце еще благодарил за оказанную честь*» (А.С. Пушкин, Арап Петра Великого). Важно, что в этикетной ситуации (конвенциональная благодарность) данный концепт определяет ведущую иллокутивную силу соответствующего речевого акта, например, в экспрессиве *Can I possibly thank you enough?* первична благодарность, в то время как иллокуция спрашивания, задаваемая языковой формой высказывания, вторична.

По форме дискурсивной актуализации концепт-событие соответствует как одному речевому событию, так и их последовательности. К первому принадлежат примеры обыденной риторики: концепты ПРОСЬБА, ПРИКАЗ, ПРЕДЛОЖЕНИЕ, УБЕЖДЕНИЕ, УГОВАРИВАНИЕ [Ярмаркина 2001]. Ко вторым, «рассредоточенным» во времени событиям, – событийный концепт типа ПЕРЕГОВОРНЫЙ ПРОЦЕСС (серия встреч и переговоров, объединенных одной проблемой), т.е. иерархия коммуникативных событий с различной степенью структурной сложности [Дубровская 2001].

Коммуникативные концепты-признаки

Ментальные представления о коммуникативном поведении не ограничиваются событийными концептами, которые соответствуют фрейму-сценарию, но включают также и представления о характере действия / состояния, то есть признаковые концепты типа ВЕЖЛИВОСТЬ / POLITENESS, СДЕРЖАННОСТЬ / RESERVE, ТОЛЕРАНТНОСТЬ / TOLERANCE, УКЛОНЧИВОСТЬ / HEDGING, ОПТИМИЗМ / OPTIMISM и др.

Признаковые концепты (концепты-признаки) – это осознанные нормы коммуникативного поведения в обществе, этнокультурные стереотипы, которые характеризуют вербальные, и шире – коммуникативные действия и специфицируют коммуникативную ситуацию в целом; они служат этическими регулятивами и задаются социокультурными доминантами эпохи.

Признаковый концепт атемпорален, он моделируется в виде пропозиционального фрейма либо комплекса лингвокультурных составляющих, репрезентируется словом / предложением и актуализируется в виде речевого акта, где задает его вторичную иллокутивную силу, либо в виде стратегии/тактики дискурса, в том числе стратегии мены коммуникативных ролей.

С точки зрения актуализации в дискурсе концепты-признаки коммуникативного поведения репрезентированы словом (как правило, прилагательным / наречием: *сдержанный* выговор, *уклончиво* извиняться), предложением и микротекстом (в том числе афоризмом, поговорками: *Ничто не дается так дешево и не ценится так дорого, как вежливость*) либо невербально: кинесически (*она стеснительно улыбнулась*), проксемически (*она скромно отодвинулась*).

Концепты-признаки моделируются согласно пропозициональным отношениям в виде слота качества в предметном фрейме НЕЧТО / НЕКТО есть КАКОЕ или слота способа в акциональном фрейме НЕЧТО / НЕКТО действует ТАК. Эти и подобные коммуникативные концепты фиксируют доминантные свойства английского коммуникативного поведения [Стернин

др. 2003: 36–44]: *polite behavior, reserved speech, tolerant manner* etc. Этноспецифичные черты характера англичан уточняет Т.В. Ларина: «сдержанность, уравновешенность, тактичность, изысканная вежливость, изящество манер, внутреннее самоуважение, чувство собственного достоинства, приветливость, предупредительность, замкнутость, отчужденность, терпимость, невмешательство в чужие дела, снобизм» [Ларина 2009: 124], где каждая характеристика представляет собой признаковый концепт (ср. описание остроумного поведения в английском и русском языках в терминах концептов ОСТРОУМИЕ / WIT в: [Григоренко 2006]).

При схемном представлении действия в виде фрейма-сценария, где слоты – это стадии осуществления действия, признаковые концепты характеризуют весь фрейм в целом (ср. профилирование процессов и атемпоральных отношений у Р. Лэнекера).

Если событийный концепт коммуникативного поведения служит дискурсообразующим для речевого события, то признаковый концепт характеризует это событие. В речевом акте признаковые концепты коммуникативного поведения, в отличие от событийных, определяют его сопутствующую иллокутивную силу. Например, в акте порицания (речевой акт экспрессив) доминирующей интенции упрека может сопутствовать ТОЛЕРАНТНОСТЬ, ИРОНИЯ и т.п., а в деловом письме (акт перформатив или по Д. Вундерлиху – сатисфактив) концептуальный признак СДЕРЖАННОСТЬ сопутствует выражению благодарности фирмы своему постоянному клиенту:

Dear Mr. Garner:

We appreciate that you sent your neighbor, Mr. Parker, to YARDMAN for our landscaping services. Thanks for being our loyal customer!

Наиболее яркая отличительная черта признаковых концептов коммуникативного поведения том, что они актуализируются не только словом или предложением, но и речевыми стратегиями / тактиками, как правило, обусловленными принципом вежливости: концепт ОПТИМИЗМ – стратегией сближения и тактикой выражения оптимизма (be optimistic), концепт СКРОМНОСТЬ – различными тактиками дистанцирования:

She replied, with a mixture of modest evasiveness and adorable simplicity

(W. Collins. A Rogue's Life).

Актуализация концепта в виде стратегий / тактик дискурса обусловлена тем, что когнитивные признаки поведенческого концепта связаны с одной из наиболее общих характеристик коммуникативного поведения – этической, которая дает представление о степени соответствия / несоответствия коммуникативного поведения нормам морали, в частности, речевого и неречевого этикета. Система этикета включает «обязательные для выполнения стереотипные правила поведения, в частности, речевого», это «сис-

тема разрешений и запретов, организующих моральные нормы в целом» [Формановская 1989: 44–48]. Она выполняет функцию вежливости, что позволяет трактовать концепт коммуникативного поведения как «презентационный концепт – особый класс регулятивных лингвокультурных концептов, конститутивными признаками которого являются этические нормы демонстрации себя окружающим, состоящие в балансе между сохранением собственного лица и лица окружающих» [Мушаева 2008].

Этическая доминанта в концепте коммуникативного поведения предполагает его осознанность, обязательность для всех членов лингвокультурной общности, стереотипность (по В.В. Красных, стереотипы поведения – фрагменты концептуальной картины мира, «штампы сознания», хранящие и «определенным образом предопределяющие стереотип поведения» [Красных 2003: 233]). Так, стратегии вежливости базируются на поведенческом концепте ВЕЖЛИВОСТЬ / POLITENESS; будучи средствами актуализации норм этикета, они стереотипны и обязательны. По нашим данным, в XVIII – XX веках концепты коммуникативного поведения, касающиеся норм английского этикета – СДЕРЖАННОСТЬ / RESERVE, ТОЛЕРАНТНОСТЬ / TOLERANCE, УКЛОНЧИВОСТЬ / HEDGING, КОММУНИКАТИВНЫЙ ОПТИМИЗМ / OPTIMISM и др., актуализируются, в основном, стратегиями дистанцирования, которые доминируют в британском этосе [Шевченко 1998], чаще всего в форме тактики «Избегай вмешательства (question, hedge)» (в классификации П. Браун и С. Левинсона [Brown, Levinson 1987]). Соответственно, вежливое предложение выпить оформляется как косвенный речевой акт (имеет форму вопроса):

I'm Prendergast, said the newcomer. Have some port?

Thank you, I'd love to. (E. Waugh)

Преращение ценностной доминанты вежливости в культурно обусловленный исторически изменчивый стереотип сознания, модель осознанного коммуникативного поведения обусловлено частотностью ситуаций, требующих соблюдения норм вежливости в этикетно нормативном общении.

Стратегии и тактики актуализации концептов коммуникативного поведения не ограничиваются тактиками вежливости, но включают и тактики мены коммуникативных ролей. Примером служит перебранка разведенных супругов (дискурсообразующий концепт ССОРА), где концептуальный признак ГРУБОСТЬ реализует тактика грубого побуждения (921, 924), маркированная молчанием для удержания очередности говорения (920, 922), бранной лексикой (*goddam*) и усилительной частицей (*just*):

JOANNA 917: *Ted, I have had time to think.*

918: *I have been through some changes.*

919: *I have learned a lot about myself.*

TED 920: @ резко @ Such as?
@ Молчание @
921: *Come on, Joanna, what did you learn?* @ намеренно скуча-
юще@
922: *I would really like to know.*
@ Молчание @
923: *One thing, okay?*
924: *Just tell me one goddam thing you have learned.*
(«Kramer vs. Kramer»)

Мена ролей как стратегия / тактика реализации коммуникативного поведения не характерна для актуализации концептов-событий и служит отличительным свойством воплощения признаковых концептов коммуникативного поведения в дискурсе.

Диахронический подход в когнитивной семантике и прагмалингвистике: исторические трансформации концептов*

Изменчивость – неотъемлемое свойство материального и духовного мира, которое проявляется в вариативности по различным параметрам в плане синхронии и в диахронии. В коммуникации – социально обусловленном процессе конструирования смыслов – изменчивость соответствует семантической в широком смысле слова эволюции, которую А.А. Потебня [1989] связывал с эволюцией типов мышления.

Диахронический анализ в когнитивной лингвистике восходит к основным принципам историзма по Герману Паулю: развитие – результат различия узуальных, деконтекстуализированных значений иokkaзиональных, контекстуальных смыслов, появляющихся в дискурсе [1960]. Эти принципы лежат в основе новейших исследований в области исторической когнитивистики (точнее, концептологии) в Украине, как и в работах по когнитивной семантике («диахроническая прототипическая семантика») в Бельгии [Geeraerts 1997; 2010].

В рамках исследовательского проекта «Эволюция концептов в английской языковой картине мира» в Харьковском национальном университете имени В.Н. Каразина в докторских и кандидатских диссертациях обнаружены и описаны исторические трансформации концептов разных типов: т.н. когнитивных (концепты БОГ / GOD [Полина 2004]), ДОБРО / GOOD

* Использованы материалы, опубликованные в: Шевченко И.С. Эволюционные механизмы когнитивной семантики // Когнитивия, коммуникация, дискурс : междунар. электрон. сб. науч. ст. – Харьков : ХНУ имени В.Н. Каразина. – 2017. – № 13. – С. 131–141. – Режим доступа : <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/>

[Змиёва 2006]), лингвокультурных (ГРЕХ / SIN [Ваховская 2013], ИЗВИНЕНИЕ / APOLOGY [Буренко 2008], СКРОМНОСТЬ / MODESTY [Турченко 2014], ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС / ECONOMIC CRISIS [Олейник 2015]), эволюция концепта ВРЕМЯ / TIME (Бондаренко [2012]).

Изучение исторической изменчивости концептов акцентирует социокультурные свойства коммуникации как деятельностной системы, сложно организованной и диалектически противоречивой. Такой подход позволяет, не выходя за рамки речевой сферы, продуктивно интерпретировать данные речевой системы в двух основных аспектах функционирования и организации речи: в качестве относительно самостоятельной системы и в качестве элемента многих систем, входящих в целостное явление речевой коммуникации, рассматривать полученные данные в комплексе. Поскольку язык формирует мысль, историю языка можно трактовать как изменение значений – следствие изменения отношений человека и мира [Потебня 1989: 155]. Тем самым, речевые процессы трактуются максимально «экологично» широко, как связанные не только с системой языка, но и с картиной мира народа, с системой социального взаимодействия в целом (комплекс «язык – когниция – семантика – прагматика»).

Универсальная философская трактовка развития позволяет рассматривать его как **ЭВОЛЮЦИЮ** – «необратимый процесс исторического изменения неживого и живого» [Ильин 2005: 52]. При этом все проявления эволюции постулируются через призму человека и связаны с развитием общества и культуры [там же: 54].

Важнейшее условие эволюции – сохранение накапливающихся изменений. Эту функцию в лингвокультурном сообществе осуществляют тексты / дискурсы, которые фиксируют изменения картины мира на определенных исторических этапах. В сущности, сами этапы скорее условны, так как развитие – постоянный процесс, длительность, динамика в противовес статике. В широком смысле эволюция присуща и типам мышления. По мнению теоретика эволюции Анри Бергсона, эволюция внутренне связана с разумом, поскольку разум – продукт эволюции, а эволюция – это непрерывно возобновляющееся творчество [Bergson 2007].

Важнейшее свойство эволюции – непрерывность. Историческое развитие протекает по законам диалектики, в частности, отрицания отрицания. Но при этом современные эволюционные учения исходят из наличия не только закономерных, но и случайных факторов в развитии саморазвивающихся систем [Ильин 2005: 58].

Эколингвистика использует достижения естественных наук в трактовке механизмов эволюции, среди которых для развития коммуникации, как показывает наш анализ, релевантны кладогенез и анагенез.

■ **Кладогенез** – это механизм эволюции, основанный на дивергенции. Дивергенция (расхождение) происходит в результате изменения направления отбора в разных условиях. В ходе дивергенции имеет место независимое образование различных признаков [Афонин 2016].

В процессе эволюции процесс дивергенции становится необратимым: различия между видами и таксонами высших рангов все более углубляются. При этом сохраняется общность признаков, что свидетельствует о происхождении таксонов от общего предка.

■ **Анагенез** – это эволюция, основанная на постепенном превращении одной группы в другую. Такая эволюция предполагает плавное изменение путем постепенного накопления признаков. Этот принцип плавной, постепенной эволюции, развитие без разветвления, называют принципом градуализма [Афонин 2016].

Для развития характерно совмещение противоположенных процессов. Вместе с расширением (лат. *evolution* – *развертывание*) лингвисты говорят и о «свертывании» – **инволюции**, когда понятие утрачивает часть своих когнитивных признаков в процессе исторического изменения. Ср.: по определению В.И. Карасика [2007: 179], «динамика смысла в интервале между исходным и развивающимся содержанием концепта проявляется как эволюция и инволюция концепта, т.е. смысловое расширение и сжатие». В философской трактовке это соответствует представлению об усложнении либо упрощении системы в ходе эволюции, когда результатом самоорганизации неравновесных систем является их прогрессивное либо регрессивное изменение.

Эволюция / инволюция концепта проявляется в изменении его различных параметров: номинативной плотности, оценочного знака, образной характеристики и т.п., причем она несколько отличается по своим параметрам и направлениям для концептов разных типов.

Лексически представленные концепты принято разделять на когнитивные и лингвокультурные. Первый тип – это «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга <...> всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [КСКТ: 90] (например, НЕЧТО, ПРИЧИНА и т.п.).

Второй – лингвокультурный концепт – является концентратом культуры, это «сгусток культуры в сознании человека» [Степанов 1997: 40]; это многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная составляющие [Карасик 2007: 5] (например, концепты этики и религии типа БОГ, ДОБРО, ГРЕХ, СКРОМНОСТЬ и др.). В их анализе используют как общие, так и различные параметры: когнитивный концепт, как правило, структурируют в виде концептуальной сети значений [Жаботинская 2013] или матрицы доменов [Бондаренко 2014],

а в лингвокультурном концепте описывают его понятийный, образный, ценностный компоненты [Карасик 2007; Слышкин 2004], причем выбор схемного представления зависит от поставленных эвристических целей. Для концептов всех типов выявляют их метафорические и метонимические корреляты.

С учетом различия в типах лексически представленных концептов, чтобы выявить их исторические трансформации и определить эволюционные механизмы в рамках нашего проекта «Эволюция концептов в английской языковой картине мира» выработан алгоритм анализа [Ваховская 2013; Олейник 2015; Турченко 2014 и др.], который включает семь последовательных этапов:

- (1) выявление доконцептуальных (архетипичных) признаков и установление понятийной основы концепта;
- (2) выяснение его категориальных характеристик;
- (3) определение имени концепта и структуры семантического пространства лексем-номинаций;
- (4) моделирование когнитивной структуры концепта в отдельные исторические периоды;
- (5) определение образных и ценностных характеристик концепта по данным метафор и метонимий;
- (6) в концептах коммуникативного поведения выявление механизмов дискурсивной актуализации в речевых актах (для концептов-событий) либо в стратегиях и тактиках вежливости (для концептов-признаков);
- (7) путем сравнения полученных данных для каждого из исторических периодов определение ведущих векторов развития как эволюционного / инволюционного типов трансформаций концепта.

Рассмотрим различные направления исторического развития на примерах трансформаций концептов различных типов.

Кладогенез. Эволюционные механизмы развития как «расширения» по типу кладогенеза прослеживаются в исторических трансформациях концепта ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС / ECONOMIC CRISIS. Семантические свойства имени концепта наделяют его ингерентной негативной оценочностью, что обуславливает единство понятийно-ценностной составляющей этого лингвокультурного концепта. По данным Н.А. Олейник [2015], моделирование когнитивной структуры концепта ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС / ECONOMIC CRISIS, лексически представленного в англоязычном экономическом дискурсе СМИ 1930-х и 2000-х годов (то есть двух периодов глобальных кризисов экономики – Великой депрессии 1930-х и современного кризиса 2010-х годов) и их сопоставление в аспекте микродиахронии показывает, что трансформация понятийно-ценностной состав-

ляющей заключается в варьировании когнитивных признаков концепта: количество и частотность значений в пределах схемы со временем возрастает вследствие акцентирования (проминантности) различных признаков концепта в разные исторические периоды.

В когнитивной структуре концепта ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС / ECONOMIC CRISIS исторически стабильными остаются три слота – УПАДОК, НЕСТАБИЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ, ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ, однако их расширения изменяются: в слоте НЕСТАБИЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ в XXI веке появляется новое расширение БЕСПОРЯДОК, а в слоте ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ – расширения ПРОИСШЕСТВИЕ, ЗНАЧИМОЕ СОБЫТИЕ. Как проявление диахронического варьирования когнитивной структуры концепта растет частотность отдельных лексем – номинаций слотов и расширений (рис. 10) [Олейник 2015].

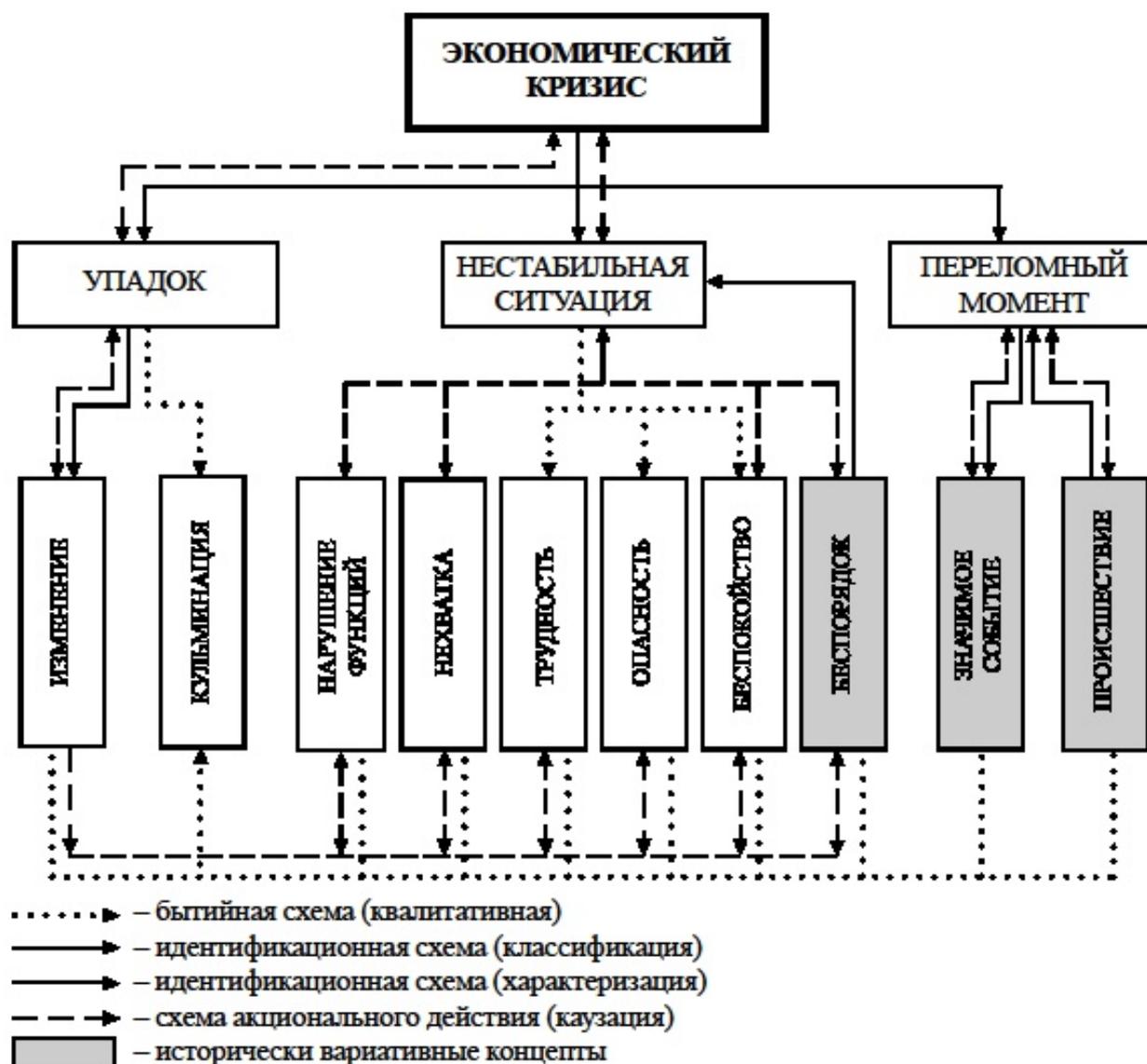

Рис. 10. Историческое варьирование когнитивной структуры ECONOMIC CRISIS по типу кладогенеза

Диахронический подход к метафорам «важен не только для выяснения их ономаσιологической или семасиологической мотивации; он также затрагивает основу изучения когнитивной метафоры – эмпирическую природу метафор» [Geerarts 2010: 249]. Базовая когнитивная метафора двух исторических периодов – модель ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС / ECONOMIC CRISIS *есть* ДВИЖЕНИЕ ВНИЗ. Диапазон метафор концепта ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС / ECONOMIC CRISIS включает коррелятивные домены – исторические константы: ОБЪЕКТ В ПРОСТРАНСТВЕ, ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СИТУАЦИЯ, МЕДИЦИНА, ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ и др., а диахроническое варьирование проявляется в снижении метафорического потенциала домена ОБЪЕКТ В ПРОСТРАНСТВЕ (в частности, его субдомена ДВИЖЕНИЕ) и росте потенциала субдомена ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СИТУАЦИЯ ТЕХНОГЕННОГО ХАРАКТЕРА [Олійник 2015], что объясняется развитием эмпирической базы метафоризации, вызванной техническим прогрессом и т.п.

Обнаруженный вектор развития концепта ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС / ECONOMIC CRISIS демонстрирует стабильность структуры его понятийно-ценностной составляющей и увеличение степени метафоризации концепта (расширение диапазона и численности коррелятов метафорических и метонимических моделей) в современном дискурсе. Такой вектор изменений соответствует *кладогенезу* – дивергенции отдельных когнитивных признаков, образовании новых отличных признаков по мере исторического развития.

Анагенез. Другая разновидность эволюционного механизма – **анагенез** – выявлена Е.В. Бондаренко [2012; 2014] в трансформациях концепта ВРЕМЯ / TIME, актуализированного в британском философском (научном) и поэтическом дискурсе VII–XXI веков. В качестве инструмента исследования избрана онтологическая матрица, модель когнитивной опоры концепта (domain matrix) [Langacker 1987: 152], которая представляет собой комплекс доменов, объединенных пропозициональными связями [Бондаренко 2014: 35–36]. В матрицу входят домены: РАЗНОВИДНОСТИ ВРЕМЕНИ; НАЧАЛО / КОНЕЦ ВРЕМЕНИ; МЕСТО СУЩЕСТВОВАНИЯ ВРЕМЕНИ; АНТИТЕЗА ВРЕМЕНИ; КАЧЕСТВА ВРЕМЕНИ; ТО, НА ЧТО ДЕЙСТВУЕТ ВРЕМЯ; РЕЗУЛЬТАТ ДЕЙСТВИЯ ВРЕМЕНИ; ПРИЧИНА СУЩЕСТВОВАНИЯ ВРЕМЕНИ; МЕРА / ЧАСТЬ ВРЕМЕНИ и МЕТАФОРИЧЕСКИЙ КОРРЕЛЯТ.

Важным для понимания времени в рамках исследования Е.В. Бондаренко является его дуальность, т.е. возможность его трактования, с одной стороны, как системы, условно принятой человеком [Evans 2009], и с другой, – как способа существования любой физической системы [Аксенов 1996]. Первый тип соответствует принципам построения антропоцентричной (вне-

научной) картины мира, второй – неантропоцентричной (научной). Исследовательница считает, что средой дискурсивной реализации первой можно считать художественный (поэтический дискурс, а второй – научный или философский. При этом компоненты матрицы доменов концепта ВРЕМЯ демонстрируют вариативность в принадлежности вненаучной или научной картинам мира в зависимости от типа дискурса и эпохи его создания. Принадлежность домена научной или вненаучной картине мира определяется в соотношении ингерентно научных :: вненаучных концептов, которые этот домен профилирует [Croft 2004: 24], так например, концепт БОГ, профилируясь в домене НАЧАЛО / КОНЕЦ ВРЕМЕНИ, делает последний компонентом вненаучной картины мира, а концепт БОЛЬШОЙ ВЗРЫВ – компонентом научной.

Матрица доменов, таким образом, позволила смоделировать типичные для носителя языка определенной эпохи свойства времени и представить их в виде когнитивных структур, которые в разные эпохи демонстрируют различное соотношение компонентов научной и вненаучной картин мира [Бондаренко 2014]. Эта тенденция в сочетании с одновременным накоплением признаков предполагает аналогию с подобным процессом в биологии, откуда и заимствован термин (анагенез). Продуктом анагенеза признана модель времени, реализованная в дискурсе определенного исторического периода в виде матрицы доменов, которая имеет два свойства: 1) наличие ряда концептов, которые переходят из одного домена в другой, меняя полярность (научность на вненаучность, и наоборот) и 2) максимальное накопление концептов-наполнителей доменов за всю историю развития модели [Бондаренко 2014: 160].

Так, например, матрица доменов, реализованная в современном английском философском дискурсе, может рассматриваться как продукт анагенеза британской научной модели времени. Первое свойство этой модели как продукта анагенеза проявляется в том, что концепты, которые заполняли домен КОРРЕЛЯТ ВРЕМЕНИ в научных моделях времени предыдущих эпох, частично присутствуют в современной. На вербальном уровне из своеобразных образов они трансформировались в научные термины или понятия. Так, концепты ПОТОК, ИЗМЕНЕНИЕ (характерные для древних моделей), ПРОТЕКАНИЕ ПРОЦЕССА (в модели средневековья), ПРОЦЕСС (в модели времени британских эмпириков) на современном этапе трансформировались в единый концепт ПРОЦЕСС. А концепты ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ИДЕЙ (в модели времени британских эмпириков) и ИЗМЕНЕНИЕ (в метафизической модели XIX – нач. XX ст.), трансформировались в концепт СООТНОШЕНИЕ СОБЫТИЙ (ПОТОК) [Бондаренко 2012; 2014].

Другой отличительной чертой современной философской модели времени является ее универсальность или накопление признаков: в ней представлены практически все существенные свойства времени. Это, в первую очередь, касается доменов КАЧЕСТВА ВРЕМЕНИ, ПРИЧИНА СУЩЕСТВОВАНИЯ ВРЕМЕНИ и ТО, НА ЧТО ДЕЙСТВУЕТ / ВЛИЯЕТ ВРЕМЯ.

Домен КАЧЕСТВА ВРЕМЕНИ в модели времени в мифо-эпическом и философском дискурсах заполнялся в древние времена концептом ЦИКЛИЧНОСТЬ, в средневековье была признана ЛИНЕЙНОСТЬ (эсхатологичность) времени, что привело к признанию дуальности времени по этому параметру. СУБСТАНТИВНОСТЬ (РЕЛЯТИВНОСТЬ) времени в мифо-эпических и философских моделях времени противопоставлялась УНИВЕРСАЛЬНОСТИ, которая в современной модели времени также приводит к выводу о дуальности времени. То же касается и свойства СУБЪЕКТИВНОСТИ, которое прослеживается практически во всех рассмотренных моделях времени и в конечном итоге противопоставляется ОБЪЕКТИВНОСТИ. Домен ПРИЧИНА СУЩЕСТВОВАНИЯ ВРЕМЕНИ исторически не изменился: в него входят концепты ЧЕЛОВЕК, его МЫШЛЕНИЕ или его БЫТИЕ [Бондаренко 2012; 2014].

Развитие по типу анагенеза демонстрирует не только метод сравнения матриц доменов для различных исторических периодов, но и моделирование изменений когнитивного пространства. Так, по данным О.В. Ваховской, когнитивное пространство концепта ГРЕХ / SIN, структурированное на основе разноуровневых номинаций концепта (его имени, синонимов, фразеологических, текстовых, косвенных номинаций), дает схемное представление о том, как этот концепт укоренен в сознании. Представление о ГРЕХЕ соответствует двум областям опыта: с одной стороны, это домен РЕЛИГИОЗНОЕ (концепт БЕЗБОЖИЕ и др.), с другой – домен СВЕТСКОЕ (АМОРАЛЬНОСТЬ, ПРЕСТУПЛЕНИЕ и иные концепты, связанные отношением спецификации и каузации) [Ваховська 2013].

Будучи лингвокультурным этическим концептом, ГРЕХ / SIN базируется на представлении о моральных ценностях определенной эпохи, которые определяют сущность этики и обуславливают внутреннюю неразрывность понятийно-ценностного и образно-ценностного компонентов в структуре таких концептов. В частности, в понятийно-ценностной составляющей концепта ГРЕХ / SIN исторически стабильна связь с концептами БОГ и ЧЕЛОВЕК, гендерная маркированность. Семантическое пространство номинаций ГРЕХ/ SIN организовано лексико-семантическим полем «Sin» в составе двух микрополей «Ungodliness» и «Wrong», чьи компоненты профилируются в домнах РЕЛИГИОЗНОЕ и СВЕТСКОЕ. Каждый домен – это упорядоченная сеть концептов, соответствующих двум областям опыта ГРЕХА.

Набор концептов внутри доменов, частотность самих доменов исторически варьируются (рис. 11), при этом происходит плавное «перетекание» признаков одной группы в другую, характерное для анагенеза.

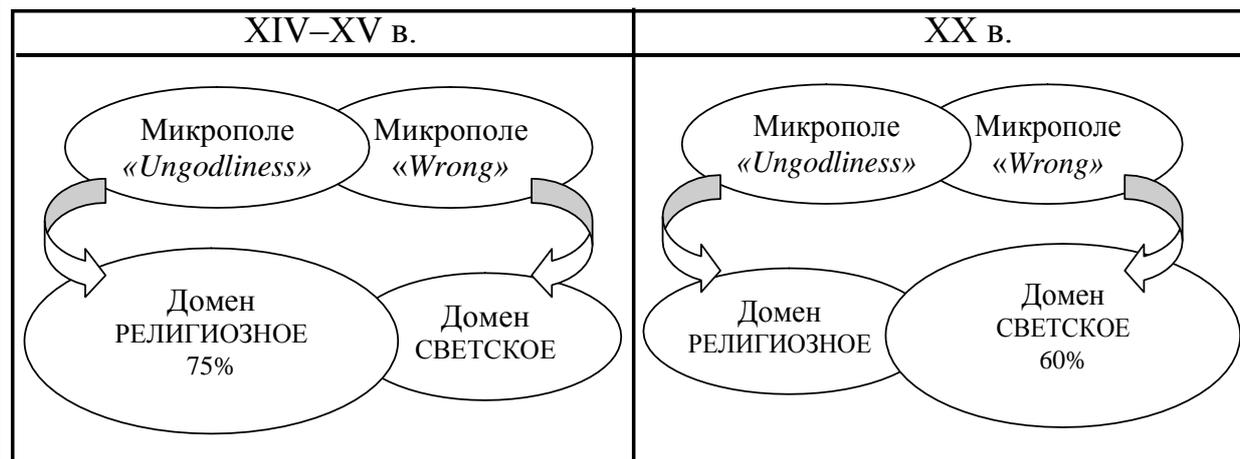

Рис. 11. Историческое варьирование семантического пространства ГРЕХ / SIN по типу анагенеза

Исторически изменчивыми оказываются идеи всеобщности ГРЕХА, его связи с классом и расой; но наибольшие изменения претерпевает степень негативной оценки ГРЕХ / SIN, которая изменяется с негативной (библейской) оценки на нейтральную («*sins are so unromantically easy!*» (R.L. Stevenson)) и даже положительную («*the beauty of their sin*» (O. Wilde)) [Ваховская, Шевченко 2013]. В целом это свидетельствует о постепенном накоплении изменений когнитивных признаков вплоть до их превращения в противоположность, то есть о развитии по типу анагенеза.

Инволюция концепта или упрощение его схемного представления в ходе развития прослеживается в регрессивном изменении концептуальной сети концепта БОГ / GOD в англоязычном светском дискурсе XIV–XXI веков. По данным А.В. Полиной [2004], концептуальная сеть прототипичных значений БОГ / GOD в религиозной картине мира служит основой для его исторического варьирования в светском дискурсе разных эпох. Сеть (по С.А. Жаботинской [2013]) состоит из пяти базовых фреймов: предметного, включающего слоты количества, качества, способа бытия, места и времени; акционального – [БОГ (агенса) действует на КТО (пациенс)], [БОГ (агенса) действует для НЕЧТО (цель)], [БОГ (агенса) действует с НЕЧТО (инструмент)], [БОГ (агенса) действует для КТО (бенефициант)], [БОГ (каузатор) творит КТО / ЧТО (результат)]; идентификационного – слот роль; possessивного – слот обладатель; компаративного – [БОГ (референт) является как бы КТО / ЧТО (коррелят)].

В ходе исторических трансформаций в концептуальной сети концепта меняется наполнение отдельных слотов в светском дискурсе вплоть до смыс-

лов, противоположных библейскому (в том числе негативно оценочных). Начиная с XVII века отдельные слоты концептуальной сети полностью исчезают (на рис. 12 они затемнены), в результате в XXI веке в концептуальной сети БОГ / GOD остаются преимущественно предметный и компаративный фреймы, то есть имеет место существенное сужение концептуальной сети, сопровождаемое искажением прототипических значений-наполнителей слотов (рис. 12) [там же].

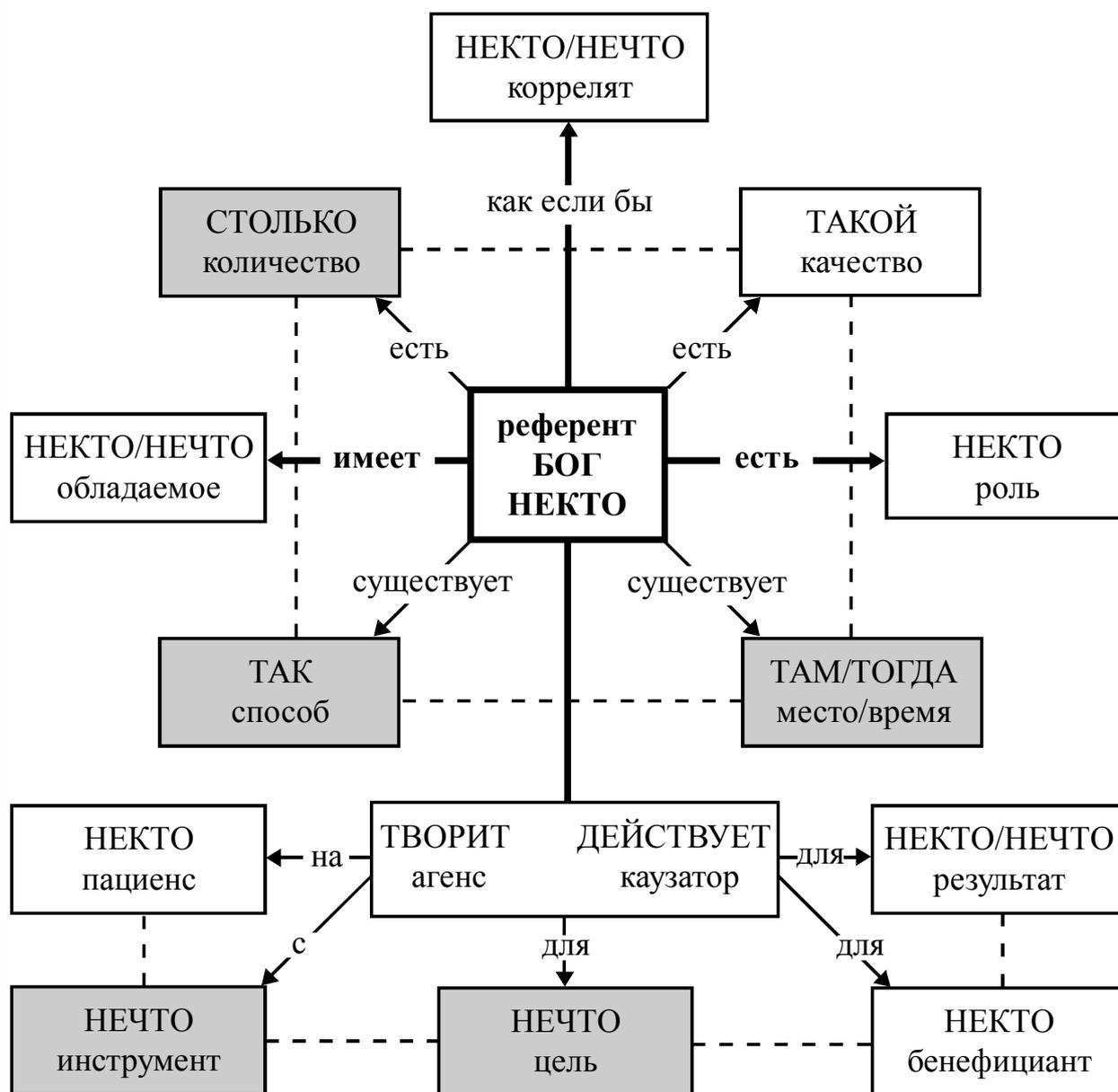

Рис. 12. Историческое варьирование – инволюция концепта БОГ / GOD (цветом выделены слоты, исчезнувшие к XX веку)

В целом, совокупность прототипических признаков концепта БОГ / GOD в светском дискурсе XIV–XV и XVI–XVII вв. относительно стабильна и сохраняет черты библейского прототипа, но проявляет наибольшее варьирование в XVIII и XX вв., что соответствует культурно-исторической динамике общества. В частности, диахронически стабильными остаются:

- качества *loving, good, perfect*; роли *Lord, Father, Judge, Creator, Helper, Witness, Defender* и др.;

- компаративный фрейм – коррелят метафоры.

Диахронически вариативны качества: *high, reliable, great, omnipresent* и др., роли *Redeemer, King, Leader, Lamb, Man* [Полина 2004].

По степени диахронического варьирования свойства концепта БОГ в светском дискурсе эпох Средневековья, Возрождения, Просвещения, Нового и Новейшего времени образуют области стабильности, колебаний, нестабильности, что в итоге приводит к сужению объема концепта, то есть его инволюции.

Наконец, развитие **смешанного типа**, изменение вектора в XIV–XXI веках с эволюционного на инволюционный, отмечается в таком концепте коммуникативного поведения как СКРОМНОСТЬ / MODESTY. В.А. Турченко [2014] определяет его как регулятивный признаковый концепт коммуникативного поведения, модель, отраженную в сознании индивида в соответствии с закрепленными в стереотипах этики нормами морали лингвокультурного социума. Этот концепт вербализуется лексически и актуализируется в дискурсе преимущественно стратегиями вежливости дистанцирования. Семантическое пространство его номинаций (имя концепта – прилагательное *modest* и его синонимы) варьируется с развитием общества, культуры, языка: в дискурсе XIV–XIX вв. происходит расширение объема импликационала и его сужение в XX–XXI веках [там же].

Фреймовая структура концепта СКРОМНОСТЬ / MODESTY определяется двумя слотами НЕКИЧЛИВЫЙ и ДОБРОПОРЯДОЧНЫЙ – диахроническими постоянными, соответствующими микрополям «Humble» и «Decent», но их расширения, связанные схемами спецификации и каузации, диахронически изменяются. На рис. 13 представлена модель концепта СКРОМНОСТЬ / MODESTY в дискурсе викторианского периода, когда в его двух слотах DECENT и HUMBLE наблюдается максимальная численность разветвлений (12 и 5 соответственно) (рис. 13):

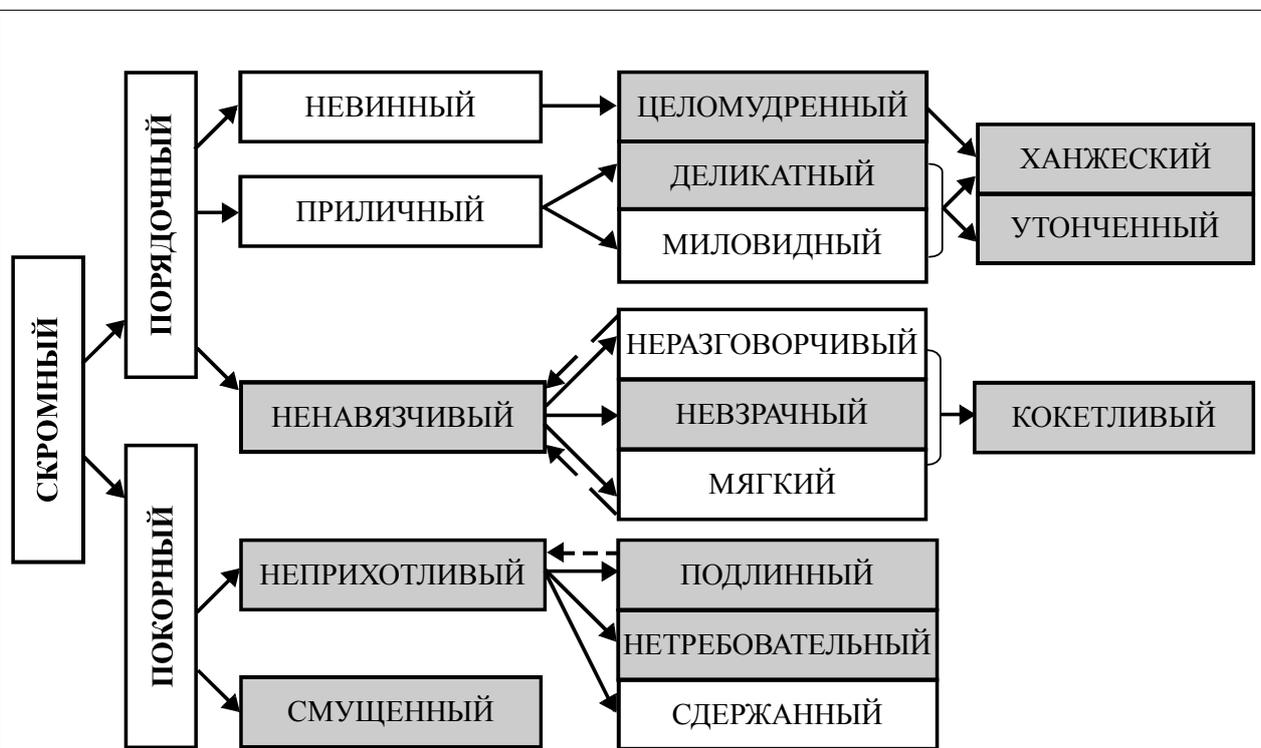

Рис. 13. Когнитивная структура концепта
СКРОМНОСТЬ / MODESTY в XIX в.

(знак → схема спецификации; - - → стимулирования; - - - → каузации; цветом выделены слоты, отсутствующие в иные исторические периоды)

Историческое варьирование проявляется и качественно, и количественно. Изначально позитивно оценочный концепт СКРОМНОСТЬ в XVIII в. переосмысливается как антиконцепты ХАНЖЕСКИЙ, КОКЕТЛИВЫЙ, в XIX в. – как УТОНЧЕННЫЙ, а в наше время он способен полностью негативно переосмысливаться [Турченко 2014]. Численность и разветвленность расширений существенно изменяется: возрастает от средневековья до викторианского периода и снижается после XIX века (15 – 17 – 10 расширений соответственно) (табл. 5):

Таблица 5

Эволюция смешанного типа концепта СКРОМНОСТЬ / MODESTY

Периоды	XVI–XVIII	XIX	XX–XXI
Слоты	Расширения		
ПОРЯДОЧНЫЙ / DECENT	10	12	8
ПОКОРНЫЙ / HUMBLE	5	5	2

Степень метафоризации концепта СКРОМНОСТЬ/ MODESTY и способы его метонимической концептуализации членами микрополя «Moderate» также исторически трансформируются. Диахронические константы коррелятивных доменов – источников перекрестного картирования на референт СКРОМНОСТЬ / MODESTY – это ЧЕЛОВЕК, КОНТЕЙНЕР и др.,

а переменные – корреляты ВОЙНА, СМЕРТЬ, ЖИВОТНОЕ. Исторически постоянным референтным доменом в спектре метафор, на которые картируется коррелят СКРОМНОСТЬ, остается домен ЧЕЛОВЕК, а переменными служат ЖИЛЬЕ, ЕДА / НАПИТКИ, АРТЕФАКТ [там же].

Признаковый концепт коммуникативного поведения СКРОМНОСТЬ / MODESTY актуализируется в дискурсе стратегиями вежливости. Исторически постоянно доминируют стратегии дистанцирования (тактики «избегай вмешательства», «уважай желания слушателя»). Напротив, частотность тактик сближения растет в XIV–XVIII веках и снижается в XIX–XXI [там же].

В целом, по данным В.А. Турченко [2014], в эволюции концепта СКРОМНОСТЬ / MODESTY наблюдается два вектора: «расширение» с «пиком» в викторианскую эпоху и последующее «сужение». В дискурсе XIV–XIX веков концепт постепенно приобретает наиболее разветвленную структуру и наивысшую номинативную плотность, а в XX–XXI вв. этот вектор изменяется в направлении уменьшения числа расширений в структуре концепта, снижения числа доменов, в которых профилируются признаки СКРОМНОСТИ, то есть эволюция концепта сменяется его инволюцией в английской языковой картине мира [там же], причем эволюция протекает в форме кладогенеза – расширения по типу ветвления, экстенсии, а инволюция – в форме компрессии, сжатия.

Таким образом, основными проявлениями исторического варьирования лексически представленных лингвокультурных концептов служат:

- для кладогенеза – расширение объема импликационала; усложнение и ветвление концептуальной сети / структуры его понятийно-ценностной составляющей; дивергенции отдельных когнитивных признаков и увеличение степени метафоризации концепта (расширение диапазона и численности коррелятов метафорических и метонимических моделей) в современном дискурсе по сравнению с более ранними периодами;
- для анагенеза – стабильность структуры понятийно-ценностной составляющей; варьирование в пределах концептуальной сети; изменение ценностной составляющей вплоть до противоположной;
- для инволюции – сужение объема импликационала; свертывание концептуальной сети; переоценка прототипических значений.

Выводы

В соответствии с принципами когнитивно-коммуникативной научной парадигмы и максимально широким пониманием языковой коммуникации как единства когнитивного, семантического, прагматического начал, дискурс трактуется как интегральный феномен, мыслекоммуникативная деятельность, которая протекает в широком социокультурном контексте и пред-

ставляет собой совокупность процесса и результата конструирования смыслов. Система категорий дискурса включает когнитивные, коммуникативные и метадискурсивные (операционально-организующие) категории, объединенные гиперкатегорией интердискурсивности.

В основе развертывания дискурса лежат определенные дискурсообразующие концепты разных типов – когнитивные и лингвокультурные. Среди последних выделяются концепты коммуникативного поведения, событийные и признаковые, соответствующие ономаσιологическим категориям языка. Событийные концепты коммуникативного поведения (концепты-события) – это ментальные представления об определенном речевом событии или отдельном акте речи. Признаковые концепты (концепты-признаки) – это осознанные нормы коммуникативного поведения в обществе, этнокультурные стереотипы, которые характеризуют вербальные, и шире – коммуникативные действия и специфицируют коммуникативную ситуацию в целом; они служат этическими регулятивами и задаются социокультурными доминантами эпохи.

В соответствии с принципами когнитивно-коммуникативной научной парадигмы и эколлингвистики, исходящей из неразрывности социального – мыслительного – языкового начал на разных этапах этногенеза, историческая концептология (историческая когнитивная семантика) истолковывает диахроническое варьирование концептов в терминах развития экосистем.

Исторические трансформации концептов соответствуют таким общим направлениям цивилизационных процессов, как эволюция (кладо- и анагенез), инволюция и развитие смешанного типа, которое меняется на протяжении истории с эволюционного (экстензионного) на инволюционный (компрессионный).

Приведенные данные не претендуют на полноту освещения когнитивной основы дискурса или дискурсивных свойств концепта, но показывают, что интегративная когнитивно-дискурсивная методология и ее методы открывают возможности, с одной стороны, исследовать дискурс как процесс / результат конструирования смыслов, объединенных дискурсообразующими концептами; с другой – изучить концепты, категории и когнитивные процессы их актуализации в дискурсе. Такие исследования безусловно заслуживают продолжения, уточнения методик и алгоритмов анализа, углубления системного анализа в синхронии и диахронии на материале английского, украинского и других языков. Когнитивно-дискурсивный подход будет способствовать становлению когнитивной прагматики / когнитивной дискурсологии, диахронической когнитивной семантики / исторической когнитивистики как новых и актуальных направлений лингвистических исследований.

КОНФРОНТАЦИЯ КАК СТРАТЕГИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА

Предпосылки анализа конфронтации как дискурсивной стратегии

Понимание того, что речевая деятельность не представляет собой нечто отдельное, а существует как система речевых действий, являющихся составляющими некой человеческой деятельности – теоретической, духовной, частично практической [Леонтьев 2003: 27], ориентирует лингвистов на признание приоритета *функции* языковых / речевых единиц.

Язык существует и функционирует как система именно для того, чтобы выполнять своё предназначение [Косериу 1963: 156], то есть реализовывать некую функцию (функция определяется как способность языковых форм к выполнению определенного предназначения [Кубрякова 1987: 139]), причем данное предназначение не может быть ограничено достижением речевых целей, поскольку в своей деятельности индивид ставит перед собой цели иного порядка: его теоретическая, духовная и иные практики осуществляются в социуме, соответственно, и поставленные цели являются социальными. Исходя из этого, функцию связывают со способностью индивида стратегически использовать языковые формы таким образом, чтобы это использование можно было бы оценить с точки зрения идеологии либо мировоззрения [Silverstein 1985]. В таком понимании язык выступает «не как инструмент, используемый для коммуникации, а как орудие регуляции, имеющее знаковую основу» [Мартынюк 2004: 12]. Именно регуляция признается основной функцией языка («функция языка – это регулятивная функция» [Рудяков 2004: 85]), поскольку использование языка в любом случае не нейтрально, то есть не лишено регулятив-

ного эффекта [Блакар 1987: 124], оно является способом регуляции [Блумфилд 1968: 41; Поршневу 1974: 403]. Приоритетность регулятивной функции проистекает из свойственного ей синкретизма когнитивной и коммуникативной функций: понятие регуляции, с одной стороны, связывают с нормализацией сознания [Рудяков 2004: 79], а с другой стороны, коммуникативная функция является, по сути, функцией регуляции поведения [Леонтьев 1968: 32].

К разновидностям регулятивной функции принадлежит межличностная, направленная на «социальные и межличностные отношения» [Holmes 1995: 3; Halliday 1973: 41, 143-4] субъектов речевого взаимодействия.

Исследование этой функции необходимо для адекватного лингвистического описания интерперсонального аспекта коммуникации [Якобсон 1975; Holmes 1995: 5; Leech 1983 и др.], поскольку данный аспект не получает такого описания в рамках коммуникативно-прагматического анализа [Leech 1983].

Исходя из природы регулятивной функции и опираясь на мнение о том, что всякое речевое действие направлено на достижение определенной стратегической цели [Блакар 1987: 133; Вессон 2005: 37 и др.], целесообразным представляется исследование межличностной функции с опорой на понятие *дискурсивной стратегии*.

Хотя в настоящее время в лингвистических исследованиях по-прежнему существуют различные толкования термина «дискурс» и подходы к его анализу, в восточноевропейских версиях дискурсологии, уходящих корнями в труды Д. Шиффрин [Schiffirin 1994] и Т.А. ван Дейка [Дейк 1989], имеется ряд общих мест, в частности признается:

- неразрывная связь когнитивных и коммуникативных факторов (органическое соединение актов когниции и актов коммуникации [Кубрякова 1997]), что с необходимостью предполагает их взаимосвязь с культурными и социальными факторами [Красных 2003: 114; Шевченко 2005(б): 116 и др.]; взаимодействие коллективного и индивидуального начал [Приходько 2003: 85] в дискурсе;

- наличие неких ментальных структур – фиксированных форм ментального опыта [Шевченко, Морозова 2003: 37], «базовых» [Карасик 2002; Шейгал 2004] или «опорных» [Дементьев 2006: 7] концептов, которые способны «разворачиваться» и организовывать ментальное пространство [Холодная 2002: 96], а соответственно, и дискурсивную деятельность;

- представленность контекста совокупностью лингвальных и нелингвальных элементов, являющихся дискурсивно релевантными, то есть обладающими способностью влиять на реализацию содержания высказывания [Мартынюк 2004: 15], наличие среди них общеконтекстных и контекстно-

ситуативных факторов, соотносимых со знаниями о мире и о конкретной ситуации общения [Полюжин 2004: 237; Шевченко 1998: 38–39]; представленность вербального плана дискурса целым текстом либо его фрагментом или любым отрывом [Кусько 2004: 92].

Специфика видения дискурса и, соответственно, принципов его анализа в харьковской лингвистической школе обусловлена деятельностным подходом [Архипов 2006; Кравченко 2009; Морозова 2008(б) и др.], с позиций которого языковые знаки не выступают носителями информации, которой обмениваются коммуниканты, а индуцируют идентичные или подобные информационные состояния в сознании субъектов взаимодействия [Матурана 1996: 119]. Язык в свете этого подхода предстает как активная среда формирования объектов сознания, а не как пассивное средство их бытия [Морозова 2008(а): 3], а дискурсивные объекты проявляют зависимость от условий наблюдения [Морозова 2008(а): 11].

Анализ стратегии с опорой на изложенные положения дискурсологии, таким образом, предполагает рассмотрение данного явления не только как коммуникативного явления, а как явления когнитивного, культурно и социально маркированного, в равной степени принадлежащего когнитивно-коммуникативному и эколингвистическому истолкованию

В частности, наше исследование посвящено стратегии конфронтации, направленной на конструирование в дискурсе недружественных отношений. Хотя такое общение и характеризуют как «болезненное» [Ишмуратов 1996: 18], оно достаточно широко представлено, в том числе в коммуникативных практиках англоязычных индивидов.

В данном разделе монографии представлено краткое обобщение лингвистического опыта описания стратегии и авторское понимание стратегии как дискурсивной сущности. Далее предлагается определение конфронтации как одного из понятий, относящихся к предметному полю конфликта, а также описываются основные системообразующие признаки конфронтационного речевого взаимодействия. Затем описаны общеметодологические принципы дискурсологического анализа и конкретный алгоритм, разработанный для исследования стратегии конфронтации в англоязычном дискурсе, а также кратко изложены результаты исследования лингвокогнитивных основ стратегии конфронтации и вербальных характеристик ее реализации в англоязычном дискурсе.

Стратегия как объект лингвистического анализа*

Лингвисты считают стратегию центральным понятием любого прагма-ориентированного исследования [Макаров 2003(а): 193], макроинтенцией участников диалога [Лазуткина 1998: 73]. Отмечается, что стратегия сочетает когнитивный план общения [Сухих 1986: 73] и его речевой план, «сигнализируя стратегические значения в поверхностных структурах» [Иссерс 2003: 129]. Реализация стратегии организует речевое общение: когда коммуникативная цель достигнута, «программа сворачивается, то есть текст завершается» [Москальчук 2003: 29]. Стратегия охватывает не только когнитивный, но и социальный план, она «формируется в соответствии с системой ценностей, убеждений, социальных норм и конвенций, которые формируют диспозицию личности говорящего» [Сухих 1986: 73], предоставляя ресурсы для конструирования в коммуникативных практиках культурных и социальных структур [там же: 36] (см. также [Борзей 2005: 107; Кизер 2005: 10; Силлинс 2005 и др.]).

Для более подробного рассмотрения имеющегося опыта лингвистического анализа стратегий рассмотрим различные аспекты данной проблематики: стратегическое намерение, природу и когнитивные основания стратегии и т.п.

Осмысленность стратегического намерения. Данная проблема, вокруг которой не утихают дискуссии [Винокур 1993; Залевская 2000; Койт 1988; Шостром 1992; Channell 1985; Gumperz 1982; Kellermann 1992; Tannen 1994; Yokoуama 1988 и др.], не является, на наш взгляд, достаточно релевантной для лингвистического анализа, ведь «даже когда коммуниканты сознательно не организуют свои речевые действия в определенную стратегию, высокая степень их социализации обеспечивает стратегичность этих действий и при отсутствии осознанного стратегического намерения» [Вессон 2005: 37]. Это даёт основание утверждать, что осмысленность стратегического намерения выходит за пределы дискурсологического (и в целом лингвистического) анализа: независимо от того, действует ли индивид сознательно, запланировано или подсознательно, автоматически, его речевые действия способны конструировать социально-интеракционные структуры, реализуя, таким образом, стратегические цели.

* Использованы материалы, опубликованные в: Фролова І. Є. Стратегія конфронтації в англomовному дискурсі : [монографія] / І. Є. Фролова. – Харків : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2009. – 344 с.; Фролова І. Є. Регулятивний потенціал стратегії конфронтації в англomовному дискурсі: дис. ... доктора філол. наук : 10.02.04 / Фролова Ірина Євгенівна. – Харків, 2015(а). – 508 с.

Стратегический характер речевых действий. Конкретное речевое действие может и не носить стратегического характера [Иссерс 2003: 103]. Однако справедливо утверждать, что данное положение является правильным лишь частично, в случае, если речь идет о какой-либо конкретной стратегии. Если же рассматривать каждое отдельное речевое действие как минимальный элемент коммуникативного процесса, то стратегичность является его ингерентным свойством: возможность стратегически нейтральной речи оспаривается на основании того, что каждое высказывание свидетельствует о наличии определенного стратегического замысла [Блакар 1987: 123] (ср.: в любом акте речевого общения коммуниканты имеют определенные внеязыковые цели, которые управляют их деятельностью [Иссерс 2003: 21]).

Таким образом, каждое высказывание выступает репрезентантом определенной стратегии или определенных стратегий: аргументация, к примеру, может сочетаться с конфликтностью (см. [Белова 1997]), конфронтация – с аргументацией или эмоциональностью [Кудоярова 2007], то есть одно высказывание способно к реализации стратегических целей, связанных и не связанных с межличностной функцией. Для изучения межличностной функции вполне очевидной является необходимость выделения того стратегического намерения, реализация которого соотносится с установлением / поддержанием отношений определенного типа.

Интерактивная природа стратегии. В большинстве исследований стратегия описывается как характеристика речевого действия, где адресанту отводится активная роль, а адресату – пассивная. В частности, утверждают, что коммуникативная стратегия – это «реализация мысли и интенции говорящего, которая проявляется в тексте» [Винокур 1993: 84]; «способ оперирования информацией с целью изменения поведения объекта речевого воздействия» [Олянич 2004: 318]; стратегии направлены на то, чтобы заставить «другого» действовать в интересах говорящего [Иссерс 2003: 26].

Вместе с тем высказываются мнения, которые, хотя и косвенным образом, характеризуют стратегию как интерактивный феномен: стратегия – это «тип поведения одного из партнеров в ситуации диалогического общения, который обусловлен и соотнесен с планом достижения глобальной и локальных коммуникативных целей в рамках типового сценария функционально-семантической репрезентации интерактивного типа» [Романов 1988: 103]; это «концептуальное мировоззренческое намерение и его действительное осуществление относительно производства содержания коммуникативного пространства, взаимодействия, того или иного места порождения смысла, и тем самым, одного или нескольких дискурсивных измерений» [Олянич 2004: 317].

Именно порождение смысла следует рассматривать как интерактивный процесс, предполагающий интерпретацию, которая представляет собой операции «над знаниями партнёра» [Иссерс 2003: 103], то есть мыслительные операции. Понимание стратегии как интерактивного феномена, следовательно, не только соответствует принципам анализа дискурса как интерактивного феномена, но и указывает на необходимость выяснения сути когнитивного плана стратегии.

Когнитивные основания стратегии. Точки зрения на этот аспект стратегии можно условно разделить на две группы. К первой относятся позиции, характеризующие когнитивное основание стратегии как намерение говорящего, формирующееся под влиянием ситуативных факторов и определяющее организацию языковых средств: стратегия трактуется как «план действий», сформированный в сознании индивида [Винокур 1993: 84; Иссерс 2003: 100; Сухих 1986: 72–73 и др.]; как «когнитивный процесс, в котором говорящий соотносит свою коммуникативную цель с конкретным языковым выражением» [Levy 1979: 197], на основании интерпретации конкретной коммуникативной ситуации, в совокупности таких ее параметров, как адресат, степень информированности и образования, возраст и т.д. [Янушкевич 1992: 12; Gumperz 1982: 35–36]. Таким образом, в этих концепциях когнитивное основание стратегии ограничивается мыслительными операциями, задействованными в процессе речевой деятельности, что в большей степени коррелирует не с дискурсологическим, а с психолингвистическим подходом.

Ко второй относятся высказанные учеными мысли, которые предлагают более глубокий взгляд на когнитивную природу стратегии, трактуя ее как «способ достижения победы или преимущества в соревновании, интеллектуальном поединке т. п., составляющем сложную когнитивную модель (гештальт), обобщение имеющегося опыта и охватывающем личностные, локальные, деятельностные и другие измерения, которые особым образом организованы в сознании и памяти» [Fernando 1996: 110–111], как свойство когнитивных планов, представляющих собой организацию последовательности действий и охватывающих цель или цели взаимодействия [Дейк 1989: 272], которые не ограничены речевыми.

Такое понимание когнитивных основ стратегии созвучно дискурсологическому и экологическому подходу, и именно оно является перспективным в плане изучения специфики организации в сознании индивида обобщенного опыта и использования данного опыта для реализации конкретных (внеречевых) целей взаимодействия.

Следует также обратить внимание на *соотношение речевых, коммуникативных и дискурсивных стратегий.*

В значительном количестве исследований **речевые стратегии** рассматриваются как технологические единицы речевого воздействия [Бабире 2014; Бровкіна 2015; Діомідова 2010; Ткаченко 2002; Полюжин 2003; Ярхо 2010]; организации диалога / диалогического текста [Вохрышева 2001; Лавріненко 2011; Пищикова 2002; Шимихина 2000; Шостром 1992; Channell 1985; Di Pietro 1987; Green 1984; Keller 1981; Kellermann 1992; Leichty, Applegate 1991; Troemel-Ploetz 1994; Yakoyama 1988 и др.]. Много таких работ посвящено изучению стратегий вежливости П. Браун и С. Левинсона, в частности развитию различных положений этой теории [Buck 1997; Chen 2001; Holmes 1988; Мао 1995; Mills 2002 и др.]; анализу стратегий вежливости в различных лингвокультурах [Chodorowska 1997; Ji 2000; Pilegaard 1997; Skewis 2003; Mills 2002 и др.], различных социальных группах [Hobbs 2003; Mills 2002], социальных сферах [Grainger www; Kadт 1998], в разные исторические периоды [Матюхина 2004; Морозова 2004] и т. д.

С другой стороны, популярным объектом анализа являются **коммуникативные стратегии** [Белова 2004; Зверева 2014; Койт, Ыйм 1988; Шиляева 2011], представляющие собой типовые модели коммуникативного поведения; стратегии общения, представляющие творческую реализацию плана построения говорящим своего речевого поведения с целью решения глобальной языковой / неязыковой задачи общения в конкретной интеракции [Зернецкий 1987].

Исходя из того, что главными факторами влияния на формирование коммуникативных стратегий выступают этнический, социальный, гендерный, возрастной, личностный и временной, систематизация этих стратегий осуществляется в виде такого набора оппозиций:

- универсальные :: этнически специфические;
- общеупотребительные :: индивидуальные;
- общеупотребительные :: возрастные;
- унисекс :: гендерно маркированные;
- вербальные :: невербальные;
- атемпоральные :: ограниченные во времени;
- кооперативные :: конфликтные;
- адресантно-ориентированные :: адресатно-ориентированные;
- информативные :: побудительные [Белова 2004: 14].

Наличие в предлагаемой системе оппозиций невербальных стратегий позволяет утверждать, что коммуникативная стратегия – это достаточно широкое понятие, не ограниченное рамками вербального взаимодействия.

Важным для нашего исследования являются также высказанные учеными мысли о необходимости использования понятия **дискурсивной страте-**

гии [Meier 1995; Mills 2002], но эта позиция не соотнесена с принятым в настоящей работе пониманием дискурса (см., напр., [Pizziconi 2003]), к тому же в упомянутых работах не содержится определения понятия дискурсивной стратегии.

Итак, исходя из принятого в Харьковской лингвистической школе понятия дискурса, можно сделать вывод, что речевая стратегия – это понятие более узкое по сравнению с дискурсивной стратегией, поскольку соотносится только с ориентацией на достижение речевых целей. С другой стороны, понятие коммуникативной стратегии является более широким относительно понятия дискурсивной стратегии, поскольку последняя предполагает обязательную вербальную реализацию.

Заслуживает внимания и проблема **типологии стратегий**.

Решение данной проблемы напрямую связано с пониманием природы стратегии. В частности, выделяют основные стратегии, которые на конкретном этапе коммуникативного взаимодействия являются наиболее значимыми с точки зрения иерархии мотивов и целей, и вспомогательные, которые «способствуют эффективной организации диалогического взаимодействия, оптимальному воздействию на адресата» и охватывают прагматичные, диалогические, риторические стратегии [Иссерс 2003: 106–107]. Связывая понятие стратегии с общими прагмалингвистическими принципами реализации иллокутивного смысла в тексте, лингвисты предлагают разделять глобальные коммуникативные стратегии речевого поведения на репрезентативную, или изобразительную, и нарративную, или аналитическую [Седов 2004: 38]. Очевидно, что указанные типологии касаются таких стратегий, которые не имеют однозначного совпадения с дискурсивными. Систематизация последних, на наш взгляд, может быть осуществлена с опорой на разновидности регулятивной функции. Следовательно, можно утверждать, что часть дискурсивных стратегий соотносима с межличностной функцией, принадлежит к *межличностным* или *интерперсональным* и применяется для регуляции отношений коммуникантов в дискурсе.

К наиболее важным аспектам анализируемой проблематики принадлежит трактовка **структуры стратегии**.

В концепции Т.А. ван Дейка, используемой в качестве основы данного исследования, стратегии дискурса формируют иерархию, представленную глобальной, локальной и речевой стратегиями, где глобальная – это стратегия всего дискурса, общая стратегия участника речевого взаимодействия, которая контролирует результаты на локальных этапах и реализуется с помощью локальных стратегий, направленных на достижение более конкретных целей; вместе глобальная и локальная стратегии составляют общую макростратегию управления дискурсом.

Речевая стратегия – это «функциональная единица последовательности действий, которая способствует решению локальной или глобальной задачи», причем «локальные возможности прагматического, семантического или стилистического выбора будут ограничены такой речевой стратегией» [Дейк 1989: 274, 277].

В связи с проблемой структуры дискурсивной стратегии возникает еще один дискуссионный вопрос: соотношение стратегии и *тактики*. Характеризуя это соотношение как род – вид, тактикой предлагают считать одно или несколько действий, способствующих реализации стратегии [Иссерс 2003: 110; Зернецкий 1987 и др.]. Такое понимание является несколько упрощенным, ведь в динамическом коммуникативном пространстве может происходить взаимозаменяемость стратегий / тактик: одно и то же явление может быть охарактеризовано как стратегия или как тактика в рамках другой стратегии [Белова 200: 14].

Кроме того, иерархичная структура дискурсивной стратегии, разработанная Т.А. ван Дейком, логически предполагает удлинение цепочки *глобальная – локальная – речевая стратегия* звеном *речевая тактика* и не является жесткой. В частности, доказано наличие (в научном дискурсе) *локальной стратегии* критики, которая реализуется рядом *дискурсивных тактик*, каждая из которых представляет собой не речевую, а когнитивно-коммуникативную сущность [Балацька 2013]. Если же в структуре дискурсивной стратегии речевые стратегии реализуются посредством речевых тактик, последние в дальнейшем конкретизируются в приемах [Бациевич 2009: 120], которые в свою очередь опираются на определенные (вербальные) средства.

Обзор имеющегося опыта свидетельствует, что понятие дискурсивной стратегии, как и ряд других важных лингвистических понятий, не имеет сегодня общепринятой дефиниции. Следует также указать на то обстоятельство, что среди современных дискурсологических исследований существует немало таких, которые изучают различные стратегии [Безугла, Романченко 2013; Ильченко 2014; Ємельянова 2011; Голуб 2011; Гусева 2011; Калита, Тараненко 2012 и др.]. Однако в большинстве случаев определение дискурсивной стратегии является довольно декларативным, что вызывает необходимость аргументированного определения этого центрального для коммуникативно-дискурсивного анализа понятия, хотя в лингвистических работах накоплен достаточный теоретический опыт для определения и изучения данного понятия.

Стратегия как когнитивно-дискурсивная сущность*

Дискурсологические постулаты дают нам основания понимать под стратегией *коммуникативное намерение говорящего, сформированное на основе использования коллективного опыта для собственных индивидуальных потребностей и желаний, и языковую объективацию этого намерения, придающую ему интерактивный статус с учётом осмысления вербализованного намерения всеми субъектами взаимодействия.*

Социально-коммуникативная природа дискурсивной стратегии проявляется в способности материализованного коммуникативного намерения организовывать социальную деятельность субъектов общения путём соотнесения данного намерения со стандартными нормативно-ценностными общественными представлениями носителей национально-языкового менталитета. Такое определение позволяет считать дискурсивную стратегию базовым понятием коммуникативно-ориентированного анализа дискурса, демонстрирующего возможности, которые предоставляет человеку язык для достижения внеязыковых деятельностных целей.

Детализация понимания стратегии как дискурсивного феномена предопределяет наличие таких ее существенных характеристик:

- стратегия имеет социально-интеракционную природу, является использованием языкового ресурса для конструирования социальных практик во взаимодействии субъектов;
- стратегия представляет собой речемыслительную сущность, имеет ментальный и вербальный коррелят;
- стратегия охватывает процессуальный и результативный аспекты; имеет статическое и динамическое измерения;
- стратегия имеет сложно организованную структуру, в которой присутствуют элементы разных уровней и различной природы (глобальные, локальные и речевые стратегии).

Эти характеристики определяют содержание и последовательность этапов выяснения сути дискурсивной стратегии.

Формирование стратегического намерения, как предпосылка его реализации, опирается на использование того ментального ресурса, которым располагают коммуниканты для конструирования смыслов, лежащих в основе лингвальной регуляции. Такое коллективное знание, имеющееся у всех со-

* Использованы материалы, опубликованные в: Фролова І. Є. Стратегія конфронтації в англомовному дискурсі : [монографія] / І. Є. Фролова. – Харків : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2009. – 344 с.; Фролова І. Є. Регулятивний потенціал стратегії конфронтації в англомовному дискурсі: дис. ... доктора філол. наук : 10.02.04 / Фролова Ірина Євгенівна. – Харків, 2015(а). – 508 с.

циологизированных индивидов, обеспечивает интерактивность стратегических смыслов. Ресурс знания, который может быть использован с определенным намерением, служит когнитивной основой стратегии, или ее ментальной основой.

Наличие у стратегии когнитивных основ согласуется с положением о базовом концепте как ментальном основании дискурса, обладающем способностью разворачиваться и организовывать дискурсивное пространство во всех измерениях. Это позволяет считать концептуализированное знание ментальным ресурсом дискурсивной стратегии.

Для выяснения тождественности / нетождественности фрагмента концептосферы (концепта) и ментального основания стратегии необходимо установить объем того знания, которое является актуальным коммуникативному намерению, то есть может быть использовано в общении, является важным и релевантным в его конкретный момент. Для изучения организации ментального ресурса следует выявить те типы структур сознания, которые формируют его. Важным также является установление принципов развертывания этих структур в дискурсе, что обеспечивает связь мыслительного и речевого планов стратегий. В решении этих задач опираемся на основные понятия концептуального анализа, выясняя их релевантность изучению когнитивных основ дискурсивной стратегии.

Концепт в настоящем исследовании понимается как термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; как оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике. Понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде определенных «квантов» знания [Кубрякова 1997: 90].

Концепт является результатом закрепления в сознании определенных смыслов, осмысления информации, которую получает человек, формирования в соответствии с этим знаний и представлений об окружающем мире; эта ментальная единица аккумулирует знания об объекте во всех его связях и отношениях, и тем самым отвечает на вопрос «Что об этом известно?» [Телия 1996: 100].

Концепт также выступает как единица, образованная рефлексивной деятельностью индивидуального сознания, как базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индиви-

да, подчиняющееся закономерностям психологической жизни человека [Залевская 2005: 243].

Знание, формирующееся в определенном лингвокультурном сообществе, представляет собой воплощение коллективного опыта носителей культурно-языкового менталитета, что дает основание утверждать о наличии лингвокультурных концептов.

В структуре лингвокультурного концепта выделяют ценностный, образный и понятийный слои [Карасик 2002; Слышкин 2000]. Понятийная составляющая представляет «фактуальную информацию о реальном или мнимом объекте, которая служит основой для формирования концепта» [Слышкин 2000: 13]. Данная составляющая неразрывно связана с другими, что делает концепт ментальной единицей, которая не только мыслится, но и «переживается» как «предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» [Степанов 2001: 43]. Из этого следует, что концептуализированное знание включает как фактуальную информацию, так и ассоциативно связанные с ней оценки и образы, сформированные на основании культурно-социальных ценностей, представлений, характерных для национального менталитета представителей различных социальных групп.

В нашем понимании дискурсивной стратегии исходим из того, что «концепт не имеет жесткой структуры» [Болдырев 2001: 30], с точки зрения субъекта дискурса, концепт представляет собой динамическую систему знаний, которая непрерывно конструируется и моделируется на стыке старого и нового, логического и иррационального, данного в опыте и феноменологически интуитивного [Мартинюк 2004: 31]. Следовательно, объем знания, соотносимый с лингвокультурным концептом, служит лишь отправной точкой, исходным ресурсом, которым каждый индивид может оперировать, опираясь на свой личный опыт, а в коммуникативной практике – на свои конкретные цели.

Неоспоримость того факта, что коммуникативный процесс является воплощением культурно-социальных знаний и представлений, позволяет утверждать, что в основе рече-мыслительной деятельности субъекта лежит именно лингвокультурный концепт, однако вопрос о том, каким образом происходит его реализация в общении, на сегодняшний день остается открытым.

Иными словами, мнение о наличии таких концептов, которые являются дискурсоформирующими, опорными, способными выступать теми ментальными структурами, которые организуют дискурсивную деятельность, со всей очевидностью основывается на предположении о возможности определенных концептов проектироваться в плоскость вербальной коммуникации. Но ни специфика таких концептов, ни их дискурсообразующая спо-

способность сегодня еще не получили достаточного освещения, хотя исследования в этом направлении уже начаты (см., напр., работу, посвященную концепту СКРОМНОСТЬ, который трактуется как коммуникативный концепт (признаковый концепт коммуникативного поведения), выступающий как ментальное представление о характеристиках действия, а не само действие; и как регулятив, непосредственно воплощающий этические нормы общения и стиль речевого взаимодействия и актуализирующийся в стратегиях вежливости [Турченко 2014: 12]).

В общетеоретическом аспекте заслуживает внимания предположение, что вербализация концептов в дискурсе формирует «содержательно-тематическое ядро коммуникации» [Шейгал 2006: 27], но это оставляет нас без ответа на вопрос, что же тогда составляет ее коммуникативно-функциональное ядро? В связи с этим высказывается мнение о существовании «коммуникативных концептов», которые формируют коммуникативную концептосферу носителя языка [Дементьев 2006: 5]. Соглашаясь с тем, что зафиксированные в языке имена концептов представляют собой названия речевых жанров [там же], считаем это справедливым и для дискурсивных стратегий (имя концепта = название стратегии).

Рассмотрим, как соотносятся определенный концепт и стратегия дискурса. С одной стороны, используя концептуализированное знание в мыслительно-коммуникативном взаимодействии, «мы имеем дело лишь с незначительной частью концепта, которая оказывается необходимой для воплощения определенной коммуникативной потребности» [Слышкин 2004: 49]. Поэтому очевидно, что (не всегда) все содержимое концепта формирует ментальный ресурс коммуникации и является актуальным для дискурсивной стратегии.

С другой стороны, релевантное для коммуникации концептуализированное знание выходит за рамки актуального для вербального взаимодействия. К примеру, средствами аргументации могут быть не только языковые знаки, но и схемы, таблицы, содержащие статистические данные, видеоряд и тому подобное; конфронтационными являются оскорбительный жест, драка, отсутствие правительственной делегации на международных переговорах, молчание как реакция на торжественную дату, успех, достижения и другие невербальные действия.

Это дает основания утверждать, что *ментальным коррелятом* дискурсивной стратегии является та часть знания, относящегося к определённому концепту, которая актуальна для вербальной коммуникации (другими словами *коммуникативно / стратегически актуальное знание*).

Исследование актуального концептуализированного знания с учётом предложенной Т. А. ван Дейком триады, представляющей дискурсивную

стратегию как иерархию, позволяет установить организацию ментальных оснований дискурсивной стратегии, то есть выявить те типы структур сознания, которые лежат в основе глобальной, локальной и речевых стратегий.

Глобальная дискурсивная стратегия в рамках нашей концепции опирается на *прототип* – минимизированную и типизированную форму знания, которая соотнесена с понятием [Телия 1996: 97]; типичный образ [Мартинюк 2007: 17], существующий в картине мира коммуникантов – носителей языка.

Локальная дискурсивная стратегия основана на стереотипах – стандартных мыслях о социальных группах или отдельных представителях этих групп, в обостренно упрощенной и обобщенной форме, с эмоциональной окраской, приписывающих определенному классу лиц определенные свойства и установки [КСКТ: 177]. Стереотипы представляют прототипный образ дискретно, в сегментированном и конкретизированном виде, они соотносятся с прототипом, как референт с денотатом.

Важным для нашей концепции является функциональный характер стереотипов: стереотипы проявляются непосредственно в коммуникативном поведении [Красных 2003: 271] как «устойчивые мнения о ком-то или о чем-то, которые формируются и используются в речи» [Стернин 2001: 40].

Другим важным обстоятельством является социальная природа стереотипов: их основной когнитивной функцией является социальная категоризация и образование социальных структур – ориентиров в повседневной жизни – на основе разграничения «своего» и «чужого», внутригруппового и межгруппового [КСКТ: 177]. Социальная природа стереотипов соотносит их с различными по уровню группами; по этому признаку стереотипы охватывают культурно-универсальные и социально-групповые [Кирилина 1999; Мартинюк 2004; Тарасова 1999; Billig 1988 и др.].

Стереотипы дифференцируются и по когнитивному (гносеологическому) критерию: с одной стороны, они являются формой «рационального познания мира, что упрощает и ускоряет обработку информации» [Белова 2002(б): 45]; с другой – стереотипы опираются на знания о ценностях и включают оценочный компонент, определяют не только поведение, но и набор ассоциаций (по В.В. Красных, стереотип – структура ментально-лингвального комплекса, сформированная инвариантной совокупностью приписываемых этой единице валентных связей, дающих образ-представление феномена, который стоит за этой единицей, в его национально-культурной маркированности при определенной предсказуемости направленных ассоциативных связей (векторов ассоциаций) [Красных 2003: 233] (см. также [Прохоров 2006])).

По объекту ментального представления стереотипы делят на две группы: стереотипы-представления, которые хранятся как клише сознания, и стереотипы поведения, которые представляют собой штампы сознания, определяют коммуникативное, в том числе и вербальное, поведение [Красных 2003: 232–233]. Данные группы демонстрируют не только разную степень абстракции, но и отличие функциональной природы: стереотипы-представления являются дескриптивными, а стереотипы поведения – прескриптивными [там же], из чего следует, что стереотипы-представления аккумулируют декларативное знание, а стереотипы поведения – процедуральное знание, то есть формируют оппозицию «знаю, что» – «знаю, как» [Макаров 2003(б): 148]. Это обстоятельство чрезвычайно важно для нашего исследования, так как именно оно позволяет утверждать, что стратегически актуальное знание охватывает *декларативную* (прототип, стереотипы-представления) и процедуральную (стереотипы поведения) составляющие, где последняя представлена конкретными моделями поведения.

Иными словами, если стереотип-представление – это фрагмент прототипного знания, то стереотип поведения представляет собой инвариант деятельности и определяет коммуникативное, в том числе и вербальное, поведение в определенной коммуникативной ситуации [Красных 2003: 232–233]; организует поведение и его интерпретацию; определяет действия, к которым следует прибегать; он привязан к конкретной ситуации и касается всех возможных вариантов ее развития [Макаров 2003(а): 112]. В свою очередь, стереотипы речевого поведения – это модели использования языка в определенных типичных коммуникативных ситуациях, культурно-обусловленные сценарии – «негласные правила, которые указывают нам, как быть личностью среди других личностей, то есть, как думать, как чувствовать, как желать (и как действовать в соответствии со своим желанием), как получать и передавать знания и, что самое важное, как разговаривать с другими» [Вежбицкая 1997: 393].

Напомним, что в концепции Т.А. ван Дейка [Дейк 1989] фактически речь идет об отличии речевых стратегий от глобальной и локальных, которые вместе формируют макростратегию дискурса. Развивая эту мысль, представляется возможным утверждать, что отличие *речевых стратегий* заключается в их способности актуализировать знания, выступая последним звеном в цепочке, обеспечивающей связь ментального и лингвального, где вербализованное стратегическое намерение выступает как *актуализированное знание*.

В нашей концепции речемышлительная природа дискурсивной стратегии раскрывается через ее трактовку как единства актуального и актуали-

зированной знания. На рис. 14 схематично изображена организация структуры дискурсивной стратегии:

Рис. 14. Модель структуры дискурсивной стратегии

Применение индивидом данной структуры в дискурсивном взаимодействии, предполагает движение мысли от абстрактного к конкретному, от актуального к актуализированному знанию, то есть прохождение следующих этапов: А (прототип) есть $A_1, A_2 \dots A_n$, (стереотипы-представления); если A_1 , делай $ТАК_1, ТАК_2 \dots ТАК_n$, (стереотипы поведения); делать $ТАК_1$ можно СПОСОБОМ₁, СПОСОБОМ₂ ... СПОСОБОМ_n (стереотипы речевого поведения).

Между наборами стереотипов-представлений и стереотипов поведения, с одной стороны, и стереотипами речевого поведения, с другой стороны, наблюдается существенная разница: первые имеют относительно устойчивые количественные характеристики, тогда как вторые представляют собой открытое множество и имеют произвольную связь с поведенческим стереотипом. Иными словами, если можно установить набор стереотипов-представлений и стереотипов поведения, то стереотипы речевого поведения могут быть охарактеризованы лишь в самых общих чертах, в терминах определенных речевых паттернов, которые имеют широкие возможности языкового воплощения и характеризуются нелинейностью актуализации.

Актуальное концептуализированное знание в совокупности прототипного и стереотипного элементов является, по сути, конструктом коллектив-

ного сознания – достоянием опыта культурно-языкового коллектива; информации, закреплённой за определенным участком концептосферы носителями лингвокультурного менталитета. Этот конструкт в значительной степени статичен: актуальное знание может претерпевать изменения во времени, но имеет высокую степень стабильности в конкретном временном срезе, что вытекает из самого его определения как общего коллективного знания. Сохраняясь в памяти носителей языка, данное знание выступает ресурсом коммуникативных практик, которым располагает каждый конкретный социологизированный индивид – представитель определенной лингвокультуры в определенный исторический период.

Использование данного ресурса – актуализация знания – представляет собой когнитивно-психологический, индивидуальный динамичный процесс, отражающий специфику «присвоения» коллективного знания отдельной личностью в конкретный момент ее деятельности. Это даёт основание понимать актуализированное знание как *дискурсивный конструкт – спонтанное функционирование фрагмента коллективного опыта в индивидуальном сознании во время коммуникативного взаимодействия и его вербальное воплощение.*

Индивидуальная специфика такого функционирования проявляется в нескольких аспектах, а именно:

- в активации актуального (прототипного) знания в индивидуальном сознании;
- в желании индивида использовать актуальное знание в коммуникативной практике (наличие мотива и интенции);
- в установлении индивидом объема актуального знания, релевантного для конкретного момента коммуникации (выбор стереотипа поведения с опорой на стереотип-представление);
- в выборе индивидом способа актуализации знания, релевантного для конкретного момента коммуникации (выбор варианта вербальной объективации стереотипа поведения – стереотипа речевого поведения);
- в личностной интерпретации актуализированного знания (осмыслении высказывания как вербализованного стереотипа поведения).

Таким образом, основу противопоставления глобальной, локальных и речевых стратегий составляет различие их концептуальной основы – статического коллективного и динамически конструируемого индивидуально-го знания.

Эколингвистический подход, исходящий из единства социума – мышления – языка, акцентирует определяющую роль коммуникантов (адресанта и адресата), что учтено в модели на рис. 14. Во-первых, именно они выступают носителями коллективного знания, во-вторых, их индивидуальная спо-

способность к установлению связи между актуальным и актуализированным знанием обеспечивает выработку совместных дискурсивных смыслов как результата реализации / интерпретации стратегических смыслов.

Вербальные средства реализации стратегий

Необходимость исследования стратегически актуального знания как ментального ресурса дискурсивной стратегии опирается на анализ языковых знаков – вербализированных знаний, представляющих собой «входы» в концепт [Слышкин 2004: 33]. Согласно современным взглядам, концепт выступает как своеобразный посредник между языковыми знаками и внеязыковой действительностью [Cruse 1990: 396], и хотя большинство исследователей разделяет мнение, что концепты не полностью вербализированные (см., напр. [Попова 2003: 16]), единственный доступ к концептуализированному знанию, которым располагает исследователь-филолог, дают языковые единицы. К ним относят лексемы, фразеологические компоненты, свободные словосочетания, структурные и позиционные схемы предложений, тексты и совокупности текстов [Рудакова 2002: 48].

Данные позиции вполне согласуются с нашим пониманием когнитивных основ дискурсивной стратегии как общего коллективного знания, актуализированного словами, фразеологизмами, поговорками, текстами.

Однако подчеркнем, что очевидная множественность способов вербальной актуализации стереотипа речевого поведения ориентирует не на описание всех языковых единиц, задействованных в реализации дискурсивной стратегии, а на выявление системных принципов организации языкового материала.

Таким образом, для описания языковых аспектов дискурсивной стратегии следует, во-первых, определить статус вербальных знаков, реализующих актуальное знание и выступающих средствами объективации стратегий, во-вторых, установить параметр систематизации средств репрезентации актуального знания как критерия типологии речевых стратегий. Это необходимо для определения вербального плана дискурсивной стратегии, изучение которого является важнейшим звеном лингвистического исследования.

Изложенные ранее данные о дискурсивной стратегии, в частности о способности высказывания реализовывать стратегические цели, позволяют утверждать о способности именно **высказывания** выступать объективатором концептуализированного знания [Мартинюк 2007; Морозова 2008(а): 14; Ніконова 2008: 10]), однако сложность и относительная новизна проблемы вместе с ее важностью для нашего исследования требуют более пристального внимания.

Исследователи не ограничивают средства вербализации концептов только лексическими (хотя именно последние преимущественно рассматривают-

ся в лингвистических работах как «входы» в структуры знания), что отражает общую тенденцию развития языкознания. Потребность в отказе от исключительно «словоцентричного» подхода, смещение акцентов в сторону высказывания и текста [Леонтьев 2001: 97–115; Зимняя 2001] и др. дало возможность современной лингвистике после длительных дискуссий признать, что статус языкового знака имеет не только слово, фразеологизированное словосочетание, но и предложение и сверхфразовое единство (см. подробнее [Богданов 2007: 4]).

Однако, несмотря на это, не вызывает сомнений наличие существенных различий в вербализированных знаниях, представленных языковыми знаками различной природы. В частности, номинативная единица может «схватывать» определенный фрагмент / элемент знания, непосредственно «отсылая» к нему через свое значение, тогда как коммуникативная единица – предложение-высказывание (поговорка, афоризм, «крылатая фраза») или текст (анекдот, сказка и т.п.) не манифестирует таких непосредственных связей. Соотнесение этих знаков с определенным участком концептосферы является результатом рефлексии и умозаключения, которое, однако, не требует от индивида особых интеллектуальных усилий, будучи известным всем носителям языка или большинству из них.

Более существенными, на наш взгляд, являются различия между вербализованным знанием, актуализированным коммуникативными единицами, воспроизводимыми в готовом виде, и теми, что спонтанно образуются в речи. Последние, выступая репрезентантами концептуализированного знания, могут быть носителями различной сигнификативной и/или онтологической информации, «отсылая» к разным фрагментам концептуального пространства или к разным участкам одного его фрагмента.

Высказывание, объективирующее фрагмент / элемент знания в процессе общения, обнаруживает эту свою способность только благодаря активной работе сознания коммуникантов и ее результата – умозаключения, которое требует значительной активности индивидуального сознания и привлекает к осмыслению всех (вербальных и невербальных) коммуникативно релевантных факторов.

Осмысленное субъектом как объективатор прототипного / стереотипного стратегически актуального знания высказывание представляет собой актуализированное знание, следовательно, выступает актуализатором дискурсивной стратегии.

Процедура установления связи между актуальным и актуализированным знанием существенно облегчается при наличии в высказывании номинативных средств, именующих соответствующий фрагмент знания – *стратегических перформативов*, аналогичных перформативным глаголам

[Остин 1986], или другим средствам перформативности [Богданов 2007: 147; Menzel 1975: 39; Stampe 1975: 118], эксплицирующим стратегическое намерение говорящего в сочетании с местоимением *I (Я)*.

Например, вполне вероятным для стратегии аргументации является использование лексических единиц *argue, argument – I argue that ..., Proceeding from these arguments ...* и др. Но есть и стратегии, исключая возможность перформативной экспликации, например, стратегия манипуляции. Здесь также очевидна аналогия: использование стратегического перформатива в подобных случаях означает «стратегическое самоубийство», подобное «иллокутивному самоубийству» З. Вендлера [Вендлер 1985].

Однако, как и в речевом акте (РА), наличие / отсутствие средств перформативности не играет решающей роли в реализации стратегических целей: стратегические смыслы (как и речеактовые), могут конструироваться при наличии / отсутствии перформативных средств. Этот вывод важен для систематизации речевых стратегий: он показывает, что эксплицитность / имплицитность представления стратегического смысла не может быть классификационным критерием, и подтверждает мнение о том, что концепты эксплицитно вербализуются в дискурсе, а категории присущи дискурсу имплицитно, они не вербализуются, а проявляются в дискурсе, определяют характер дискурса, принципы его организации [Шейгал 2006: 27] (речь идет о вежливости, рассматриваемой в работах И.А. Стернина и его последователей, на которые ссылается исследовательница, как коммуникативной категории, то есть как понятий, достаточно близком к нашему пониманию стратегии).

Прослеживая далее аналогии РА и речевых стратегий, обратимся к рассмотрению прямых и косвенных РА. Здесь критерием является языковая конвенция. При наличии в высказывании перформативных средств иллокутивный смысл представлен значением этих средств, конвенционально закрепленным в системе языка. При отсутствии средств перформативности, дифференцируя прямые / косвенные РА по способу представления иллокуции, сторонники и последователи теории РА оперируют тем же самым понятием конвенции («иллокутивный акт – это конвенциональный акт; акт, осуществляемый в соответствии с определенной конвенцией» [Стросон 2004: 37]; см. также [Сёрл 2004 и др.]) РА выступают как своеобразная азбука, к которой применимы правила и конвенции [Богданов 2007: 139]), причем внимание сосредоточено опять же на языковых конвенциях. Об этом свидетельствует классический пример косвенного РА, приведенный Дж. Сёрлем («*Can you pass me the salt?*»): если бы речь шла о речевых конвенциях, этот РА следовало бы признать прямым, так в общении носителей английского языка использование общего вопроса, начинающегося с *can* в функции директива (просьбы), является конвенциональным.

Поскольку высказывания, реализующие речевые стратегии, в нашей концепции рассматриваются как варианты определенной модели речевого поведения, их анализ с точки зрения значения лексических единиц и синтаксических структур неприемлем: стратегические смыслы не опираются на языковые конвенции. Зато привлекает внимание существование других – социокультурных – конвенций общения (*social rules*) (например, «Нельзя говорить непристойности на официальных собраниях»), которые «нерелевантны для акторечевого анализа» [Сёрл 2004: 60], но хорошо вписываются в рамки дискурсологии, где «акцент перенесен с языковых конвенций на социокультурные» [Мартинюк 2004: 11].

Изложенное дает основания распределить речевые стратегии на **конвенционализированные** и **неконвенционализированные**, опираясь на понятие социальной конвенции и причисляя к первым те, которые содержат стратегические перформативы или выступают типичными способами речевой реализации в определенных социальных контекстах, а ко вторым – те, что не содержат стратегических перформативных и не являются типичными способами реализации стратегического намерения.

Первые соотносятся с понятием экспликации (при наличии стратегических перформативов) или импликации (при отсутствии таких перформативов): стратегические смыслы выводятся из значения реализованных вербальных единиц с опорой на языковое знание. Например, если в случае реализации стратегии аргументации в высказывании имеются такие языковые средства, как *I think, I believe, in my point of view* и т.д., они выступают смысловыми опорами и позволяют воспринимать утверждение, идущее за ними, как аргумент.

Во втором случае речь идет о пресуппозиции: стратегические смыслы выводятся из значения реализованных вербальных единиц с опорой не столько на языковое, сколько неязыковое знание, имеющееся в пресуппозиционном фонде субъекта дискурса. Например, выражение *Searle's theory is based on illocution and convention* приобретает статус аргумента и реализует соответствующий стратегический смысл в научной дискуссии как обоснование выбора именно критериев иллокутивной силы и способа ее представления в анализе определенного типа РА, выделенного в классификации Дж. Сёрля. В то же время, произнесенное на лекции, это же высказывание лишено аргументативного смысла, оно реализует стратегию информирования.

Однако в обоих случаях центр тяжести перемещен с языковых на социокультурные конвенции, поскольку речь идет о реализации речевых единиц типичных / нетипичных для определенных социальных контекстов и достижения в этих контекстах социально значимых целей.

Контекст и ситуация реализации стратегий

Для понимания сути дискурсивной стратегии важным является учет влияния контекстных факторов на ее реализацию, поскольку формирование и реализация стратегического намерения подвергается внешнему воздействию и влиянию. Это влияние прежде всего сказывается на выборе стратегии, поскольку, концептуализируя фрагмент мира как некий типичный образец, коммуникант получает выбор: объективировать / не объективировать этот ментальный образ вербальными средствами. Кроме собственных индивидуальных желаний и потребностей, значительную роль в процессе выбора играют знания и представления о том, как дискурсивная реализация стратегического намерения трактуется в системе социальной деятельности определенного национального коллектива / группы. Таким образом, речь идет об общекультурных факторах, релевантных реализации дискурсивной стратегии в плане ее оценки с позиций общественных норм и ценностей.

Особую значимость как общекультурный фактор приобретает **норма**, выступающая как «распоряжение относительно поведения» [Стернин 1996: 109], «как правила, выражающие требования общества (социальной группы) к поведению индивидов в их взаимоотношениях друг с другом, с социальными институтами и с обществом в целом» [Мартинюк 2004: 40], как аксиологический ориентир деятельности (отрицательное оценочное значение фиксирует нарушение нормы) [Карасик 2002: 36]. Норма в таком случае выступает как эталон, «отражающий доминирующую в данном этнокультурном социуме систему ценностных ориентиров» [Карасик 2002: 41] и ориентирующий субъекта дискурса в выборе определенной стратегии, так как «индивид подсознательно стремится соответствовать эталону, поскольку это обеспечивает ему / ей социальное одобрение, адекватность ситуации, желаемый статус» [Мартинюк 2004: 41]. Так как в дискурсивной деятельности значимыми являются общекультурные, социально-групповые и индивидуально-личностные факторы, потенциальные возможности воздействия имеют и соответствующие нормы.

Общекультурные нормы охватывают общечеловеческие, присущие ряду (родственных) культур (например, для христианских культур это библейские заповеди); культурно-специфические, присущие отдельной конкретной культуре; социально-групповые нормы, опирающиеся на ценности различных социальных групп (возрастных, профессиональных и т.п.) представителей определенной культурной общности; интернационально-групповые, присущие коллективам лиц, принадлежащих к разным культурам, но объединенных общими социальными характеристиками (вегетарианцы, байкеры, «зеленые» и т.д.). Индивидуально-личностный фактор ввиду того,

что нормы представляют собой коллективное достояние, проявляется в отношении к нормам, характеризуя индивида как конформиста / нонконформиста на основе совпадения / несовпадения аксиологических ориентиров группы и личности (хотя порой, особенно в молодежных субкультурах, такое несовпадение может приобретать и коллективные признаки: «у подростков отличная от других возрастных групп идеология, другая система ценностей, другая норма – антинорма» [Белоус 2008: 61]).

Система норм не предусматривает жесткой иерархии, позиция определенной нормы является результатом рефлексии субъекта, так же как и выбор в пользу той или иной нормы в случае их противоречия друг другу. Например, общечеловеческая нравственная норма «Следует быть честным» может не согласовываться с базовой интернациональной социально-групповой моральной нормой медработников «Не навреди», и преимуществом последней является общественное одобрение. Таким образом, в процессе выбора дискурсивной стратегии, ее сопоставление с нормой-эталонном осуществляется как когнитивная операция оценивания с опорой на культурные, социальные, индивидуальные аксиологические ориентиры.

В реализации / осмыслении реализации дискурсивной стратегии приобретает важность иная трактовка нормы: в этом аспекте конструирование общих стратегических смыслов опирается на осознание всеми субъектами дискурса связи между актуальным и актуализированным знанием. Поэтому норма соотносима уже не с эталоном, а с *каноном* и выступает как типичный образец, стереотипная семиотическая модель поведения [Сорокин 1985: 10], обеспечивая предсказуемость, автоматичность, подсознательность восприятия стереотипизированной информации как таковой, что вполне соответствует норме [Dahlgren 1978].

Существенную роль здесь играют контекстно-ситуативные факторы, видение которых субъектом выступает основой категоризации фрагмента мира. Отнесение образа ситуации к определенному типу осуществляется в процессе когнитивной операции идентификации – сравнение того, что воспринимается, с имеющимися в памяти индивида шаблонами – актантами ситуации, «отвечающими элементарным мыслительным категориям – семантическим функциям, таким как субъект (действия, состояния, отношений), предикат, объект, инструмент и т.д.» [Норман 1994: 137] и конфигурациями их параметров, которые образуют абстрагированные, идеализированные модели, хранящиеся в сознании в готовом виде в качестве образцов.

Соответствие канону может быть полным и неполным из-за наличия «частичных членов» [Sweetzer 1987, 2000] – наборов контекстно-ситуативных факторов, формирующих нечеткую категорию (fuzzy-set), которую невоз-

можно определить таким способом, чтобы для каждого члена X, относящегося к сфере определения, было бы правильным утверждение, что X принадлежит к этой категории (подобная категория состоит из определенного ядра, в которое входят прототипические элементы и определенного количества не прототипических элементов вне зоны ядра [Laurindsen 1989: 3], см. также [Weinreich 1966]). В таких случаях процесс идентификации привлекает в большей степени индивидуальную интерпретацию, чем общий опыт.

Таким образом, влияние на выбор / реализацию / осмысление / понимание стратегии осуществляется под влиянием субъективно-объективных факторов контекста. Знание этих факторов составляет основу оценки и идентификации стратегических намерений при взаимодействии коллективного и индивидуального компонентов.

Конфронтация как тип межличностного взаимодействия*

Межличностное взаимодействие субъектов, в ходе которого устанавливаются недружественные отношения, сегодня привлекает внимание все большего числа ученых – представителей различных отраслей гуманитарного знания. Однако онтологический статус такого взаимодействия, в частности в лингвистике, остается неопределенным: существует немало концепций, терминов, дефиниций (см. напр., обзор в [Leung www]), наблюдается терминологическая путаница [Nelson 2001: 17], в круг исследований привлекаются различные по объему и содержанию понятия (несогласие, ссора, диспут, жалоба и т. д.) [Antaki 1994; Boggs 1978; Brenneis 1988; Eisenberg, Garvey 1981; Grimshaw 1990; Kotthoff 1993; Laforest 2002; Pomerantz 1984; Schiffrin 1985 и др.]. Это приводит к необходимости выяснения понятия, с помощью которого можно наиболее полно и точно охарактеризовать данный тип межличностного взаимодействия путем установления его категориальных признаков.

Негативные межличностные отношения, как правило, связывают с конфликтом – явлением, без которого невозможно человеческое бытие и мышление, феноменом, который сопровождает человека на протяжении всей жизни и находит отражение в обеих ипостасях бытия, концентрируясь в мире внутреннем и экспонируясь в мире внешнем [Ермолаева 2005: 5]. Наличие «наивного» понятия конфликта в сознании представителей раз-

* Использованы материалы, опубликованные в: Фролова І. Є. Конфронтація як різновид міжособистісної взаємодії / І. Є. Фролова // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – 2010. – № 928. – С. 68–74.

личных лингвокультурных сообществ, популярность и значимость этого научного понятия однако не приводят к его четким и однозначным трактовкам. Очевидно, что выяснение сути вербальных проявлений конфликта может быть продуктивным только при условии привлечения пояснительного потенциала всех тех гуманитарных дисциплин, которые предлагают понимание этого феномена.

К таким дисциплинам относится прежде всего конфликтология – новая междисциплинарная отрасль гуманитарного знания, которая интегрирует и развивает накопленный в течение многих веков опыт научного осмысления конфликта.

Главный постулат конфликтологии состоит в том, что в основе любого конфликта лежит противоречие, играющее системообразующую роль как для отдельных видов конфликта, так и для различных уровней их изучения наукой [Герасина 2002: 6]. Это утверждение связывает понятие конфликта с категорией противоречия, что вызывает значительные проблемы в его толковании.

В частности отмечая, что конфликт представляет собой «резиноподобное понятие» [Ничипоренко 1982: 39], ученые-конфликтологи отказываются от его широкой трактовки как «столкновения чего-то с чем-то», которое согласуется со всеми существующими взглядами, но оказывается бессмысленным в научном смысле [Василюк 2001: 275]. Философские постулаты в пределах конфликтологии конкретизируются и проектируются в плоскость коммуникативной практики человека: «конфликтология – это особая междисциплинарная отрасль, объединяющая <...> подходы к описанию, изучению и развитию практики работы с конфликтными явлениями разного рода, возникающими в различных сферах человеческой взаимодействия» [Гришина 2002: 34]. Но «конфликтные явления» многочисленны и разнообразны, если к ним причислять все те, в основе которых лежит противоречие. Поэтому трудно очертить границы предметного поля конфликта, соединив в нем особое психологическое состояние человека; разницу во взглядах, верованиях, ценностях; борьбу социальных групп и индивидов, направленную на достижение одной или разных целей. Например, утверждая, что «объектом конфликтологии являются конфликты в целом» [Анцупов, Баклановский 2005: 99], к ним относят и такой тип, как «острое негативное переживание, вызванное длительной борьбой структур мира человека ...» [там же: 316], то есть особое психологическое состояние человека, которое может и не проявляться в коммуникации, хотя в то же время конфликт характеризуется как «выраженное негативное переживание» [там же: 84].

Как свидетельствует большинство определений, конфликт – «наиболее острый способ решения значимых противоречий, возникающих в процес-

се взаимодействия, заключающийся в противодействии субъектов конфликта, обычно на фоне негативных эмоций» [Анцупов, Баклановский 2005: 8]; конфликт – «биполярное явление – противостояние двух начал, проявляющееся в активности сторон, направленной на преодоление противоречия, причем стороны конфликта представлены активным субъектом (субъектами)» [Гришина 2002: 17]; «конфликт – столкновение противоположно направленных целей, интересов, позиций, мнений субъектов взаимодействия, это противоречие, возникающее между людьми в связи с решением тех или иных вопросов социальной и личной жизни» [Бандурка 1997: 20], «наиболее острый способ решения существующих или воображаемых противоречий в процессе человеческого взаимодействия, представляющий собой противодействие субъектов конфликта и обычно сопровождающийся напряжением эмоционально-волевой сферы» [Цюрупа 2004: 45–46]).

Конфликтологи сосредотачивают внимание преимущественно на изучении поведения людей в ситуациях имеющегося противоречия. Наибольшую важность при этом приобретает выяснение ценности межличностных отношений как ведущего фактора, определяющего стратегию поведения личности в конфликте [Емельянов 2003: 95]. Широко распространенная в конфликтологии двухмерная модель стратегий личности в конфликтном взаимодействии, разработанная К. Томасом и Р. Киллменом (в ее основе лежит ориентация участников конфликта на собственные интересы и интересы противоположной стороны), дополняется третьим измерением – ценностью межличностных отношений [там же]. Конфликтное взаимодействие характеризуется низкой степенью ориентации на интересы другой стороны, высокой степенью ориентации на личностные интересы, негативной оценкой ценности межличностных отношений [Емельянов 2003: 95]; результатом конфликта является «дисгармонизация межличностных отношений» [Бандурка 1997: 42; Кричевский 2001 и др.] вследствие проявлений враждебности участниками конфликта. Враждебность имеет градуальный характер: в минимальной степени она проявляется в конкурентности – поведении, которое имеет рациональный характер и соответствует определенным нормам; в максимальной степени присутствует только враждебность и собственно враждебность, связанная с игнорированием норм, иррациональным поведением, стремлением не столько выиграть или победы, сколько подавления, поражения или унижения противника [Filley 1975: 3].

Приведенные данные конфликтологических исследований свидетельствуют, что наличие противоречия формирует лишь предпосылки возможного типа поведения, а главную роль играет гармония межличностных отношений – социальная категория, определяющая выбор индивида в коммуникативном взаимодействии (иными словами выбор определенной стратегии).

Именно эти конфликтологические положения дают ключ к пониманию специфики *речевого поведения в конфликтной ситуации как типа межличностного взаимодействия, в котором гармония отношений коммуникантов нарушается на основе наличия реального или воображаемого противоречия.*

При таком понимании становится возможным не только достаточно четко очертить круг вербальных проявлений конфликта, но прежде всего исследовать функцию языка / речи в конструировании отношений субъектов взаимодействия, то есть межличностную функцию.

Для обозначения данного типа вербального взаимодействия используют термин «конфликт», как это делается в других гуманитарных дисциплинах, где содержание термина соотнесено с различными понятиями [Жарковская 2007]. В языкознании для уточнения термина применяется анализ значения существительного *conflict* (*конфликт*) и семантически связанных с ним слов.

Интерес к значению номинативной единицы *конфликт / conflict* и ее синонимов наблюдается и в конфликтологической трудах. Ученые отмечают, что проблема определения содержания понятия конфликт связана с анализом семантики этого слова и его синонимов [Бандурка 1997: 8–9]. Подавляющее большинство базовых конфликтологических работ содержит попытки осмысления слова «конфликт» и его синонимов [Бандурка 1997: 9; Ващенко, Гиренко, Хамалян 2000: 132; Гришина 2002: 9–10; Grazier 2004] и др. В работах приводятся мини-словари синонимов [Ващенко, Гиренко, Хамалян 2000: 133–134], списки слов-ассоциаций, которые дают информанты как первую реакцию на слово «conflict» [Weeks 1992: 4]; анализ поговорок и поговорок, связанных с различными аспектами поведения человека в конфликтной ситуации [Анцупов, Баклановский 2005: 27–29]. Авторы этих и ряда других исследований делают выводы, что (1) существительное *конфликт / conflict* обозначает широкий спектр различных явлений повседневной жизни человека; (2) ни один из синонимов существительного *конфликт / conflict* в полной мере не совпадает с его значением и не может заменять его; (3) научные дисциплины, оперирующие понятием и термином *конфликт / conflict*, вкладывают в него разный смысл.

Эти выводы подтверждаются и объясняются результатами лингвистического анализа, в частности, на материале английского языка. Так, многозначность существительного *conflict* в современном английском языке обусловлена прежде всего происхождением, развитием и современным состоянием его семантической структуры. По данным исследования И. В. Жарковской [2007], лексема *conflict*, ведущая начало от латинского существительного *conflictus*, образованного в результате словообразовательных процессов (аффиксация глагола *fligere*, субстантивация пассивного причастия

confligere), была заимствована в английский язык при посредничестве французского и получила с момента заимствования (1430–1440 гг.) значительное развитие семантической структуры. Современное значение номинации *conflict* является результатом всех этих процессов и сегодня проявляется в (1) наличии девяти лексико-семантических вариантов, зафиксированных неспециализированными лексикографическими источниками; (2) сложности отношений между этими вариантами значения, их организацией – радиально-цепочной семантической сетью, являющейся продуктом, во-первых, вариативности интегральных или базовых семантических компонентов (семы [object] → [two or more] являются постоянными для всех вариантов значения; семы [action] → [together] / [state] → [in opposition] варьируются в лексико-семантических вариантах); во-вторых, добавления дифференциальных и уточняющих сем. Поэтому ни одно из значений не является инвариантным, семантика лексической единицы *conflict* в современном английском языке разделена на две составляющие: CONFLICT-STATE и CONFLICT-ACTION [Жарковская 2007].

Что касается лексических единиц, семантически связанных с существительным *conflict*, то они, как свидетельствуют данные, полученные автором, объединены в рамках лексико-семантического поля, где семантика классификационной единицы определяет структуру: два основных субполя CONFLICT [STATE] и CONFLICT [HUMAN ACTIVITY EVENT], из которых большим по объему и обладающим более сложной организацией является второе [там же].

Абстрактное имя *conflict* может восприниматься и как целостный образ – гештальт, сложная неструктурированная концептуальная единица, на семантическом уровне аккумулирующая и объективирующая каждый потенциал значения. Эта единица [CONFLICT HOLISTIC] является зоной пересечения всех субполей и ядром лексико-семантического поля [Жарковская 2007: 86]. Однако такое целостное восприятие конфликта не может удовлетворить всех потребностей духовной и практической деятельности человека, в частности речь идет о высказанном учеными мнении о «бессодержательности» обобщенного понимания конфликта в процессе научного поиска. Следует согласиться с тем, что содержание, которое вкладывается в понятие конфликта, в значительной степени определяется тем, «в каких сферах бытия и познания разворачивается противоречие, каков характер сторон, противостоящих друг другу, как происходит их взаимодействие и т.п.» [Гришина 2002: 17].

Учитывая это мнение, представляется логичным обратиться в лингвистическом анализе к содержанию описанного И. В. Жарковской субполя CONFLICT [HUMAN ACTIVITY EVENT] [NON-MILITARY] [VERBAL].

Однако в его состав входят все номинации, обозначающие проекцию противоречия в плоскость говорения (прототипическая единица – *disagreement*, единицы центрального кластера *dispute, debate, argument, war of words* [Жарковская 2007: 101–107]), следовательно, семантика этих номинативных единиц не всегда объективирует нарушение гармонии межличностных отношений.

В то же время необходимость учёта этого фактора вызвана тем, что именно он определяет главный признак вербального взаимодействия – его функцию. Исходя из того, что функция (не только в лингвистическом, но и в более широком, философском смысле) представляет собой основной системообразующий конституента («взаимодействие элементов любой системы имеет направленный характер и подчиняется достижению определенного полезного для нее результата ...» [Светлов 2001: 19], «... именно результат функционирования системы является движущим фактором ...» [Анохин 1978: 75]), можно утверждать, что ***дисгармонизация межличностных отношений как функциональное назначение, желаемый результат активности выступает системообразующим признаком вербальных конфликтогенных проявлений***. Это назначение не является единственным и даже не всегда главным: политик в словесном поединке, стремясь представить оппонента в негативном свете, хочет прежде всего удержать / получить власть; жена, упрекая мужчину во время ссоры, хочет добиться того, чтобы он уделял семье больше времени и внимания и т.д. Но очевидность того, что конфликтогенные вербализованные проявления негативно влияют на отношения коммуникантов, свидетельствует о ведущей роли межличностной функции.

Это означает, что тип межличностного взаимодействия, в частности речевого, предназначенный нарушать гармонию в человеческих отношениях, следует соотносить с понятием ***конфронтации***, о чём свидетельствует семантика номинативной единицы ***confrontation*** (прототипической в субполе [HUMAN ACTIVITY EVENT] [Жарковская 2007: 94], которая объективирует любое взаимодействие лиц / групп, имеющее форму открытого враждебного противостояния («*the act of confronting (facing boldly, in hostility), especially a situation or manner marked by open opposition*» [LDCE: 213])).

Следовательно, соотношение понятий конфликт и конфронтация – это соотношение целого и части. Причем нередко термин «конфликт» в гуманитарных исследованиях используется именно для обозначения конфронтации, что позволяет использовать в анализе конфронтационного вербального взаимодействия некоторые достижения конфликтологического опыта.

Вместе с тем, хотя использование термина «конфликт» во время анализа взаимодействия, предназначенного дисгармонизировать межличностные отношения и нельзя охарактеризовать как полностью ошибочное (из-за гиперо-гипонимических связей между единицами *conflict* и *confrontation* и доминирующей позиции *confrontation* в лексико-семантическом поле CONFLICT), термин «конфронтация», на наш взгляд, является наиболее адекватным, поскольку согласуется с таким базовым требованием к содержанию термина как отсутствие многозначности. В то же время содержание понятия *конфронтация*, как уже отмечалось, охватывает любые (не только вербальные) проявления недружественности, враждебности, о чём свидетельствуют не только словарные дефиниции существительного *confrontation*, но и реализации, в которых оно проявляет способность именовать:

- физическое столкновение:

The only physical confrontation came when some of the many police on duty forced back supporters who were trying to get too close to the coffins. («The Times», 10 Nov., 2008);

- вооруженное противостояние:

Later he was the adjutant in Borneo during confrontation with Indonesia. As a company commander, he carried out two Belfast tours in the early 1970s. («The Times», 05 May, 2009);

- вербальное столкновение:

Barack Obama hurled himself into an angry confrontation with the President yesterday after Mr Bush compared the Democratic candidate's promise of talks with rogue states. («The Times», 16 May, 2008);

- столкновение мировоззрений, интересов:

Debate over vivisection evolved directly from the epic confrontation between Darwin and Cobbe that erupted 128 years ago. («The Times», 12 Feb. 2009)

Обобщая все эти конфронтационные проявления и определяя их как конфликтогены, ученые причисляют к ним слова, действия или бездействие [Цюрупа 2004: 56; Шкатова 2002: 289 и др.]. Очевидно, что в круг лингвистических наблюдений попадают только слова – вербальные конфликтогенные проявления, так как характерное для современного языкознания расширение границ, его интеграция с другими дисциплинами, и не только гуманитарными, должно проходить с учетом главного принципа – «приоритет в лингвистических исследованиях должен иметь язык» [Белова 2006: 29]. Из этого следует, что конфронтация в терминах лингвистического анализа имеет дополнительный признак – вербальная форма взаимодействия.

Таким образом, вид вербального взаимодействия, в котором конструируются негативные или недружественные отношения между участниками, следует трактовать как конфронтацию. Конфронтация как разновидность

межличностного взаимодействия связана с понятием конфликта интегральным – *экзистенциальным* – признаком (наличие противоречия) и выделяется в массиве конфликтных явлений с помощью дифференциального – *социального* – признака (дисгармония в человеческих отношениях). Конфронтационное речевое взаимодействие имеет дополнительный дифференциальный признак – *репрезентационный* (вербальная форма).

Методологические принципы анализа стратегии конфронтации*

Современная методология придает лингвистическим исследованиям качественно иной характер, поскольку исходит из принципиально нового видения мира и процессов развития.

Переход от исследования языка как жестко и четко структурированной сущности к его изучению как неотъемлемой составляющей мира человека – создателя и пользователя языка – опирается на идеи В. фон Гумбольдта, И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.А. Потебни, В.Н. Волошинова, Л.П. Якубинской и целого ряда других выдающихся ученых и оформляется в новую целостную научную концепцию на философских постнеклассических основаниях.

Классическое научное мировоззрение – наука Ньютона и Лапласа – претерпело революционные изменения в начале XX в. с возникновением теории относительности и квантовой механики, но еще большее глубокой и масштабной авторы считают революцию, которая состоялась в конце века [Князева 1991: 9]. Картина мира, строившаяся на протяжении веков классической наукой и наукой неклассической (квантовой и релятивистской физикой) – эволюционной парадигмы, существенно изменилась [Князева 2005: 25]. Следствием этих изменений является формирование современной философской концепции динамического хаоса, основанного на идеях системности, целостности мира и научного знания о нем, нелинейности, глубинной взаимосвязи хаоса и порядка; сложной организации и открытости [Князева 1991, 2005; Briggs 1992; Chaos and Order 1991; Coveney 1996; Dynamics 1999; From Simplicity 1998; Mansueto 1995; Ruelle 1989 и др.].

Объекты научных исследований рассматриваются как сложные системы, образованные из элементов, которые в свою очередь системно упорядочены; открытость систем приводит к взаимодействию с факторами нелинейной среды; способность систем приспосабливаться к среде выступает

* Использованы материалы, опубликованные в: Фролова І. Є. Стратегія конфронтації в англomовному дискурсі : [монографія] / І. Є. Фролова. – Харків : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2009. – 344 с.; Фролова І. Є. Регулятивний потенціал стратегії конфронтації в англomовному дискурсі: дис. ... доктора філол. наук : 10.02.04 / Фролова Ірина Євгенівна. – Харків, 2015(а). – 508 с.

как процесс их самоорганизации, функциональной адаптации; возможности адаптации заложены в потенциальных свойствах элементов системы; сама суть адаптации определена факторами среды и, в свою очередь, служит причиной изменений в ней.

К методологически важным выводам принадлежат утверждения, что в сложных системах имеются корреляции макроскопического масштаба [Николис 2003: 96]; что «порядок из хаоса» может быть установлен путём исследования цепочки «информация – интеракция – эмерджентность» [From Simplicity 1998: 18].

Именно с этим связана суть парадигмальных изменений в гуманитарных науках, включая языкознание, переход от экспланаторно неадекватных «онтологических» метафор «равновесие», «линейность», «стержневость», «физический мир» к метафорам «хаоса», «нелинейности», «ризоморфизма», «дискурсивного мира» [Морозова 2003: 106], которые соответствуют постнеклассическому мировоззрению.

Изменение научной метафоры опровергает обвинения в субъективизме и асистемности целого ряда лингвистических теорий и дисциплин. «Реабилитация» субъективизма на общей волне феноменологического мышления придает ему «законный и респектабельный статус» [Гришина 2002: 59]. Принципиальным становится понимание, что «мир является конструкцией, в создании которой мы все можем участвовать» [Пригожин 2005: 17], проявляя индивидуальную креативность: «мир человеческих восприятий бесконечно разнообразен, но хаотичен и окрашен личностными переживаниями» [Пономарев 1989: 358].

Процесс «сотворения мира», в частности в процессе речевой деятельности, в значительной степени непредсказуем, поскольку непредсказуемость присуща всем гуманитарным системам. Прогнозировать поведение индивида, в том числе и речевое, можно только в терминах возможных зависимостей, поскольку «даже знакомый коллектив единомышленников может быть непредсказуемым» [Герасимова 2002: 134].

Вместе с тем новые идеи не отрицают предыдущего опыта. Синергетика, имеющая сегодня статус метанауки и играющая роль коммуникатора для различных научных дисциплин [Данилов 1997: 10], выросла на почве предшествующих исторических стилей научного мышления – детерминистского и вероятностного – и несет в себе элементы и того, и другого; синергетический стиль мышления представляет собой своеобразный синтез положительных элементов детерминистической и вероятностной картин мира [Князева 2005: 35].

С этим согласуются и мысли лингвистов о том, что наиболее перспективным является комплексный подход к изучению вербального объекта,

в основе которого лежат принципы антропоцентризма и системоцентризма, «которые утверждают в нашей науке идею множественности лингвистических интерпретаций» [Алефиренко 2005: 400].

Очевидно, что системоцентризм в понимании Н.Ф. Алефиренко соответствует традиционным лингвистическим подходам и противостоит антропоцентризму, который исходит из понимания мира как саморазвивающейся целостности, являющейся нестабильной, неустойчивой, неравновесной, хаосогенной. Схемы анализа, приемлемые для лингвистических парадигм, предшествующих антропоцентрической, оказываются для нее неадекватными, в связи с чем и наблюдается тенденция противопоставления принципов системности и психологизма. Однако психологизм, которым характеризуются антропоцентрические исследования, означает не асистемность, а сложность системной организации. Принцип описания сложных систем, предполагающий анализ «сверху вниз» – от целого к деталям, а не «снизу вверх» – от деталей к целому, позволяет, «опуская детали, описывать и понимать эмерджентные свойства и самоорганизацию целого» [Данилов 2002: 25].

В лингвистике достижения, способствующие становлению нового философского мировоззрения, связывают прежде всего с коммуникативными и когнитивными теориями (теория речевых актов, выделение пресуппозиций и постулатов речевого общения, исследования семантических примитивов, универсального семантического кода и т.д.) [НФС: 557]. Авторы, взявшие курс на новые исследовательские ориентиры, осмысливают вербальную коммуникацию в системно-деятельностном аспекте [Бацевич 2000; Леонтьев 2001 и др.], трактуют акт речи как целостную совокупность действия-взаимодействия [Сидоров 1987: 14].

Изменения в понятии системности воплощаются в исследованиях лингвосинергетического направления ([Арнольд 1991; Герман 2000; Єнікєєва 2008; Пихтовникова 2012 и др.]) и постулируют необходимость применения в лингвистике различных модификаций теории систем [Тарасова 1996].

Систему определяют как набор взятых вместе объектов и взаимоотношений между объектами и между их атрибутами, в которых объекты – это компоненты или части системы, атрибуты – это свойства объектов, а взаимоотношения – связи, объединяющие части системы в единое целое [Вацлавик, Бивин, Джексон 2000: 120].

Из изложенного следует, что антропоцентрический подход вряд ли целесообразно противопоставлять системному: во-первых, антропоцентрический анализ является системным, поскольку такие его черты, как психологизм и субъективизм, присущи сложно организованным системам; во-вторых, традиционный системный подход является неотъемлемой

составляющей антропоцентрического анализа (описание лингвистических объектов в терминах сложных систем предопределяет анализ компонентов и их свойств).

Справедливую критику вызывает упрощенное и искаженное понимание антропоцентризма (см., напр. [Левицкий 2006: 144–159]), поскольку этот подход связан с соблюдением определенного комплекса общих установок, к которым, помимо собственно антропоцентризма, принадлежат экспансионизм, функционализм (неофункционализм), экспланаторность [Кубрякова 1995: 207].

Существенное значение при таком подходе приобретают принципы дополнительности (Н. Бор) и неопределенности (В. Гейзенберг), согласно которым объект может быть наиболее адекватно определен в терминах различных теорий, при этом, чем полнее освещаются одни характеристики объекта, тем более неопределенными остаются другие. По мнению Н. Бора, именно совмещение двух понятий способствует рождению истины: «какими бы противоположными ни казались понятия, они дополняют друг друга в том смысле, что вместе предоставляют нам всю информацию об атомном объекте» (цит. по [Мур 1969: 194]).

Высказывая это мнение относительно исследований в области квантовой физики (для того, чтобы описать электрон как частицу и как волну), ученый отмечает, что понятие «дополнительности» не имеет отраслевой ограниченности, а представляет собой часть законов природы и служит незаменимым логическим оружием [там же] (эта мысль вскоре подтверждается применением данного принципа Р. Якобсоном в предложенной им модели коммуникации). Принцип дополнительности находится в диалектическом единстве с принципом неопределенности, поскольку при моделировании мы каждый раз выделяем определенные признаки объекта и оставляем другие вне рассмотрения [Леонтьев 2003: 10]; если при описании одного и того же явления мы будем стремиться к максимально точной фиксации одних характеристик, то все более неопределенными становятся другие характеристики, дополнительно связанные с первыми [Карасик 2002: 287].

Указанные принципы важны в лингвистическом анализе и обеспечивают его экспланаторность: описание различных черт и свойств объектов позволяет избежать редуционализма и придает исследованию комплексный характер. Нельзя, как на то указывает В. В. Левицкий, сводить антропоцентризм к методу, основным инструментом которого является интуиция исследователя [Левицкий 2006: 159]. Высокая степень объяснительности достигается только использованием на основе дополнительности и неопределенности различных лингвистических теорий и присущих им

методов анализа, то есть интегративного подхода к исследуемому объекту [Кубрякова 2004; Ребрій 2006: 16–17] и др.; с привлечением данных других отраслей знания [Селиванова 2000].

Особенно важным в нашем исследовании является и методологический принцип функционализма.

Функционализм – это коммуникативный подход к анализу языка [Гак 1998: 180; Колшанский 1984 и др.] и одновременно направление исследований, который позволяет изучать механизмы языковой системы в действии [Бацевич 1997: 10]. Функционализм обращен к реальным фактам речи как деятельности человека, к языку как инструменту, орудию и средству общения; к речевому взаимодействию, как к социальной интеракции – совокупности действий и операций, осуществляемых коммуникантами для достижения своих целей [Бацевич 2004: 11; Гуреев 2004: 57; Карабан 1989: 8 и др.].

Именно функция обеспечивает системность речевого общения [Пономаренко 2004: 24; Тарасова 2000: 273]. В сложных системах элементарные частицы или процессы объединяются в целое выполнением общей функции, которая не может быть сведена к сумме функций компонентов [Вацлавик, Бивин, Джексон 2000: 123].

Современное языкознание трактует функцию как способность языковой формы к выполнению определенного назначения [Кубрякова 1987: 139], что, безусловно, является важным для настоящего исследования, где внимание сосредоточено на использовании языка для регуляции межличностных отношений.

Методологически важными для решения этой задачи представляются все изложенные принципы, так как коммуникация представляет собой сложно организованную систему, в значительной мере непредсказуемую и хаотичную, что, в частности, касается и ее интерперсонального аспекта.

Это справедливо и для конфронтационных межсубъектных отношений. Принцип антропоцентризма здесь является главным, поскольку конфронтация принадлежит не к физическому миру, а к миру человека: она возникает в социально-психологическом пространстве путём осознания имеющегося противоречия и возникновения желания дисгармонизировать межличностные отношения. Поскольку конфронтация выходит за рамки вербального взаимодействия, её изучение требует использования принципа экспансионизма, что находит свое проявление в использовании данных социологии, психологии, конфликтологии; это, в свою очередь, повышает степень экспланаторности. Ведущую роль играет принцип функционализма, вследствие ведущей роли функции, её эмерджентности в сложных системах. Направленность анализа «сверху вниз» позволяет подойти к изуче-

нию интерперсонального аспекта коммуникации не как к некой «объективно» существующей вещи («готовому» продукту речи), а как к процессу и результату создания социально-психологической реальности, управляемого целевой установкой конструирования определенных межличностных отношений; к изучению общих тенденций организации вербального взаимодействия как конфронтационного, находящего проявление в комплексах «паттернов отношений и интеракций» [Вацлавик, Бивин, Джексон 2000: 14], и установлению общих закономерностей их языкового воплощения.

Алгоритм и методики моделирования дискурсивной стратегии*

Дискурсивная природа стратегии ориентирует на изучение этого феномена в терминах абстрактных теоретических моделей. Моделирование объекта составляет необходимый компонент его познания [Леонтьев 2003: 9]; понятие модели, методика моделирования представляются наиболее приемлемыми для исследования функциональной сущности языка / речи [Бурбело 1999: 8].

Отмечают, что традиционно это понятие в науке сводилось только к аксиоматическим или только к математическим моделям [Леонтьев 2003: 10], но модели могут быть и когнитивными, где составляющими выступают представления, отношения, ценности, процессы памяти, схемы, ассоциации, последовательности [Белова 1997: 7–8]. Разработка таких моделей является важным шагом на пути развития лингвистического знания, ведь «основой для оценки зрелости любой дисциплины является анализ ее моделей» [там же: 8].

Моделью объекта является любое достаточно правильное, то есть отвечающее требованиям адекватности моделируемого объекта (изоморфности этому объекту) и при этом эвристически значимое (дающее нам новую информацию об этом объекте) описание, соответствующее общим закономерностям моделирования [Леонтьев 2003: 10].

Принципы моделирования сложноорганизованных феноменов опираются на принципы дополнительности и неопределенности: смоделированный объект является изоморфным моделируемому в определенных существенных признаках [Леонтьев 2003: 9], что оставляет пространство для демонстрации других его существенных признаков. Следовательно, комплексный анализ сложного объекта требует разработки нескольких моделей.

* Использованы материалы, опубликованные в: Фролова І. Є. Регулятивний потенціал стратегії конфронтації в англomовному дискурсі: дис. ... доктора філол. наук : 10.02.04 / Фролова Ірина Євгенівна. – Харків, 2015(а). – 508 с.

Именно эти соображения легли в основу предлагаемого алгоритма анализа регулятивного потенциала стратегии конфронтации, состоящего из четырех **этапов** с присущими каждому из них шагами, процедурами, методиками и инструментарием.

На **первом этапе** основной задачей является формирование корпуса исследовательского материала. На этом этапе необходимо осуществить три шага, а именно:

1.1. обосновать целесообразность использования персонажной речи художественных произведений как материала исследования и подобрать источники иллюстративного материала;

1.2. выяснить принципы идентификации дискурсивных фрагментов как реализаций стратегии конфронтации;

1.3. сформировать корпус иллюстративного материала исследования.

Первый *шаг* (1.1.) предполагает использование метода выборочного отбора художественных произведений.

Использование художественных произведений обусловлено отсутствием достаточного количества образцов реального общения англоязычных индивидов в конфронтационных ситуациях, что вполне понятно, поскольку конфликт в западноевропейских культурах относится к интимной сферы индивида [Бублик 2006: 6], а интимное общение является наиболее проблемным с точки зрения его фиксации [Макаров 2003(а): 104].

Художественные произведения предлагают модель реального общения [Tannen 1994], адекватную для лингвистического анализа: по неписаным законам искусства, все, что говорят, пишут и соответственно слышат / читают персонажи, получает статус «реального» существования [Коллегаева 2010].

Материал исследования является аутентичным (британские и американские литературные произведения и кинопроизведения), современным (последние десятилетия), значительным по объему (14 750 высказываний) и разнообразным по содержанию. Популярность отобранных произведений в англоязычном лингвокультурном сообществе свидетельствует, помимо прочего, и о том, что носители языка воспринимают речь персонажей как достаточно близкую к реальности.

Целесообразность использования персонажной речи также обусловлена наличием авторских комментариев или видеоряда, что позволяет наблюдателю реконструировать описанную / изображенную реальность.

Необходимыми для второго *шага* (1.2.) являются методы контекстуального анализа и когнитивно-дискурсивной интерпретации. Последний основан на понятии концептуализации: исследователь берет на себя роль интерпретатора языкового выражения в контексте соответствующего комму-

никативного акта; задачей исследователя-интерпретатора является выведение инференций с учетом как конвенционального содержания, активированного языковыми средствами, так и когнитивных и социально-ситуативных факторов, характеризующих участников коммуникативного акта. Вероятность активации того или иного концептуального содержания, который ассоциируется у коммуникантов с языковой единицей, употребляемой в акте коммуникации, определяется в терминах центральности [Langacker 1987].

Следует отметить, что контекстуальный анализ предполагает учет всех типов контекста, и в том случае, когда непосредственное окружение какой-либо реплики содержит вербальные идентификаторы или опоры конфронтационного смысла, этот метод является достаточным для идентификации дискурсивного фрагмента как реализации стратегии конфронтации на основе анализа контекста текста. Если же такие вербальные идентификаторы / опоры отсутствуют, возникает потребность одновременного применения когнитивно-дискурсивной интерпретации. При этом исследователь-интерпретатор принимает во внимание и подвергает осмыслению более широкий спектр контекстных факторов.

Разнообразие таких факторов ставит проблему избрания подхода, в рамках которого было бы возможным учесть все релевантные. На наш взгляд, это соответствует идеям англоязычных лингвистов, которые предлагают анализ «групповых практик» (*communities of practice, communities of practice approach*), в котором под «группой» понимают коллектив, который занимается совместной деятельностью в типичных условиях. Эти группы динамичны и способны к изменениям, они охватывают основных и периферийных участников и различные сферы общения (профессиональное, семейное, дружеское и т.д.) [Eckert, McConnell-Ginet 1998; Ehrlich 1999; Freed 1999; Holmes, Meyerhoff 1999; Meyerhoff 1999; Mills 2002; Mullany www] и др. Исследователи отмечают, что «способы деятельности, способы общения, верования, ценности, властные отношения – короче говоря, практики – образуются в ходе совместной деятельности» [Eckert, McConnell-Ginet 1998: 490], и «каждая группа формирует модели вербального поведения, которые функционируют несколько отлично в отношении других групп» [Mills 2002].

Релевантность данного подхода для настоящего исследования определяется, в частности, тем, что его авторы справедливо утверждают: вежливость не содержится в языковых формах. Например, выражение «*Do you think it would be possible for you to contact Jean Thomas today?*», трактуемое как вежливое в терминах теории П. Браун и С. Левинсона, может на самом деле быть интерпретировано как конфронтационное, если оно произнесено боссом и адресовано секретарю при условии, что, как правило, они

пользуются неофициальным стилем общения и просьба звучит уже не впервые [Mills 2002]. Это позволяет утверждать, что конфронтационный смысл конструируется субъектами дискурса с опорой на знание, полученное в процессе групповых практик, и именно это знание является основой определения стратегического назначения вербальных единиц, поскольку позволяет устанавливать границы «допустимого».

Параметры допустимости известны всем участникам групповых практик и организуют их речевую деятельность. Например, в следующей ситуации врач Ролинз является новым членом коллектива и воспринимает реакцию главного врача на ее опоздание на собрание как сарказм, то есть проявление конфронтации, но со временем, став частью групповой практики, осознает свою ошибку:

At last she reached the chair. «Dr Rawlings, I presume?» Said the man before she could even sit down, and a titter ran round the room.

«Yes ...» Sandie nodded and gulped.

«I'm so pleased you could spare us the time».

She felt her cheeks flame at his sarcasm. It was only later, when she knew him better, that she would understand that it was not sarcasm – that every word he said was genuine (MacDonald, The Doctor's Special Charm, p. 6).

Таким образом, контекстные факторы проектируются в плоскость групповых практик – способов общения, установленных в соответствии с выработанными определенной группой типичными формами воспроизводства ценностей и норм. Эта проекция определяет диапазон нормативных вариантов и позволяет идентифицировать конфронтацию как способ поведения, не относящийся к такому диапазону. В случае идентификации дискурсивного фрагмента как реализации стратегии конфронтации этот фрагмент включался в корпуса иллюстративного материала методом сплошной выборки, а количество его минимальных единиц (высказываний) было подсчитано (в частности установлено, что это количество колеблется в диапазоне от 1 до 37).

На практике изложенные положения применялись следующим образом: в основу определения высказываний как конфликтогенных была положена идентификация конфронтационного смысла с помощью таких маркеров:

- **первичных** (эксплицитных), к которым относятся номинация *confrontation* или семантически связанные с ней единицы:

Then Tom had hold of his boss and was pulling at him. Tomkin allowed himself to be drawn away from the confrontation but lifted a finger, swung it in the air in Croaker's direction. «I'm warning you,» he cried, «this is harassment. I do not want you near me» (Lustbader, The Ninja, p. 242).

Megan confronted her on it immediately.

«You're jealous of her, are not you, Mom?» (Steel, Bungalow 2, p. 283).

«I've been called as a hostile witness,» I said to the Dunnes. «I'm going my job, that's all».

«Well, you're doing your job badly». Thomas Dunne continued to attack me
(Patterson, Along Came a Spider, p. 345).

«I can not believe you. I thought you were different». She squinted at him, her judicious look. «This is because a woman got your job, is not it?»

«What're we going to now, the fragile male ego?»

«It's true, is not it? You're threatened».

«No, it's not. It's crap. Who's got the fragile ego around here? Your ego's so f
<...> king fragile, you can not even take a rejection in bed without picking a fight».

That stopped her. He saw it instantly: she had no comeback. She sat there frowning at him, her face tight.

«Jesus,» he said, and turned to leave the room.

«You picked this fight», she said.

He turned back. «I did not» (Crichton, Disclosure, p. 130).

При наличии таких маркеров примеры фактического материала однозначно определялись как конфликтогенные высказывания – их смысл объясняется значением выделенных лексических единиц, имеющих в самом высказывании, производимом коммуникантом, или за его пределами – в комментарии автора произведения.

• **вторичные** (имплицитные) маркеры представляют собой вербальные средства, объективирующие негативное эмоционально-психологическое состояние, намерения, оценки субъекта:

«You lost our daughter in Florida. Now you're trying to free her kidnapper.»
I'd had enough from Thomas Dunne finally. He'd made personal attacks on me
in the press and on TV. As much as I wanted to get his daughter back,
I was not about to take any more abuse from him.

«The hell I am!» I shouted back as cameras shushed and whirred around us
(Patterson, Along Came a Spider, p. 345).

В этом примере вербальные средства, подчеркнутые пунктирной линией, содержат эксплицитно описание конфронтационных действий Томаса (*personal attacks on me, abuse*) и объективируют нежелание его оппонента-детектива в дальнейшем мириться с ними (*I've had enough, I was not about to take any more*). Отсюда следует наличие у детектива стратегического намерения: «Если он ведет себя конфронтационно, а я не хочу этого терпеть, я нанесу ему ответный удар», которое сигнализирует о соотнесенности использованных им вербальных средств с конфронтационным смыслом, что подтверждается и описанием невербального компонента коммуникации (*I shouted back*).

Наличие вторичных маркеров, таким образом, позволяет с высокой степенью достоверности классифицировать образцы иллюстративного материала как конфликтогенные высказывания.

- **нулевые** (пресуппозиционные) маркеры, где вербальные средства эксплицитного / имплицитного представления результата рефлексии отсутствуют:

«I'll be home on weekends, Meg», Tanya reminded her again.

«Yeah, right. Whatever», Megan said to her mother and then walked away
(Steel, Bungalow 2, p. 75).

В данном примере опорой конфронтационного смысла выступает всё предыдущее содержание произведения, которое дает возможность реконструировать ситуацию и понять конфронтационность подчеркнутого высказывания в пределах конкретной групповой практики (семьи): Таня, много лет уделявшая основное внимание семье и детям, неожиданно получила возможность сделать карьеру сценариста в Голливуде, но для этого ей надо уехать из дома; все члены семьи, кроме Меган (дочери), не возражают против этого, но Меган очень обижена, она чувствует себя брошенной и считает мать эгоисткой. Учитывая те теплые, близкие отношения, которые еще недавно существовали между матерью и дочерью, ответ Меган объективирует конфронтационный смысл: вполне нормативный и вежливый на первый взгляд, в этой групповой практике он является недостаточно полным, лишенным искренности и теплоты. Отвечая таким образом, Меган дает матери понять: «Мне все равно, что ты будешь делать, ты покинула меня, значит, ты плохая».

При наличии нулевых маркеров связь между определенными вербальными единицами и конфронтационными стратегическими смыслами объективно не зафиксирована, вывод должен сделать исследователь в процессе когнитивно-дискурсивной интерпретации с опорой на свой пресуппозиционный фонд, в который входят и знания, касающиеся содержания произведения, то есть учитываются все слои контекста. Эти примеры являются наиболее проблемными в плане обоснования их конфликтогенного статуса и требуют обязательного комментария.

Однако следует отметить, что в корпусе нашей выборки абсолютное большинство составляют вторичные маркеры (66,1%), тогда как первичные и нулевые зафиксированы в 11,6% и 22,3% случаев соответственно. Следовательно, можно утверждать, что подбор материала по принципу использования пояснительных маркеров позволил свести к минимуму субъективный фактор (первичные и вторичные маркеры составляют в сумме 77,7 %). Изложенные принципы позволили осуществить последний – третий (1.3.) – **шаг** первого этапа исследования: сформировать корпус иллюстративного материала.

Задачей **второго этапа** является выявление объема и содержания стратегически актуального знания о конфронтации (ментального коррелята стратегии конфронтации или ее ментального ресурса) и его схематическое представление.

Исходя из того, что стратегически актуальное знание представлено прототипом и стереотипом, аккумулирующими понятийную, ценностную и ассоциативно-образную информацию, обоснованной является необходимость изучения понятийной (предметное содержание прототипного / стереотипного знания), ценностной (оценка прототипного / стереотипного знания в рамках национального менталитета) и образной (фрагменты концептосферы, стойко ассоциирующиеся представителями национально-языкового коллектива с прототипным знанием) составляющих концепта CONFRONTATION. На этом этапе исследования необходимым является применение (элементов) методов концептуального, этимологического, компонентного, дефинитивного, словообразовательного анализа. К тому же, поскольку стереотипы охватывают как стереотипы-представления, так и стереотипы поведения, целесообразным для представления последних является их моделирование в виде поведенческих сценариев с использованием метода фреймового моделирования.

Результат данного этапа состоит в схематизированном представлении ментальных основ стратегии конфронтации – прототипа (основы глобальной стратегии конфронтации); стереотипного декларативного знания (стереотипов-представлений), лежащих в основе локальных стратегии конфронтации, а также стереотипного процедурального знания (стереотипов поведения), которые формируют основы субстратегий.

Третий этап состоит из трех шагов, поскольку предполагает:

3.1. выявление и описание дискретных контекстно-ситуативных факторов, представляющих ситуацию конфронтации;

3.2. конструирование развёртывания ситуации конфронтации как процесса;

3.3. анализ общеконтекстных факторов, влияющих на реализацию стратегии конфронтации в англоязычном дискурсе.

Первые два *шага* направлены на анализ контекстно-ситуативных факторов и построение двух моделей коммуникативной ситуации конфронтации, которые соответствуют конфликтологичным – вероятностной и структурной [Светлов 2001]. Для этого адекватным является метод фреймового моделирования, необходимый для построения фреймов – репрезентантов концептуализированного знания, когнитивных моделей, представляющих знания и представления об определенной повторяющейся ситуации, в частности ситуации конфронтации.

Первый *шаг* (3.1.) предполагает понимание коммуникативной ситуации как «застывшего» момента общения – конфигурации определенных контекстно-ситуативных факторов. Эта модель является вероятностной, так как дискретное представление ситуативных факторов (коммуниканты, мотив, время, место и т.д.) и анализ их характеристик предназначены для выяснения потенциальных возможностей совокупности этих факторов с высокой степенью вероятности представлять определенный тип коммуникативной ситуации, а именно – ситуацию конфронтации.

Исходя из того, что типичная ситуация представлена пропозициональной моделью, для построения этой модели целесообразно использовать акциональный фрейм с возможным привлечением слотов других базисных фреймов (предметного, посессивного, идентификационного, компаративного) [Жаботинская 2010].

Схематическое дискретное представление ситуации конфронтации дополняет информацию о стратегически актуальном знании: если систематизация этого знания показывает, что англоязычные коммуниканты знают о конфронтационном общении, то описание в дискретном / вероятностном ключе ситуации конфронтации дает представление о том, какой набор / какая конфигурация ситуативных факторов и их характеристик устойчиво ассоциируется в коллективном сознании носителей английского языка с ситуацией конфронтации.

Следующий *шаг* (3.2.) предполагает построение модели, демонстрирующей способ развертывания ментальных структур от актуального к актуализированному знанию, то есть процесс актуализации знания или же выяснение «способа связи элементов в целое» [Светлов 2001: 3], демонстрацию последовательного прохождения различных фаз конфронтационной ситуации.

Элементы данной модели представляют составляющие коммуникативной ситуации как последовательность или континуум: фрагмент мира – ситуация → образ фрагмента мира – ментальная репрезентация → дискурсивная реализация – языковая объективация ментальной репрезентации. Вполне очевидно, что в общих чертах составляющие этой модели совпадают с фазами речевого события: движение к критической точке – доречевая фаза, критическая точка – речевая фаза, состояние после критической точки – постречевая фаза [Степанов 2001: 249], что, по мнению исследователей, дает основания развития фазовой модели коммуникативной ситуации, которая представляет определенную коммуникативную ситуацию в развитии и может быть охарактеризована как сценарий.

Поскольку эта – структурная / фазовая – модель демонстрирует процесс формирования, реализации и осмысления стратегического намерения, ее необходимо дополнить описанием общеконтекстных факторов, в частности

отношения к этому намерению носителей национально-языкового менталитета с привлечением данных лингвокультурологических исследований. Именно это и является задачей третьего (3.3.) *шага* данного этапа исследования.

На **четвертом этапе** в фокус внимания попадает речевой потенциал стратегии конфронтации и построение ее динамической модели.

Динамический характер последней и основной модели проявляется в том, что реализации дискурсивной стратегии систематизируются по принципу их соответствия концептуальным структурам, представленным предыдущими моделями. Критерием систематизации при этом выступают лингвальные особенности реализаций стратегии.

Варьирование статуса единиц, составляющих вербальный план дискурсивных реализаций стратегии (целый диалогический текст, его фрагмент, произвольный отрывок, высказывание) и разноплановость функциональных характеристик высказывания вызывают необходимость учёта (по принципу дополненности и неопределенности) различных аспектов – структурно-интеракционального, содержательного, прагматического – и применения соответствующих этим критериям методов: конверсационного анализа, анализа текста (интерпретации текста), речеактового / прагмасемантического анализа. Таким образом сохраняется схема традиционного коммуникативно-прагматического исследования (структурный – содержательный – функциональный аспекты [Карабан 1989: 11]); но в коммуникативно-ориентированном анализе дискурса она претерпевает изменения, вызванные множественностью свойств исследуемых единиц и их анализом с учётом контекста реализации.

В целом, четвертый этап исследования охватывает такие четыре шага:

4.1. анализ реализаций стратегии конфронтации в указанных аспектах, что дает возможность выяснить потенциал типичных диалоговых, тематических, иллокутивных характеристик реализаций стратегии конфронтации;

4.2. установление всего потенциала речевых характеристик реализаций стратегии конфронтации построение матрицы речевых средств реализаций стратегии конфронтации (см. аналогичные модели в [Рябих 2014; Юшкевич 2015]). Деятельностный характер такого схематизированного представления речевого потенциала стратегии конфронтации проявляется в том, что в каждой реализации индивид, чье сознание содержит знания о потенциале речевых возможностей достижения данной стратегической цели, выбирает одно или несколько из этих средств, заполняя таким образом одну / несколько ячеек матрицы, и оставляя пустыми другие;

4.3. установление потенциала речевых стратегий стратегии конфронтации и тактик путем определения речевого стратегического / тактического

назначения всех характеристик высказываний в реализациях стратегии конфронтации; выявление взаимосвязей между языковыми средствами, тактиками и стратегиями; установление количественных показателей тактик стратегии конфронтации в институциональном / неинституциональном англоязычном конфронтационном дискурсе, что предполагает использование метода количественного анализа;

4.4. выявление статуса тактик (основные, вспомогательные, второстепенные), сочетаемости тактик в дискурсивных реализациях; корреляций между тактиками, речевыми стратегиями, субстратегиями и локальными стратегиями конфронтации.

Инструментарий исследования представлен положениями коммуникативно ориентированных лингвистических теорий, рассматривающих высказывание как единицу организации структуры диалоговой интеракции, минимальную единицу текста (тематизированное высказывание), РА. Важным для изучения стратегии конфронтации является характеристика данных единиц как соответствующих / несоответствующих речевым нормам взаимодействия в англоязычном социуме.

Единицы структурной организации диалога – акт, ход, обмен [Sinclair, Coulthard 1975; Sacks, Schegloff, Jefferson 1974; Schegloff, Sacks 1973; Stubbs 1983; Tsui 1995] выполняют функцию развертывания вербального взаимодействия на основе предсказуемости, соответствия ожиданиям, соблюдения конверсационных правил [Аристов 2001], что соответствует речевой норме, нарушение которой служит причиной торможения / прерывания диалога.

Единицы содержательной организации текста – тематизированные высказывания – выполняют функцию передачи предметной / модальной информации, целостности и связности изложения на основе привлечения социального коммуникативного опыта, что соответствует норме, нарушение которой дезорганизует содержание общения и/или определяет его характер как негативный.

Тема в исследовании трактуется как ментально-вербальный конструкт, представленный иерархией: макротема и микротемы, где последняя соотносится с референтной ситуацией, воплощенной в когнитивно-семантическом содержании высказывания [Кудоярова 2007]. Это содержание целесообразно разделять на фактуальную (предметную) и модальную составляющие [Гальперин 2007: 27–28]. Иерархическая структура темы позволяет изучать содержание в дискретном измерении (как множество микротем); в то время как наличие связей между тематизированными высказываниями даёт возможность проводить содержательный анализ в линейном измерении.

Единицы интенциональной природы – речевые акты – мы понимаем как иллокутивно-перлокутивные образования, связанные отношениями конверсивности. Это дает основания охарактеризовать типы РА: репрезентатив – предоставлять-получать (информацию); экспрессивы – выражать-чувствовать (эмоции и т.п.); директивы – побуждать-принуждать; комиссивы – гарантировать – осуществлять (действие) [Сёрл 1986]. Линейные цепочки РА образуют сложные – комплексные, композитные, составные РА [Карабан 1989]. Трактовка определенных типов РА как ингерентно вежливых / невежливых [Leech 1983] обуславливает их соответствие / несоответствие речевой норме.

Лингвокогнитивные схемы реализации дискурсивной стратегии конфронтации*

Стратегически актуальное знание о конфронтации является частью дискурсообразующего концепта CONFRONTATION. Имя концепта – существительное *confrontation* уходит корнями в латынь (*confrontari* от *frons* – лоб [Ultralingua и др.]), что определяет его первообраз как «столкновение лбами». В современном английском языке основными лексико-семантическими вариантами в семантической структуре *confrontation* являются: 1) *a meeting of persons (hostile / opposing groups) face to face*; 2) *a clash / conflict of ideas, opinions, interests*. Существительное *confrontation* является промежуточным звеном процесса деривации: оно образовано от глагола *confront* и сохраняет в процессе номинализации акциональную основу, характеризующую конфронтацию как событие столкновения. Стратегически актуальное знание о конфронтации основывается на прототипе – ВРАЖДЕБНОСТЬ (*hostile – of or relating to enemy* [MWCD]), что составляет основу глобальной стратегии конфронтации, формируя в сознании англоязычных коммуникантов смысл – МЫ ВРАГИ.

Прототипическое знание конкретизируется в стереотипах-представлениях, культурно-социально маркированных структурах знания, содержание которых противоположно «сохранению лица» [Goffman 1972]), созданию чувства комфорта у собеседника [Lakoff 1973; Leech 1983 и др.]. Стереотипные представления о конфронтации предстают в виде двух ментальных моделей: Я ВЫСШИЙ – ТЫ НИЗШИЙ, Я ХОРОШИЙ – ТЫ ПЛОХОЙ, лежащих в основе *локальных* стратегий конфронтации: **доминирования-дискриминации и восхваления-дискредитации.**

* Использованы материалы, опубликованные в: Фролова І. Є. Регулятивний потенціал стратегії конфронтації в англomовному дискурсі: автореф. дис. на здобуття наук ступеня доктора філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / І. Є. Фролова. – Харків, 2015(б). – 36 с.

Прототип и стереотипы-представления охватывают декларативное знание о конфронтации, то есть знание о том, что представляет собой эта сущность. Процедуральное знание – информация о том, как может быть использовано декларативное знание, схематически представлено в стереотипах поведения – когнитивных сценариях, на которых основываются **субстратегии конфронтации**:

- **ДЕМОНСТРИРУЙ ВЛАСТЬ** (акцентируй свою высшую позицию и низкую позицию другого) – субстратегия демонстрации власти;
- **БОРИСЬ ЗА ВЛАСТЬ** (стремись повысить собственную позицию и понизить позицию другого) – субстратегии борьбы за власть;
- **ПРИНУЖДАЙ** (повелевай, навязывай; не оставляй выбора другому) – субстратегии принуждения;
- **ЗАХВАТЫВАЙ ПРОСТРАНСТВО** (расширяй границы собственного пространства – чрезмерно отдаляйся; вмешивайся в личностное пространство другого – чрезмерно приближайся) – субстратегии захвата пространства;
- **ОСУЖДАЙ** (акцентируй собственную положительную оценку и негативную оценку другого) – субстратегии неодобрения;
- **ДЕМОНСТРИРУЙ НЕУВАЖЕНИЕ** (акцентируй собственные потребности, желания, интересы / игнорируй потребности, желания, интересы другого) – субстратегия неуважения.

Моделирование данных сценариев осуществлено методом «от противного» с опорой на максимы вежливого общения [Leech 1983] и правила поведения, ориентированные на то, чтобы собеседник чувствовал себя комфортно [Lakoff 1973: 302]. Субстратегии конфронтации актуализируются в дискурсе полностью / частично, отдельно / вместе, например, *субстратегия принуждения* реализована отдельно и полностью:

You are not to see that boy again, do you understand me, Rose? I forbid it!
(Titanic).

В следующем фрагменте субстратегия борьбы за власть реализована частично (коммуникант стремится повысить свою позицию, однако не желает целью понижать позицию другого):

«Excuse me», I said in a demanding tone, «I have repeatedly requested a phone, and I'm beginning to feel like I'm in prison»
(Cornwell, Unnatural Exposure).

В другом примере субстратегия захвата пространства и неуважения реализуются одновременно: возмущенный поведением своего коллеги Ника, полицейский вмешивается в его личностное пространство, намекая на прежние служебные неприятности (использование обращения *shooter* имеет целью напомнить Нику, что он когда-то убил нескольких людей); это одно-

временно является и проявлением неуважения, усиленным инвективами и угрозами:

Curran: You f<...>ked yourself, shooter. You hear me? You are out! You are out! (Basic Instinct)

Оценка понятийного смысла стратегически актуального знания о конфронтации **остаётся** несколько амбивалентной (ср. *A bad peace is better than a good quarrel. If you throw mud enough some of it will stick u Best defense is offence. War is the sport of kings*). Противоречива и оценка вербальной конфронтации: с одной стороны, она может предотвратить более серьёзное и худшее – вооруженное – противостояние (*When guns speak it is too late to argue*), она является менее опасной (а значит, лучшей) по сравнению с физическим противостоянием (*Hard words break no bones*), но, с другой стороны, речь идет об обратном (*Many words hurt more than swords*). Однако негативная оценка превалирует: проявления конфронтации в англоязычной лингвокультуре воспринимаются как нежелательные и нормативные [Zyuganov www].

Образная составляющая стратегически актуального знания, которая поддерживает его понятийный смысл, охватывает концептуальные метафоры CONFRONTATION IS WAR, CONFRONTATION IS PLAY (GAME), CONFRONTATION IS DISEASE [Ермолаева 2005: 158]. Использование метафоры войны для экспликации концептуального содержания GAME [Рожкова 2008: 72] и DISEASE [Акаева 2006] определяет доминирующую позицию концептуального трансфера CONFRONTATION IS WAR в совокупном метафорическом образе конфронтации.

Предпосылка использования стратегически актуального знания – формирование у субъекта ментальной репрезентации **ситуации конфронтации**. Обязательными составляющими этой **дискретной** модели являются:

- коммуникативно-позиционные роли говорящего и адресата, мена которых происходит между субъектами;
- психологическая роль АГРЕССОР, свойственная говорящему;
- причина – наличие внутриличностного или межличностного противоречия (Я ПРОТИВ Я, Я ПРОТИВ ДРУГОЙ);
- мотив – причинение вреда другому,
- цель – дисгармонизации межличностных отношений;
- объект – материальный, духовный, властный ресурс, к обладанию которым стремится субъект;
- малефициант – коммуникант, на которого направлено действие АГРЕССОРА;
- инструмент воздействия – вербальные средства-носители конфронтационных смыслов.

Относительно последнего следует отметить, что среди реализаций стратегии конфронтации не зафиксированы высказывания-стратегические перформативы; эти высказывания варьируют в диапазоне соответствующие / несоответствующие стереотипам речевого поведения в ситуации конфронтации, что указывает на наличие речевых стратегий открытой / скрытой конфронтации.

Варьирование характеристик фактора «причина» обуславливает наличие двух вариантов модели, которые являются качественно различными: в случае наличия межличностного противоречия субъект, реализуя стратегии конфронтации, дисгармонизирует отношения с собеседником ради устранения этого противоречия, например:

«I will not have you whining to the press about something that's entirely your own fault. If you want to marry into a bunch of crooks, take the consequences and keep me out of it» (Francis, Break In).

В то же время, в случае внутриличностного противоречия, субъект прибегает к реализации стратегии конфронтации только для того, чтобы избавиться от негативных эмоций, фрустрации, дискомфорта. Стремясь к катарсису, он демонстрирует «перенесенную агрессию» [Гришина 2002: 83], создавая из собеседника врага, отводя ему роль «козла отпущения» [Джерелиевская 2000: 30], например, озлобленный домашними неурядицами и униженный в семье, мужчина, придя на работу, обижает подчиненных без всякой видимой причины:

«Think we could do with some new chairs in here?»

«Oh, yes, Mr Wilcox, these are ever so hard».

«I did not mean your chairs. I mean for visitors» (Lodge, Nice Work).

Очевидно, что в последнем случае (т.е. при наличии внутриличностного противоречия) общение носит деструктивный характер [Волкова 2014], тогда как в случае межличностного противостояния, наряду с ухудшением межличностных отношений может присутствовать и некий конструктив (к примеру, оптимизация профессиональной деятельности).

В процессе реализации стратегии конфронтации ситуация конфронтации активизируется в сознании как **процессная** модель, совокупность ряда когнитивно-коммуникативных механизмов, а именно:

(1) интеллектуальной деятельности – формирование ментальной репрезентации ситуации конфронтации;

(2) когнитивно-психологической деятельности – формирование потребности / желания перевода этого латентного ментального конструкта в активированное состояние, формирование соответствующих мотива и интенции;

(3) речевой деятельности – вербальной объективации ментальной репрезентации ситуации конфронтации и формирования в сознании коммуникантов конфронтационного смысла.

Последовательное прохождение всех этих этапов представляет структуру реализации стратегии конфронтации в дискурсе – совокупность составляющих этого процесса и связей между ними. Воспроизведение всех составляющих этого процесса в иконическом виде имеет структурирующую способность, иными словами, образует фрагменты конфронтационного дискурса. Видоизменение или отсутствие какой-либо из составляющих (соответствующей интенции, адекватной интерпретации и т.д.) размывает четкость границ этой разновидности дискурсивной деятельности. Вне границ конфронтационного дискурса находятся: (1) конфронтационные действия, не содержащие вербальной составляющей; (2) аутоагрессия и заочная агрессия, которые не оказывают регулятивного воздействия на межличностные отношения.

Выбор субъекта в пользу реализации стратегии конфронтации подвергается влиянию *общеконтекстных факторов*, которые ориентируют его избегать конфронтации как коммуникативной антинормы. Для англоязычного социума характерно вытеснение враждебности за пределы повседневной практики, в частности в сферы спорта, юмора и т.д. [Gorer 1955]. Однако внедряемые социальными институтами и одобряемые обществом нормы самоконтроля [Стернин 2003: 47], политкорректности [Яворская 2000] и др. входят в противоречие с такими культурными ценностями, как индивидуализм, эгоцентризм, стремление к успеху, самоуважение, амбициозность, независимость [Леонтович 2005: 243]. Кроме того, признают, что есть нормы более приоритетные нежели межличностная гармония – принципы, за которые стоит умереть [Grimshaw 1976: 121]. Отношение к конфронтации также является разным в разных социальных группах [Щетинина 2006], существуют различные психологические типы индивидов [Джерелиевская 2000: 126–127], в том числе «конфликтные личности» [Анцупов, Шипилов 2008]. Таким образом, хотя субъект, реализуя стратегии конфронтации в англоязычном дискурсе, понимает, что это противоречит общественным нормам и ценностям, именно ему принадлежит приоритет в выборе следования им или же пренебрежение ними.

Вербальные характеристики реализации дискурсивной стратегии конфронтации*

Разноаспектные речевые характеристики высказываний в реализациях СК являются стандартными – соответствующими речевой норме, или специфическими, демонстрирующими отклонения от этой нормы или ее нарушение.

К стандартным характеристикам относятся: сочетание различных типов актов в речевых ходах, разная длина хода, инициальность / респонсивность хода, реакция принятия в респонсивном ходе, нейтральная тема, развитие совместной тематической линии при наличии между микротемами связей различных типов, РА репрезентативы и квеситивы и др.

Выявленные специфические характеристики высказываний, реализующих стратегии конфронтации, охватывают такие:

- псевдоглавный акт (вопрос, на который говорящий сам даёт ответ):
«*Why always so many different names for drugs? Certainly not to help patients or their doctors. The only reason anyone can think of is to sow confusion and aid the drug firms when there's trouble*» (Hailey, Strong Medicine).
- псевдоинициальный ход (прибегая к оскорблению, коммуникант задаёт вопрос, на который не ожидает ответа):
«*Is there anything you need here, Mr Wilson?*»
He gave her a toothless smile. «*A piece of ass, baby. You interested?*»
(Sheldon, Rage of Angels).
- нефункциональная отсрочка в респонсивном ходе (переспрашивание не имеет целью уточнение, а является лишь только выражением негативно-го эмоционального состояния):
«*Marielle, how could you?*»
«*How could I what? Tell him the truth?*» (Steel, Vanished).
- реакция неприятия в респонсивном ходе:
«*It's disgusting. You've gone to pieces*» «. ...
«*Leave me alone*» (Sillitoe, The Widower's Son).
- несогласованное взятие хода при отсутствии поддержки:
«*I knew it was you, you dirty -*»
«*-we'll See how long you remain a lieutenant -*»
«*-you -*»
«*-reassigned Now to this case Nicholas was hired for, so I guess we'll be seeing a lot of each other*» (Lustbader, The Ninja).

* Использованы материалы, опубликованные в: Фролова І. Є. Регулятивний потенціал стратегії конфронтації в англomовному дискурсі: автореф. дис. на здобуття наук ступеня доктора філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / І. Є. Фролова. – Харків, 2015(б). – 36 с.

- удержание хода:

«Do not interrupt», said Leamas fiercely. «Just damn well wait till I've finished, do you mind? Your membership card for this place is made out for someone called Murphy. Is that your name?»

(Le Carré, *The Spy Who Came In From The Cold*).

- нулевая тема (бессодержательные, десемантизированные высказывания-инвективы):

Doug Drug pulled a filthy rag out of the pocket of his jacket. «Hey, stick this in your mouth, Benz».

*«Get f<...>ked», said Benz (Tanenbaum, *Enemy Withing*).*

- табуированная тема:

«How come you're hiding what you are? Because you're a Jew?»

(Isaacs, *Red, White and Blue*).

- модус негативной оценки:

*«I know of you and your filthy reputation» (Quinell, *Siege of Silence*).*

- модус противопоставления:

«You bloody can not», he said furiously.

«I bloody can. You started this. You damn well take the sequences»

(Francis, *Twice Shy*).

- развитие различных тематических линий:

Melanie Kramer: I'm not talking to you!

Benson: Melanie, I know that you think that I want to hurt you and your family, but that is not true.

Melanie Kramer: Just go away!

Benson: Melanie, do you know what happened the night that you came to the hospital?

Melanie Kramer: I'm not listening!

Benson: Something terrible. Abraham is a liar. He killed your little brother

(Law and Order, *Charisma*).

- навязывание развития собственной тематической линии:

Dr. Huang: If you will not take care of yourself, you have to allow us to -

*Stabler (yelling): If you stayed out of my head and let me do my job, there would not be a problem (Law and Order, *Charisma*).*

- прерывание тематической линии:

«I thought you could recommend to me more reading material», Jaya said.

«I can recommend an entire library», Edward said. «It's only a hundred yards away». He pointed in the general direction of the Countway Medical Library.

«There comes a time in everybody's life when they have to cut the umbilical cord. Do a little work on your own!»

*Jaya lowered his head and silently exited (Cook, *Acceptable Risk*).*

- РА-экспрессивы негативной эмоциональности [Биценко 2004], направленные на адресата:

Woman 1: (yelling) You are a slave to the devil! Murderer!

(Law and Order, Charisma).

- РА комиссивы-угрозы, направленные на адресата:

«*Disrespect me again, asshole, and I'll kick your guts out and make you eat 'em*» (Patterson, Step on a Crack).

MEISEL (to Heath): Look, either you put a stop to this happy horseshit or I walk (Devil's Advocate).

- РА квеситивы (с негативным экспрессивным компонентом):

Where have you damned well been? (Francis, Twice Shy).

- РА директивы (с экспрессивным компонентом):

KEVIN: Get the hell out of my way (Gettys standing aside)

(Devil's Advocate).

- контактивы (атипичные метакоммуникативы, предназначенные для прерывания вербального контакта, либо отсутствующие контактивы):

Benson: Sweetheart, listen to me.

Melanie Kramer (yelling): Shut up! (Law and Order, Charisma).

«*This uncooperative attitude is not doing you any good*», he said and slammed the door behind him (Pratchett, Reaper Man).

- сложные РА (преимущественно комплексные), охватывающие перечисленные акты-функции:

«*Do not speak, mind it – or I'll do you both*», bawled Florius frantically

(Davis, The Jupiter Myth).

Все выявленные характеристики высказываний представляют собой набор, зафиксированный сознанием англоязычных коммуникантов как матрица – совокупность средств реализации стратегии конфронтации.

Характеристики высказываний, имеющиеся в реализациях стратегии конфронтации, представляют собой **тактические средства** и составляют основу соответствующих тактик – структурно-интеракциональных, содержательных, речеактовых. Разноаспектные тактики, основанные на средствах, коррелирующих с нарушением речевой нормы, относятся к речевой стратегии открытой конфронтации; те тактики, средства которых демонстрируют соответствие речевой норме, представляют речевую стратегию скрытой конфронтации.

Тактики речевой стратегии открытой конфронтации существенно преобладают среди содержательных и акторечевых, тогда как среди структурно-интеракциональных незначительное преимущество имеют тактики скрытой конфронтации.

Тактики конфронтации имеют разный статус, в частности:

- основные тактики задействованы непосредственно для конструирования конфронтационных смыслов;
- вспомогательные тактики способствуют образованию этих смыслов, но не способны самостоятельно конструировать их;
- второстепенные тактики не участвуют в конструировании конфронтационных смыслов, но служат их фоном, создают условия их появления.

Основные тактики зафиксированы среди содержательных (тактики вторжения в пространство другого, противодействия, прерывания общения, негативной оценки) и речеактовых (тактика эмоциональной разрядки, негативной оценки, угрозы, прерывание общения, грубого побуждения) вспомогательные тактики представлены структурно-интеракционными (тактики усиления собственной инициативы, захват / удержание / перехват инициативы, торможения / прерывания диалогового взаимодействия, конверсационного манипулирования) и содержательными (тактики захвата / удержания / перехвата инициативы, нарушения требований связности); второстепенные тактики охватывают: структурно-интеракционную (тактика развития диалогового взаимодействия), содержательную (тактика соблюдения требований нейтральности и связности) и речеактовую (тактика использования нейтрального речевого действия).

Например, в следующем фрагменте основной является содержательная тактика (вторжение в пространство другого – тема, нежелательная для Паттерсона); структурно-интеракционная тактика (развитие диалогового взаимодействия) и акторечевая тактика (использование нейтрального речевого действия) являются второстепенными, так как они обеспечивают условия тематического развития:

«Are you involved with her, Mr Patterson?»

«Of course not!» He roared. «I never get involved with my secretaries!»

«And who was your last secretary before Miss Sanders?»

«My wife» (Steel, Vanished).

Данные количественного анализа свидетельствуют, что тактики речевой стратегии **открытой конфронтации** чаще реализуются в менее нормированном – неинституциональном англоязычном конфронтационном дискурсе, тогда как тактики речевой стратегии скрытой конфронтации количественно преобладают в его институциональном типе. При этом численное преимущество тактик стратегии открытой конфронтации в неинституциональном конфронтационном дискурсе касается только содержательных и акторечевых тактик, тогда как преимущество структурно-интеракционных тактик этой речевой стратегии в неинституциональном конфронтационном дискурсе крайне незначительно.

Каждое высказывание обладает одновременно разноаспектными речевыми характеристиками, поэтому тактики конфронтации сочетаются между собой, при обязательном наличии в таких сочетаниях не менее одной основной тактики, которая выступает опорой построения конфронтационного смысла. Если разноаспектные тактики выполняют одну и ту же функцию, они объединяются, например, тактика негативной оценки имеется среди содержательных и речеактовых; тактика прерывания общения зафиксирована среди содержательных и структурно-интеракционных. Сочетание тактик также свидетельствует о возможности объединения речевых стратегий открытой / скрытой конфронтации. Между тактиками речевых стратегий открытой / скрытой конфронтации и субстратегиями конфронтации существуют связи, однако они являются нечеткими и нелинейными, поскольку ни одна из речевых стратегий не имеет четкой привязки к той или иной субстратегии.

В целом же выбор из немалого множества имеющихся вариантов и констелляция речевых характеристик высказываний, актуализирующих стратегии конфронтации в англоязычном дискурсе, является динамическим процессом, осуществляемым субъектом дискурса. Специфика этого выбора, так же как и выбора субстратегий и локальных стратегий, нелинейность связей между актуальным и актуализированным знанием раскрывают суть использования субъектом регулятивного потенциала в англоязычном дискурсе и свидетельствуют о значительной роли индивидуального фактора в применении общего знания.

Выводы

В проведенном исследовании дискурсивная стратегия определяется как вербально реализованное намерение говорящего достичь определенной внеречевой цели. Такое намерение формируется на основе общего коллективного знания о способах поведения в той или иной лингвокультуре, оценивается как адекватное для достижения желаемых социально значимых целей в конкретной ситуации общения и актуализируется высказываниями, содержащими вербальные опоры стратегических смыслов, конструируемых субъектами взаимодействия.

Дискурсивную стратегию, ориентированную на нарушение межличностной гармонии, мы трактуем как стратегию конфронтации на основе таких категориальных признаков:

- экзистенционального (наличие противоречия), выступающего интегральным, т.е. относящего конфронтацию к массиву разнообразных конфликтных явлений;

- социального (дисгармония межличностных отношений), являющегося дифференциальным, т.е. позволяющим отграничить конфронтацию от иных конфликтных явлений;

- репрезентационного (вербальная форма), представляющего собой дополнительную дифференциальную характеристику, позволяющую отграничить вербальную конфронтацию от иных ее проявлений.

Когнитивно-коммуникативная и эколингвистическая методологическая основа нашего анализа позволила разработать конкретные принципы исследования дискурсивной стратегии конфронтации в англоязычном дискурсе. Главным из них является интеграция коммуникативного и когнитивного векторов анализа, что существенно расширяет и модифицирует трактовку структуры дискурсивной стратегии, предложенную Т. А. ван Дейком.

В частности, характеристика стратегии как коммуникативной вербально объективированной сущности дополнена когнитивной составляющей – лингвокультурным дискурсообразующим концептом CONFRONTATION, часть которого представляет собой стратегически актуальное знание.

Понятийная составляющая данного концепта формирует ментальные основы глобальной стратегии конфронтации (прототипное знание МЫ ВРАГИ) и ее локальных стратегий – дискриминации и дискредитации (стереотипы-представления): Я ВЫСШИЙ – ТЫ НИЗШИЙ, Я ХОРОШИЙ – ТЫ ПЛОХОЙ.

Локальные стратегии конкретизируются в субстратегиях, в основе которых лежат поведенческие стереотипы, смоделированные в виде когнитивных сценариев (ДЕМОНСТРИРУЙ ВЛАСТЬ – субстратегия демонстрации власти, БОРИСЬ ЗА ВЛАСТЬ – субстратегия борьбы за власть, ПРИНУЖДАЙ – субстратегия принуждения, ЗАХВАТЫВАЙ ПРОСТРАНСТВО – субстратегия захвата пространства, ОСУЖДАЙ – субстратегия неодобрения, ДЕМОНСТРИРУЙ НЕУВАЖЕНИЕ – субстратегия неуважения).

Ценностная составляющая стратегически актуального концептуального знания представлена в основном негативной оценкой: конфронтация в англоязычном лингвокультурном сообществе является анти-нормой.

Образная составляющая формируется метафорами CONFRONTATION IS WAR / PLAY (GAME) / DISEASE, причем в совокупном метафорическом образе, поддерживающем понятийное содержание, доминирует когнитивная метафора войны.

Моделирование содержания стратегически актуального знания дает представление о том, что англоязычные коммуниканты знают и думают о конфронтации как типе вербального межличностного взаимодействия.

Для исследования способов и средств применения данного знания в коммуникации разработаны модели, представляющие ситуацию конфронтации

дискретно и процессно. Дискретное моделирование ситуации конфронтации соответствует вероятностной конфликтологической модели, поскольку дает представление о том, какой набор ситуативных факторов и их характеристик с наиболее высокой степенью вероятности формирует у субъекта ментальную репрезентацию данной ситуации. К обязательным составляющим ситуации конфронтации относятся коммуникативно-позиционные роли говорящего и адресата, свойственная говорящему психологическая роль АГРЕССОРА, причина – наличие межличностного либо внутриличностного противоречия, мотив – желание нанести вред собеседнику, цель – дисгармонизация межличностных отношений, объект – материальный, духовный, властный ресурс, малефициант-коммуникант, на которого направлено действие агрессора, инструмент действия – вербальные средства-носители конфронтационных смыслов.

Формирование в сознании субъекта ментальной репрезентации ситуации конфронтации открывает возможность реализации в дискурсе соответствующей стратегии, то есть стратегии конфронтации. Хотя общеконтекстные факторы – культурно-социальные нормы и ценности – ориентируют субъекта избегать конфронтации в общении, он/она тем не менее, осознавая ненормативность своих действий, может прибегать к ним, отдавая приоритет собственным потребностям и желаниям. В этом случае ситуация конфронтации получает процессное измерение, которое соответствует структурной конфликтологической модели и позволяет представить данную ситуацию как совокупность когнитивно-коммуникативных механизмов, результатом которых является дискурсивная реализация стратегии конфронтации. В частности, имеет место интеллектуальная деятельность (осмысление конкретного момента общения и формирование ментальной репрезентации ситуации конфронтации), когнитивно-психологическая деятельность (формирование потребности, желания, мотива, интенции объективировать данную ментальную репрезентацию), речевая деятельность (вербальная объективация ситуации конфронтации и формирование в сознании коммуникантов конфронтационного смысла). Структурная модель манифестирует дискурсообразующий потенциал стратегии, в частности способность стратегии конфронтации к формированию фрагментов конфронтационного дискурса: границы таких фрагментов ограничены реализациями данной стратегии, осуществляемыми одним или более чем одним коммуникантом.

Построение описанных моделей позволяет перейти к основному этапу лингвистического исследования стратегии конфронтации, суть которого в анализе вербальных средств ее реализации в англоязычном дискурсе, установление потенциала речевых стратегий, тактик и соответствующих

им характеристик высказываний. К основным принципам данного анализа относятся следующие:

- приоритетными являются когнитивно-коммуникативные факторы, позволяющие интерпретировать высказывание как объективаторы конфронтационных смыслов путем соотнесения характеристик высказывания с контекстом его реализации;
- характеристики высказывания рассматриваются в терминах дополнительности как его структурно-интеракциональные, содержательные, речевые функциональные свойства.

Критерием систематизации речевых стратегий выступает речевая норма: отклонение от этой нормы соотносится с речевой стратегией открытой конфронтации, соблюдение нормы – с речевой стратегией скрытой конфронтации. Тактики данных стратегий охватывают основные, т.е. конфликтные, непосредственно объективирующие конфронтационные смыслы, а также вспомогательные, способствующие образованию этих смыслов, и второстепенные, создающие условия конструирования смыслов, причем наличие по крайней мере одной основной тактики является обязательными в реализации стратегии конфронтации.

В англоязычном дискурсе речевая стратегия открытой конфронтации представлена основными и вспомогательными, стратегия скрытой конфронтации – вспомогательными и второстепенными тактиками. Основные тактики зафиксированы среди содержательных и речевых, вспомогательные – среди структурно-интеракциональных и содержательных, второстепенные – среди структурно-интеракциональных, содержательных и акторечевых.

Таким образом, реализуя свою стратегическую цель нарушения гармонии в межличностных отношениях, субъект дискурса осуществляет выбор и констелляцию тех элементов концептуализированного внеязыкового и языкового знания, которые, с его точки зрения, являются оптимальными.

Принимая во внимание тот факт, что поликодовость дискурсивной стратегии конфронтации (участие невербальных компонентов коммуникации в ее реализации в англоязычном дискурсе), особенности применения данной стратегии в британской и американской лингвокультурах и ряд иных проблем не получили освещения в рамках проведенного анализа, перспективной представляется дальнейшая разработка данной проблематики и исследовательской методологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Монография содержит обобщение методологических основ подхода, развиваемого в Харьковской лингвистической школе когнитивно-дискурсивной лингвистики. Данную школу отличает трактовка дискурсивной деятельности на базе ментальных процессов, а также дополнение концепции когнитивно-коммуникативной парадигмы знаний принципами единства социума – мышления – языка, принятыми в эколингвистике, что продолжает общую линию развития современной науки по пути синтеза парадигм.

Изложены принципы когнитивно-дискурсивных исследований и предложены апробированные методики анализа картины мира, концептов коммуникативного поведения и дискурсивной стратегии конфронтации, которые соответствуют различным векторам анализа: преимущественно когнитивному, коммуникативно-прагматическому либо интегративному когнитивно-дискурсивному.

В рамках обоснованного в монографии интегрированного когнитивно-коммуникативного эколингвистического подхода коммуникация понимается как целенаправленное, мотивированное, регулятивное когнитивно-семиотическое взаимодействие групп и индивидов (раздел 1). В процессе коммуникации в силу общности телесного, социального и психического опыта коммуникантов конструируются общие значения, что обеспечивает выживание человека как вида.

Логика исследования коммуникации позволила предложить методологию и алгоритм анализа лежащей в ее основе картины мира – динамичной когнитивной структуры, глобального представления о мире, результата обобщения чувственного опыта познания (раздел 2). Картина мира моделируется в виде разнообразных концептуальных структур, одной из которых служит динамическая матрица доменов, т.е. их набор, дающий онтологическое обоснование происхождения, составляющих, типов, качеств, метафорических коррелятов и других характеристик исследуемых сущностей. Матричное моделирование фактически представляет собой реконструирование фрагмента картины мира, актуализованного лексическими средствами языка, которые включены в определенный тип дискурса.

Основываясь на постнеклассическом подходе к речевой деятельности и исходя из понимания коммуникации как системы, когнитивно-дискурсивный подход трактует дискурс как гештальт, средство осуществления мышления и способ коммуникации, средство формирования общества, культуры и одновременно их продукт (раздел 3). Предлагаемая когнитивно-коммуникативная методология рассматривает дискурс с учетом ментальных схем, лежащих в основе его развертывания, в частности, выявляет природу

дискурсообразующих концептов коммуникативного поведения (событийных и признаковых), способы и средства их актуализации в дискурсе в синхронии и диахронии. Исторические трансформации концептов и способов их дискурсивной актуализации трактуются с привлечением идей эволюистики в терминах типов эволюции, общества, человека, языка, мышления.

Приоритетное использование когнитивных и коммуникативных критериев анализа дискурса с учетом эволютистического понимания баланса сложных систем позволило раскрыть природу стратегии конфронтации и описать когнитивно-коммуникативные механизмы и вербальные средства ее реализации в англоязычном дискурсе (раздел 4). Дискурсивная стратегия моделируется в виде матрицы функциональных характеристик – закрепленного в сознании англоязычных коммуникантов динамичного представления – сценария, сформированного субъектом высказывания и актуализированного с целью межличностной дисгармонизации.

Хотелось бы надеяться, что предложенные в монографии теоретико-методологические принципы и методики когнитивно-дискурсивного анализа в синхронии и диахронии найдут применение в дальнейшем практическом изучении когнитивно-коммуникативных характеристик картины мира, концепта, дискурса и его стратегий; а разработанные алгоритмы их изучения будут продуктивны для синтезированного описания языка и дискурса на материале одной лингвокультуры или в сопоставительных исследованиях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Акаева Э.В. Метафора как инструмент речевого воздействия в медицинском дискурсе / Э.В. Акаева // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности : XV Междунар. симп. по психолингвистике и теории коммуникации, 30 мая – 2 июня 2006 г. : тезисы докл. ; [ред. Е.Ф. Тарасов]. – М. : РАН, 2006. – С. 11–12.
- Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке : [учеб. пособие] / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Флинта; Наука, 2005. – 416 с.
- Анохин П.К. Избранные труды. Философские аспекты теории функционирования системы / П.К. Анохин. – М. : Наука, 1978. – 400 с.
- Анцупов А.Я. Конфликтология : [учебник для вузов] / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. – [3-е изд.]. – СПб.; М.; Х.; Минск : Питер, 2008. – 490 с.
- Анцупов А.Я. Конфликтология в схемах и комментариях / А.Я. Анцупов, С.В. Баклановский. – СПб. : Питер, 2005. – 288 с.
- Аристов С.А. Прагмалингвистическое моделирование мены коммуникативных ролей : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / С.А. Аристов. – Тверь, 2001. – 19 с.
- Арнольд И.В. Современные лингвистические теории взаимодействия системы и среды / И.В. Арнольд // Вопросы языкознания. – 1991. – № 3. – С. 118–126.
- Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
- Архипов И.К. Полифония мира, текст и одиночество познающего сознания / И.К. Архипов // Studia Linguistica Cognitiva. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М. : Гнозис, 2006. – Вып. 1. – С. 157–171.
- Афонин А.А. Механизмы макроэволюции [Электронный ресурс] / А.А. Афонин. – Режим доступа : http://afonin-59-bio.narod.ru/4_evolution/4_evolution_lec/evol_lec_13.htm.
- Бабири О.В. Персуазивні і маніпулятивні стратегії англомовної комунікації з екотематики : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / О.В. Бабири. – К., 2014. – 20 с.
- Балацька О.Л. Дискурсивні властивості критики в англомовній науковій статті : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / О.Л. Балацька. – Харків, 2013. – 20 с.
- Бандурка А.М. Конфликтология / А.М. Бандурка, В.А. Друзь. – Харьков : Фортуна-пресс, 1997. – 356 с.
- Баранов А.Г. Текст в функционально-прагматической парадигме : учеб. пособие / А.Г. Баранов. – Краснодар : КубГУ, 1988. – 90 с.
- Баранов А.Н. Постулаты когнитивной лингвистики / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. – 1997. – № 1 – С. 11–21.

- Баранов А.Н. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание / А.Н. Баранов, П.Б. Паршин // Роль языка в средствах массовой информации. – М. : Наука, 1986. – С. 100–142.
- Бацевич Ф.С. Основи комунікативної девіатології / Ф.С. Бацевич. – Львів : Вид-во Львів. нац. ун-ту імені І. Франка, 2000. – 236 с.
- Бацевич Ф.С. Основи комунікативної лінгвістики [підручник] / Ф.С. Бацевич. – К. : ВЦ «Академія», 2004. – 344 с.
- Бацевич Ф.С. Основи комунікативної лінгвістики : [підручник] / Ф.С. Бацевич. – [2-е вид., доп.]. – К. : ВЦ «Академія», 2009. – 376 с.
- Бацевич Ф.С. Очерки по функциональной лексикологии / Ф.С. Бацевич, Т.А. Космеда. – Львів : Світ, 1997. – 391 с.
- Безугла Л.Р. Лінгвопрагматика дискримінації в публіцистичному дискурсі : [монографія] / Л.Р. Безугла, І.О. Романченко. – Харків : ФОП Лисенко І.Б., 2013. – 182 с.
- Безугла Л.Р. Вербалізація імпліцитних смислів у німецькомовному діалогічному дискурсі : монографія / Безугла Лілія Ростиславівна. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2007. – 332 с.
- Белл Р.Т. Социолінгвістика / Р.Т. Белл. – М. : Междунар. отношения, 1980. – 320 с.
- Белова А.Д. Лінгвістическіе аспекти аргументації : [монографія] / А.Д. Белова. – К. : Киев. ун-т ім. Тараса Шевченка, ИИА «Астрея», 1997. – 310 с.
- Белова А.Д. Языковая картина мира в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы / А.Д. Белова // Культура народов Причерноморья. – 2002. – № 9. – С. 17–23.
- Белоус Н.А. Когнитивний диссонанс як один із факторів виникнення конфліктного дискурсу / Н.А. Белоус // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 1. – С. 53–63.
- Бернал Дж. Наука в истории общества / Дж. Бернал. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1956. – 735 с.
- Белова А.Д. Комунікативні стратегії і тактики: проблеми систематики / А.Д. Белова // Мовні і концептуальні картини світу : зб. наук. пр. – К. : КНУ імені Тараса Шевченка, 2004. – С. 11–16.
- Белова А.Д. Лексична семантика і міжкультурні стереотипи / А.Д. Белова // Мовні і концептуальні картини світу : зб. наук. пр. – К. : КНУ імені Тараса Шевченка, 2002. – № 7. – С. 43–48.
- Белова А.Д. Лінгвістичні перспективи і прогнози у ХХІ столітті / А.Д. Белова // Лінгвістика ХХІ століття: нові дослідження і перспективи / НАН України Центр наук. дослідж. і викладання інозем. мов ; [ред. кол.: В.В. Акуленко (голов. ред.) та ін.]. – К. : Логос, 2006. – № 1. – С. 22–31.

- Биценко Т.О. Исторична динаміка експресивів негативної емоційності в англomовному дискурсі XVI–XX ст. : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Т.О. Биценко. – Харків, 2004. – 20 с.
- Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти / Р.М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия : сб. науч. тр. – М. : Наука, 1987. – С. 88–125.
- Блумфилд Л. Язык / Л. Блумфилд ; [пер. с англ. Е.С. Кубряковой и В.П. Мурат; комментарий Е.С. Кубряковой; под ред. и с предисл. М.М. Гухман]. – М. : Прогресс, 1968. – 606 с.
- Богданов В.В. Предложение и текст в содержательном аспекте / В.В. Богданов. – СПб. : Филол. фак-т СПбГУ, 2007. – 280 с.
- Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова / Н.Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сб. науч. тр. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2001. – С. 25–33.
- Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика (курс лекций по английской филологии) / Н.Н. Болдырев ; [изд. 2-е, стереотип.] – Тамбов : Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2001. – 215 с.
- Бондаренко Е.В. Время как лингвокогнитивный феномен англоязычной картины мира : монография / Бондаренко Евгения Валерьевна. – Харьков : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2009. – 377 с.
- Бондаренко Е.В. Матричное моделирование. Дуальность времени в англоязычной картине мира : монография / Бондаренко Евгения Валерьевна. – Харьков : ХНУ им. В.Н. Каразина, 2014. – 304 с.
- Бондаренко Є.В. Еволюція поняття часу в англійській мові та у дискурсі : дис. ... доктора філол. наук : 10.02.04 / Бондаренко Євгенія Валеріївна. – Харків, 2012. – 555 с.
- Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст / А.В. Бондарко. – Л. : Наука, 1971. – 114 с.
- Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. – Л. : Наука, 1983. – 208 с.
- Бондарко А.В. Функциональная грамматика / А.В. Бондарко. – Л. : Наука, 1984. – 133 с.
- Борзей А. Структура и действенность в организациях / А. Борзей // Организационная коммуникация ; [сост. А.П. Мюллер, А. Кизер ; пер. и науч. ред. А.А. Киселевой]. – Харьков : Гуманитарный центр, 2005. – С. 100–127.
- Борн М. Физика в жизни моего поколения / М. Борн; [пер. с англ.]. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1963. – 536 с.

- Босова Л.М. Концептуальная картина мира как основа понимания смысла речевого произведения [Электронный ресурс] / Л.М. Босова. – Режим доступа : http://aomai.ab.ru/Books/Files/1999-01/HTML/30/pap_30.html
- Бровкіна О.В. Стратегії англomовного родинного дискурсу в ситуаціях відвертого спілкування, утішання, непорозуміння : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / О.В. Бровкіна. – Харків, 2015. – 20 с.
- Бублик И.Ф. Коммуникативно-прагматические и лингвистические аспекты реализации вербальной агрессии в парламентском дискурсе ФРГ : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Бублик Ираида Федоровна. – Харьков, 2006. – 212 с.
- Бурбело В.Б. Художній дискурс в історії французької мови та культури 9–18 ст. : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора філол. наук : спец. 10.02.05 «Романські мови» / В.Б. Бурбело. – К., 1999. – 36 с.
- Буренко Т.М. Когнітивно-прагматичні характеристики мовленнєвого акту вибачення в англomовному дискурсі XVI–XXI століть : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Буренко Тетяна Миколаївна. – Харків, 2008. – 208 с.
- Вайсгербер Й.Л. Язык и философия / Й.Л. Вайсгербер // Вопросы языкознания. – 1993. – № 2. – С. 136–160.
- Василюк Ф.Е. Конфликт / Ф.Е. Василюк // Психология конфликта : хрестоматия ; [сост. и общ. ред. Н.В. Гришиной]. – СПб. : Питер, 2001. – С. 275–277.
- Ваховская О.В. Концепт ГРЕХ в англоязычной картине мира. Эволюция в дискурсе XIV–XXI веков / О.В. Ваховская, И.С. Шевченко. – Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publishing, 2013. – 313 с.
- Ваховська О.В. Вербалізація концепту ГРІХ в англomовному дискурсі XIV–XXI століть : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / О.В. Ваховська. – Харків, 2011. – 20 с.
- Вацлавик П. Прагматика человеческих коммуникаций: изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия / П. Вацлавик, Дж. Бивин, Д. Джексон ; [пер. с англ.]. – М. : Апрель-Пресс; Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 320 с.
- Ващенко И.В. Общая конфликтология : [учебник для вузов] / И.В. Ващенко, С.П. Гиренко, Р.А. Хамалян. – Харьков : Модель Вселенной, 2000. – 512 с.
- Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая ; [пер. с англ.; отв. ред. М.А. Кропгауз ; вступ. ст. Е.В. Падучевой]. – М. : Русские словари, 1997. – 412 с.
- Вендлер З. Иллокутивное самоубийство / З. Вендлер // Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. – Вып. 16. – С. 238–250.

- Вессон К. Двойственная роль языка в организациях (модель Януса) / К. Вессон // Организационная коммуникация ; [сост. А.П. Мюллер, А. Кизер ; пер. и науч. ред. А.А. Киселевой]. – Харьков : Гуманитарный центр, 2005. – С. 28–69.
- Винокур Т.О. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / Т.О. Винокур. – М. : Наука, 1993. – 171 с.
- Витгенштейн Л. Избранные работы / Л. Витгенштейн / [пер. с нем. и англ. В. Руднева]. – М. : Изд. дом «Территория будущего», 2005. – 440 с.
- Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. / Л. Витгенштейн. / [пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева; сост., вступ. статья, примеч. М.С. Козловой]. – М. : Гнозис, 1994. – 612 с.
- Волкова Я.А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: автореф. дис. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Волкова Яна Александровна. – Волгоград, 2014. – 49 с.
- Вохрышева Е.В. Коммуникативные стратегии диалогического взаимодействия в новоанглийском языке : автореф. дис. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Е.В. Вохрышева. – СПб. : РГПУ имени А.И. Герцена, 2001. – 41 с.
- Гак В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – [Изд. 5-е, стереотип.]. – М. : КомКнига, 2007. – 144 с.
- Геллнер Э. Слова и вещи / Э. Геллнер / [пер. с англ. И. Добронравова, В. Швырева ; ред. В.В. Мшвениерадзе]. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1962. – 344 с.
- Герасимова Н.А. Совместное мышление как искусство: опыт философско-синергетического исследования / Н.А. Герасимова // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М. : Прогресс-Традиция, 2002. – С. 126–143.
- Герасіна Л.М. Конфліктологія : [навч. пос.] / Л.М. Герасіна, М.І. Панов, Н.П. Осіпова. – Харків : Право, 2002. – 256 с.
- Герман И.А. Лингвосинергетика / И.А. Герман. – Барнаул : Изд-во Алт. акад. экономики и права, 2000. – 168 с.
- Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – М. : Прогресс, 1992. – 224 с.
- Голуб І.О. Метафора та метонімія як засоби вираження стратегії дискримінації у німецькомовній пресі / І.О. Голуб // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2011. – № 953. – С. 35–41.

- Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания / Н.Н. Гончарова // Известия Тул. гос. ун-та. Гуманитарные науки. – 2012. – Вып. № 2. – С. 396–405.
- Григоренко Т.М. Остроумие / Т.М. Григоренко // Антология концептов ; [под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина]. – Т. 6. – Волгоград : Парадигма, 2007. – С. 182–206.
- Гришина Н.В. Психология конфликта / Н.В. Гришина. – СПб.; М.; Х.; Минск : Питер, 2002. – 464 с.
- Гуреев В.А. Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знания / В.А. Гуреев // Вопросы языкознания. – 2004. – № 2. – С. 57–67.
- Гусева Г.Г. Стратегії комічного в комічному дискурсі мовної особистості дитини: емотивний аспект / Г.Г. Гусева // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2011. – № 973. – С. 75–79.
- Данилов Ю.А. Роль и место синергетики в современной науке / Ю. А. Данилов // Онтология и эпистемология синергетики : сб. ст. – М. : Институт философии РАН, 1997. – С. 5–11.
- Данилов Ю.В. Герман Хакен о синергетике / Ю.В. Данилов // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве : сб. науч. ст. ; [отв. ред. Аршинов В.И.]. – М. : Прогресс-Традиция, 2002. – С. 22–28.
- Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк ; [пер. с англ. ; сост. Петров В.В. ; под ред. В.И. Герасимова]. – М. : Прогресс, 1989. – 310 с.
- Дементьев В.В. Варьирование коммуникативных концептов / В.В. Дементьев // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс : сб. науч. тр. – Волгоград : Парадигма, 2006. – С. 5–24.
- Дементьев В.В. Непрямая коммуникация / В.В. Дементьев. – М. : Гнозис, 2006. – 376 с.
- Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века / В.З. Демьянков // Язык и наука конца XX века / [под ред. Ю.С. Степанова]. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 239–320.
- Джерелиевская М.А. Установки коммуникативного поведения: диагностика и прогноз в конкретных ситуациях / М.А. Джерелиевская. – М. : Смысл, 2000. – 191 с.
- Діомідова О.Ю. Еволюція стратегії і тактики переконання у сфері судової діяльності : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.02 «Російська мова» / О.Ю. Діомідова. – Харків, 2010. – 20 с.
- Дубровская О.Н. Имена сложных речевых событий в русском и английском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Дубровская Ольга Николаевна. – Саратов, 2001. – 240 с.

- Дубцова О.В. Лінгвокогнітивна природа комунікативних невдач (на матеріалі американського кінодискурсу) : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / О.В. Дубцова – Харків, 2014. – 214 с.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. – М. : Наука, 1991. – 573 с.
- Ельмслев Л. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев // Новое в лингвистике. Вып. I. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – С. 264–389.
- Емельянов С.М. Практикум по конфликтологии / С.М. Емельянов. – СПб. : Питер, 2003. – 400 с.
- Есенин-Вольпин А.С. Философия. Логика. Поэзия. Защита прав человека: Избранное / А.С. Есенин-Вольпин ; сост. А.Ю. Даниэль и др. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 1999. – 450 с.
- Ємельянова О.В. Варіативність комунікативних стратегій та тактик дискурсу фінансового прогнозу / О.В. Ємельянова // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2011. – № 953. – С. 30–34.
- Єнікєєва С.М. Синергетика і лінгвістика: перспективи кооперації / С.М. Єнікєєва // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2008. – № 811. – С. 96–101.
- Жаботинская С.А. Лингвокогнитивный подход к анализу номинативных процессов / С.А. Жаботинская // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2010. – № 928. – С. 6–20.
- Жаботинская С.А. Имя как текст: концептуальная сеть лексического значения (анализ имени эмоции) [Электронный ресурс] / С.А. Жаботинская // Когниция, коммуникация, дискурс : междунар. электрон. сб. науч. ст. – Харьков : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2013. – № 6. – С. 47–76. – Режим доступа : <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>
- Жаботинская С.А. Когнитивное картирование как лингвосомиотический фактор / С.А. Жаботинская // Функциональная лингвистика : сб. науч. работ / [ред. А.Н. Рудяков]. – Симферополь : Крым. республ. ин-т последиплом. пед. образования, 2012. – № 3. – С. 179–182.
- Жаботинская С.А. Концепт / домен: матричная и сетевая модели / С.А. Жаботинская // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 168. – Т. 1. – С. 254–259.
- Жаботинская С.А. Ономазиологические модели и событийные схемы / С.А. Жаботинская // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2009. – Вип. 837. – С. 3–14.
- Жарковская И.В. Семантические и функциональные особенности англоязычных номинаций конфликта : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Жарковская Инна Валерьевна. – Харьков, 2007. – 249 с.

- Залевская А.А. Введение в психолингвистику / А.А. Залевская. – М. : РГГУ. – 2000. – 382 с.
- Залевская А.А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход / А.А. Залевская. – Л. : IASHE, 2014. – 180 р.
- Залевская А.А. Проблема тело – разум в трактовке А. Дамазио / А.А. Залевская // *Studia Linguistica Cognitiva*. – Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М. : Гнозис, 2006. – С. 82–105.
- Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : [избранные труды] / А.А. Залевская. – М. : Гнозис, 2005. – 543 с.
- Зверева О.Г. Комуникативні стратегії сіблінгів в англomовному сімейному дискурсі : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / О.Г. Зверева. – Харків, 2014. – 20 с.
- Зернецкий П.В. Практикум по английскому языку (вопросы коммуникативной лингвистики) : [пособие для студ. романо-герман. фак-в ун-тов и ин-тов ин. яз.] / П.В. Зернецкий. – К. : Вищ. шк., 1987. – 35 с.
- Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности / И.А. Зимняя. – Москва – Воронеж : НПО «МОДАК», 2001. – 428 с.
- Зимняя И.А. Речевая деятельность: язык и речь / И.А. Зимняя // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. – М., 1981. – Вып. 170. – С. 85–96.
- Змиева И.В. Лингвокогнитивные характеристики средств вербализации концепта ДОБРО в английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Змиева Ирина Владимировна. – Харьков, 2006. – 228 с.
- Ильин А.А. Философский анализ основных аспектов эволюции / А.А. Ильин, Н.Н. Кожевников // Вестник Северо-Восточного федерального ун-та имени М.К. Аммосова. – 2005. – № 1, Т. 2. – С. 52–59.
- Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – [2-е изд., стереотип.]. – М. : USSR, 2003. – 284 с.
- Иссерс О.С. Речевое воздействие : учеб. пособие для студ., обучающихся по специальности «Связи с общественностью» / О.С. Иссерс. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 224 с.
- Ильченко М.Л. Гендерна специфіка стратегій комуникативного домінування в американських передвиборчих теледебатах : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / М.Л. Ильченко. – Харків, 2014. – 20 с.
- Ильченко М.Л. Гендерна специфіка стратегій комуникативного домінування в американських передвиборчих теледебатах : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / М.Л. Ильченко – Харків, 2014. – 200 с.
- Ишмуратов А.К. Конфликт і згода. Основи конфліктної теорії конфліктів / А.К. Ишмуратов. – К. : Наукова думка, 1996. – 324 с.

- Калита А.А. Речевая манипуляция: определение, функция, механизм реализации / А.А. Калита, Л.И. Тараненко // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2012. – № 1022. – С. 10–19.
- Каменская О.Л. Текст и коммуникация / О.Л. Каменская. – М. : Высш. шк., 1990. – 151 с.
- Карабан В.И. Сложные речевые единицы: прагматика английских асиндетических полипредикативных образований : [монография] / В.И. Карабан. – К. : Вищ. шк., 1989. – 131 с.
- Карасик В.И. Лингвокультурная концептология / В.И. Карасик, Н.А. Красавский, Г.Г. Слышкин. – Волгоград : Парадигма, 2009. – 116 с.
- Карасик В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. научн. тр. ; под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5–20.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] : монография / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
- Карасик В.И. Языковые ключи / В.И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2007. – 520 с.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – [Изд. 7-е]. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
- Кизер А. Предисловие авторов / А. Кизер, А.П. Мюллер // Организационная коммуникация ; [сост. А.П. Мюллер, А. Кизер ; пер. и науч. ред. А.А. Киселевой]. – Харьков : Гуманитарный центр, 2005. – С. 10–27.
- Кириллина А.В. Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кириллина. – М. : Ин-т социологии РАН, 1999. – 189 с.
- Князева Е.Н. Основания синергетики. Синергетическое мировидение / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – М. : Ком. Книга, 2005. – 240 с.
- Князева Е.Н. Случайность, которая творит мир. (Новые представления о самоорганизации в природе и обществе) / Е.Н. Князева // Философия и
- Кобозева И.М. Лингвистическая семантика : учебник / И.М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
- Койт М.Э. Понятие коммуникативной стратегии в модели общения / М.Э. Койт, Х.Я. Ыйм // Ученые записки Тартуского университета. – Тарту. – 1988. – Вып. 793: Психологические проблемы познания действительности: Труды по искусственному интеллекту. – С. 97–110.
- Колегаєва І.М. Зображення персонажного дискурсу як жанрово детермінований вплив комунікативної вторинності в художньому тексті / І.М. Колегаєва // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. Серія : Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов. – Харків, 2010. – Вип. 61, № 896. – С. 102–107.

- Колесников А.В. Российская идеология после Крыма. Пределы эффективности и мобилизации [Электронный ресурс] / А.В. Колесников // Рабочие материалы Московского Центра Карнеги (июнь 2015 г.) – Carnegie Endowment for International Peace. – 37 с. – Режим доступа : <http://carnegie.ru/publications/?fa=60606>.
- Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка / Г.В. Колшанский. – М. : Наука, 1984. – 175 с.
- Корнилов Р.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / Р.А. Корнилов ; [изд. 2-е испр. и дополн.] – Москва : ЧеРо, 2003. – 349 с.
- Косериу Э. Синхрония, диахрония и история / Э. Косериу // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс. – 1963. – Вып. 3. – С. 143–343.
- Коули С.Д. Динамика когнитивных процессов и науки о языке / С.Д. Коули, А.В. Кравченко // Вопросы языкознания. – 2006. – № 6. – С. 133–141.
- Кошарная С.А. Миф и язык: опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира / С.А. Кошарная. – Белгород : Изд-во Белгород. ун-та, 2002. – 288 с.
- Кравченко А.В. О традициях, языкознании и когнитивном подходе / А.В. Кравченко // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство : сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М. : Языки славянских культур, 2009. – С. 51–65.
- Кравченко А.В. Является ли язык репрезентативной системой? / А.В. Кравченко // *Studia Linguistica Cognitiva*. – М. : Гнозис, 2006. – Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – С. 135–156.
- Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.
- Кричевский Р.Л. Межличностный конфликт / Р.Л. Кричевский, Е.М. Дубовская // Психология конфликта : [хрестоматия] ; [сост. и общ. ред. Н.В. Гришиной]. – СПб. : Питер, 2001. – С. 371–379.
- Крылов К. Поведение [Электронный ресурс] / К. Крылов. – Режим доступа : <http://www.traditio.ru/krylov/pv1.html>.
- Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки / Е.С. Кубрякова // Известия РАН. Сер. лит. и язык. – М. : Наука, 2004. – Том 63, № 3. – С. 3–12.
- Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус / Е.С. Кубрякова // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 1994. – Т. 53. – № 2. – С. 3–15.
- Кубрякова Е.С. Рецензия на кн. : Бондарко А.В. «Функциональная грамматика» / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 137–141.
- Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1997. – 331 с.

- Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // *Язык и наука конца XX века* ; [под ред. акад. Ю.С. Степанова]. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 144–238.
- Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
- Кудоярова О.В. Дискурсотворча роль теми у професійному конфліктному спілкуванні англomовних медиків (на матеріалі персонажного мовлення) : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Кудоярова Ольга Вікторівна. – Харків, 2007. – 238 с.
- Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун ; [пер. с англ. И.З. Налетовой]. – М. : Прогресс, 1977. – 300 с.
- Кусько К.Я. Когнітивно-дискурсивний потенціал інформативного трансферу / К.Я. Кусько // *Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна*. – 2004. – № 635. – С. 91–94.
- Лав Н. Когниция и языковой миф / Н. Лав // *Studia Linguistica Cognitiva*. – М. : Гнозис, 2006. – Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – С. 105–134. (Love N. Cognition and the language myth // *Langue Sciences*. – 2004. – Vol. 26, № 6. – P. 525–544).
- Лавріненко І.М. Стратегії і тактики зміни комунікативних ролей у сучасному англomовному кінодискурсі : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / І.М. Лавріненко. – Харків, 2011. – 20 с.
- Лазуткина Е.М. Коммуникативные цели, речевые стратегии, тактики и приёмы / Е.М. Лазуткина // *Культура русской речи* : [учеб. для вузов под ред. Л.К. раудиной и Е.Н. Ширяева]. – М. : Изд. группа «Норма ИНФРА М», 1998. – С. 72–82.
- Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации / Т.В. Ларина. – М. : Языки славянских культур, 2009. – 512 с.
- Левицкий В.В. Семасиология / В.В. Левицкий. – Вінниця : Нова книга, 2006. – 512 с.
- Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения : [монография] / О.А. Леонтович. – М. : Гнозис, 2005. – 353 с.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. / А.Н. Леонтьев. – М. : Политиздат, 1975. – 304 с.
- Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность) / А.А. Леонтьев. – М. : Смысл, 2001. – 392 с.
- Леонтьев А.А. Психолінгвістическіє єдності і породження речевого висказування / А.А. Леонтьев. – М. : Наука, 1968. – 306 с.

- Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. – М. : Эдиториал УРСС, 2003. – 216 с.
- Лефевр В.А. О самоорганизующихся и саморефлективных системах и их исследовании / В.А. Лефевр // Проблемы исследования систем и структур. – М. : Изд-во АН СССР, 1965. – С. 61–68.
- Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3–9.
- Лотман Ю.М. Избранные статьи в трёх томах. – Том 1. Статьи по семиотике и топологии культуры / Ю.М. Лотман. – Таллин : Александра, 1992. – 472 с.
- Лурье С.В. Историческая этнология : учеб. пособие для вузов / С.В. Лурье. – М. : Гардарики, 1998. – 400 с.
- Макаров М.Л. Иван дурак – последний бойскаут, или Еще раз о когнитивной устойчивости нарратива / М.Л. Макаров // Когнитивные исследования 2003 : сб. ст. ; [под ред. проф. О.А. Леонтович]. – Волгоград : Перемена, 2003(б). – С. 140–163.
- Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
- Мамардашвили М.К. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке / М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1999. – 216 с.
- Маркарян Э.С. Об исходных методологических предпосылках исследования этнических культур / Э.С. Маркарян // Методологические проблемы этнических культур : материалы симпозиума. – Ереван : Изд-во АН Арм.ССР, 1978. – С. 8–9.
- Мартинюк А.П. Аргументація та сугестія як інструментальні стратегії дискурсу / А.П. Мартинюк // Мовні і концептуальні картини світу. – Вип. 55. – Київ : КНУ імені Тараса Шевченка, 2015 (а). – С. 238–246.
- Мартинюк А.П. Конструювання гендеру в англomовному дискурсі : [монографія] / А.П. Мартинюк. – Харків : Константа, 2004. – 292 с.
- Мартинюк А.П. Прототип як операційна одиниця перекладу / А. П. Мартинюк // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2007. – № 772. – С. 15–18.
- Мартынюк А.П. Когнитивно-коммуникативная лингвистика: в поисках базовых принципов и методик анализа [Электронный ресурс] / А.П. Мартынюк // Когниция, коммуникация, дискурс : междунар. электрон. сб. науч. ст. – Харьков : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2016. – № 12. – С. 17–35. – Режим доступа : <http://communication-discourse.com/issues/issue812>
- Мартынюк А.П. Когнитивно-коммуникативный инструментальный анализ речевого воздействия / А.П. Мартынюк // Science and Education: a New Dimension. Philology III (15). – 2015 (в). – Issue 68. – С. 67–71.

- Мартынюк А.П. Концепт лингвокультурный vs лингвокогнитивный: методы анализа / А.П. Мартынюк // Лингвистика XXI века : сб. науч. ст. к 65-летию В.А. Масловой / [сост. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. – М. : Флинта : Наука, 2013. – С. 509–519.
- Мартынюк А.П. Лингвистика эмоций в интеграционной перспективе / А.П. Мартынюк // Вісник Київського національного лінгвістичного університету. Серія Філологія. – К. : КНЛУ, 2012. – Т. 15, № 2. – С. 90–97.
- Мартынюк А.П. Стратегия как базовый инструмент когнитивного анализа коммуникации / А.П. Мартынюк // Записки з романо-германської філології. – 2015. – Вип. 1(34). – С. 80–90.
- Маслова Ж.Н. Когнитивная концепция поэтической картины мира / Ж.Н. Маслова. – М. : Флинта, 2012. – 420 с.
- Матурана У. Биология познания / У. Матурана // Язык и интеллект ; [пер. с англ.]. – М. : Прогресс: Универ., 1996. – С. 95–142.
- Матюхина Ю.В. Развитие системы фатической метакоммуникации в английском дискурсе XVI–XX вв : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Матюхина Юлия Владимировна. – Харьков, 2004. – 240 с.
- Матюхіна Ю.В. Розвиток системи фатичної метакомунікації в англійському дискурсі XVI–XX ст. : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Ю.В. Матюхіна. – Харків, 2004. – 20 с.
- Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому / Э. Мах ; [пер. с нем.]. – М. : Изд. дом «Территория будущего», 2005. – 304 с.
- Минский М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – М. : Энергия, 1979. – 152 с.
- Модели (в языкознании) [Электронный ресурс] // БСЭ. – Режим доступа : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/109961/>
- Морковкин В.В. Русские агнонимы / В.В. Морковкин, А.В. Морковкина. – М. : Владос, 1996. – 415 с.
- Морозова Е.И. Мироззренческие параллели в трактовке содержания терминов «дискурс», «контекст», «ситуация» / Е.И. Морозова // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2010. – № 897. – С. 99–105.
- Морозова Е.И. Онтологические основы лингвистического описания лжи / Е.И. Морозова // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2003. – № 609. – С. 106–110.
- Морозова І.І. Комунікативні стратегії ввічливості у стереотипній мовленнєвій поведінці вікторіанської жінки : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / І.І. Морозова. – Харків, 2004. – 20 с.

- Морозова О.І. Діяльнісний стиль мислення у лінгвістичних дослідженнях / О.І. Морозова // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2008. – № 811. – С. 41–45.
- Морозова О.І. Лінгвальні аспекти неправди як когнітивно-комунікативного утворення (на матеріалі сучасної англійської мови) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / О.І. Морозова. – К., 2008. – 32 с.
- Моррис Ч.У. Основания теории знаков / Ч.У. Моррис // Семиотика: Антология [сост. Ю.С. Степанов ; изд. 2-е, испр. и доп.]. – М. : Академический Проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – С. 45–98.
- Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс / Г.Г. Москальчук. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 296 с.
- Мудраченко Т.Б. Актуалізація концепту Україна в сучасному англійському газетному дискурсі : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Т.Б. Мудраченко. – Харків, 2013. – 223 с.
- Музыка О.А. Постнеклассическая наука: концепции современного естествознания : учеб. пособие / О.А. Музыка, В.В. Попов. – Таганрог : Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2005. – 376 с.
- Мур Р. Нильс Бор – человек и ученый / Р. Мур. – М. : Мир, 1969. – 468 с.
- Мушаева О.К. Презентационные регулятивные концепты в калмыцкой, русской и английской лингвокультурах : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. філол. наук : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / О.К. Мушаева. – Волгоград, 2008. – 20 с.
- Набокова І.Ю. Актуалізація концепту ПЕРША ЛЕДІ / FIRST LADY в англійському політичному дискурсі ЗМІ : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / І.Ю. Набокова – Харків, 2015. – 225 с.
- Нечипоренко Л.А. Буржуазная социология конфликта / Л.А. Нечипоренко. – М. : Политиздат, 1982. – 142 с.
- Никитин М.В. Курс лингвистической семантики : учеб. пособие / М.В. Никитин. – [2-е изд. доп. и испр.]. – СПб : Изд-во РГПУ имени А.И. Герцена, 2007. – 819 с.
- Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения : учеб. пособие / М.В. Никитин. – М. : Высш. шк., 1988. – 168 с.
- Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах / М.В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1(001). – С. 53–64.
- Николис Г. Познание сложного / Г. Николис, И. Пригожин. – М. : УРСС, 2003. – 344 с.
- Ніконова В.Г. Концептуальний простір трагічного в п'єсах Шекспіра: поетико-когнітивний аналіз : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / В.Г. Ніконова. – К., 2008. – 32 с.

- Норман Ю.Б. Грамматика говорящего / Ю.Б. Норман. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1994. – 228 с.
- Олейник Н.А. Концепт ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС в англоязычном экономическом дискурсе 1930-х и 2000-х годов : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Олейник Наталья Анатольевна. – Харьков, 2015. – 257 с.
- Олянич А.В. Презентационная теория дискурса / А.В. Олянич. – Волгоград : Перемена-Политехник, 2004. – 600 с.
- Остин Дж. Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17. Теория речевых актов. – С. 22–129.
- Павилёнис Р.Й. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка / Р.Й. Павилёнис. – М. : Мысль, 1983. – 286 с.
- Пихтовникова Л.С. Лингвосинергетика: основы и очерк направлений : монография / Л.С. Пихтовникова. – Х. : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2012. – 180 с.
- Пищикова Е.В. Стратегии доминирования в аргументативном дискурсе: гендерный анализ (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Пищикова Екатерина Владимировна. – Харьков, 2002. – 210 с.
- Полина А.В. Языковая объективация концепта БОГ в английском дискурсе XIV–XX веков : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / А.В. Полина. – Харьков, 2004. – 20 с.
- Полюжин М.М. Напрями та одиниці прагматичного аналізу мовленнєвої комунікації / М.М.Полюжин // Проблеми романо-германської філології : зб. наук. пр. – Ужгород : Патент, 2003. – С. 6–20.
- Полюжин М.М. Про когнітивно-прагматичні процедури «декодування» тексту / М.М. Полюжин // Актуальні проблеми романо-германської філології в Україні та Болонський процес : міжнар. наук. конф., 24–25 листопада 2004 р. : тези доп. – Чернівці : Рута, 2004. – С. 237–239.
- Поляков В.И. Время в современной физике [Электронный ресурс] / В.И. Поляков // Экзамен на «Homo Sapiens II». От концепций естествознания XX века – к естествопониманию. – М. : Академия естествознания, 2008. – Режим доступа : <http://www.monographies.ru/ru/book/section?id=1061>
- Пономарев Л.И. Под знаком кванта / Л.И. Пономарев. – М. : Наука, 1989. – 368 с.
- Пономаренко Е.В. О развитии системного подхода в лингвистике / Е.В. Пономаренко // Филологические науки. – 2004. – № 5. – С. 24–33.
- Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – [3-е изд.]. – Воронеж : Истоки, 2003. – 191 с.
- Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2007. – 250 с.

- Попова З.Д. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии : науч. издание / З.Д. Попова. – Воронеж : Воронеж. межрегион. ин-т обществ. наук, 2002. – 151 с.
- Поппер К. Логика и рост научного знания: избр. работы / К. Поппер ; [пер. с англ.]. – М. : Прогресс, 1983. – 605 с.
- Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) / Б.Ф. Поршнева. – М. : Мысль, 1974. – 487 с.
- Постовалова В.И. Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта / В.И. Постовалова. – М. : Наука, 1982. – 222 с.
- Почепцов Г.Г. З історії поняття гібридної війни в США і Росії. 1 листопада 2015 р. [Електронний ресурс] / Г.Г. Почепцов. – Режим доступу : osvita.mediasapiens.ua/trends/1411978127/z_istorii/ponyattya_gibridnoi_viyuni_v_ssha_i_rosii/?media
- Почепцов Г.Г. Избранные труды по лингвистике : монография / Г.Г. Почепцов ; общ. ред. и вступ. статья И.С. Шевченко. – Харьков : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2009. – 556 с.
- Почепцов Г.Г. Информационные войны / Г.Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук, К. : Ваклер, 2000. – 576 с.
- Почепцов Г.Г. Российские аналитические тексты гибридной войны [Электронный ресурс] / Г.Г. Почепцов. – Режим доступа : <http://hvyulya.net/?p=193695>
- Почепцов Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук; К. : Ваклер, 2001. – 656 с.
- Пражский лингвистический кружок : сб. ст. / [сост., редакция и предисловие Н.А. Кондрашова]. – М. : Прогресс, 1967. – 558 с.
- Пригожин И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс ; [пер. с англ. Ю.А. Данилова, под ред. В.И. Аршинова]. – [6-е изд.]. – М. : Ком. книга, 2005. – 229 с.
- Приходько А.М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики / А.М. Приходько. – Запоріжжя : Прем'єр, 2008. – 332 с.
- Приходько А.Н. Дискурсивные акты: прагмасемантика и прагматипология / А.Н. Приходько // Когниция, коммуникация, дискурс : междунар. электрон. сб. науч. ст. – Харьков : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2010. – № 1. – С. 101–122. – Режим доступа : <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>
- Приходько А.Н. Синтаксис естественного языка в фокусе когнитивно-дискурсивной парадигмы / А.Н. Приходько // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2003. – № 609. – С. 84–89.
- Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю.Е. Прохоров. – М. : URSS; КомКнига, 2006. – 224 с.

- Ребрій О.В. Когнітивна та комунікативна складові вербалізації змісту мовним знаком / О.В. Ребрій // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2006. – № 725. – С. 16–20.
- Рожкова О.Е. Метафорическое представление концептов «ВОЙНА» и «ТЕРРОРИЗМ» в политическом дискурсе / О.Е. Рожкова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 1. – С. 72–74.
- Розин В.М. Наука: происхождение, развитие, типология, новая концептуализация : учеб. пособие / В.М. Розин. – М. : МПСИ, Воронеж : МОДЭК, 2008. – 600 с.
- Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / [Серебренников - Б.А., Кубрякова Е.С., Постовалова В.К. и др.]; отв. ред. Б.А. Серебренников. – М. : Наука, 1988. – 216 с.
- Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения / А.А. Романов. – М. : Наука, 1988. – 154 с.
- Рубцов А. Откуда взялся «Крымнаш». Загадки новой российской идеологии [Электронный ресурс] / Медведев С.А., Рубцов А.В., Колесников А.В. – Институт философии РАН, Московский Центр Карнеги, Радио «Свобода». – Режим доступа : <http://www.svoboda.org/content/transcript/27147455.html>.
- Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика / А.В. Рудакова. – Воронеж : ВГАУ, 2002. – 78 с.
- Рудяков А.Н. Язык или почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка) / А.Н. Рудяков. – К. : Грамота, 2004. – 224 с.
- Ружинская И.Н. Христианская концепция времени [Электронный ресурс] / И.Н. Ружинская. – Режим доступа : <http://www.bogoslov.ru/text/361105.html>
- Рибакова О.В. Гендерна специфіка втілення стратегії незгоди в усній англійській неофіційній комунікації : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / О.В. Рибакова. – Харків, 2016. – 223 с.
- Самохіна В.О. Жарт у сучасному комунікативному просторі Великої Британії та США : монографія / В.О. Самохіна. – Х. : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2012. – 360 с.
- Светлов В.А. Аналитика конфликта : [учеб. пособие] / В.А. Светлов. – СПб. : ООО «Росток», 2001. – 512 с.
- Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К.Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2004. – 320 с.
- Селиванова Е.А. Когнитивная ономазиология : [монография] / Е.А. Селиванова. – К. : Изд-во укр. философического центра, 2000. – 248 с.
- Сёрл Дж. Введение / Дж. Сёрл // Философия языка ; [ред.-сост. Дж.Р. Сёрл ; пер. с англ.]. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 208 с.

- Серль Дж. Классификация иллокутивных актов / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 170–194.
- Сидоров Е.В. Проблемы речевой системности / Е.В. Сидоров. – М. : Наука, 1987. – 141 с.
- Силлинс Д.А.А. Связность как регуляция четырех коммуникативных процессов: интеграции, развития, выражения мнений и контекстуализации / Д.А.А. Силлинс // Организационная коммуникация ; [сост. А.П. Мюллер, А. Кизер ; пер. и науч. ред. А.А. Киселевой]. – Харьков : Гуманитарный центр, 2005. – С. 160–176.
- Сідак О.О. Роль комічного ефекту в реалізації конфронтаційної стратегії англійської політичної образи : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / О.О. Сідак. – Харків, 2013. – 204 с.
- Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г.Г. Слышкин. – Волгоград : Перемена, 2004. – 340 с.
- Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – М. : Academia, 2000. – 128 с.
- Солощук Л.В. Вербальні і невербальні компоненти комунікації в англійському дискурсі : монографія / Л.В. Солощук. – Харків : Константа, 2006. – 300 с.
- Сосновская Е.А. Долг благодарности как основание японской нравственности / Е.А. Сосновская // Философия образования. – Новосибирск, 2006. – № 3. – С. 161–163.
- Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр ; [пер. с фр. под ред. А.А. Холодовича]. – М. : Прогресс, 1977. – 696 с.
- Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю.С. Степанов ; [отв. ред. В.П. Нерознак ; изд. 2-е]. – М. : Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2010. – 336 с.
- Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
- Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – [2-е изд., испр. и доп.]. – М. : Академический проект, 2001. – 990 с.
- Стёпин В.С. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации : монография / В.С. Стёпин, Л.Ф. Кузнецова. – М. : ИФ РАН, 1994. – 274 с.
- Стёпин В.С. Теоретическое знание / В.С. Стёпин. – М. : Прогресс-Традиция, 1999. – 390 с.
- Стернин И.А. Введение в речевое воздействие / И.А. Стернин. – Воронеж : АОЗТ «Полиграф», 2001. – 252 с.

- Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры / И.А. Стернин // Этнокультурная специфика языкового сознания : сб. ст. – М. : Языки русской культуры, 1996. – С. 97–112.
- Стернин И.А. Проблемы описания вежливости как коммуникативной категории / И.А. Стернин // Коммуникативное поведение: Вежливость как коммуникативная категория : сб. науч. тр. – Воронеж : Истоки, 2003. – Вып. 17. – С. 22–48.
- Стернин И.А. Очерк английского коммуникативного поведения / И.А. Стернин, Т.В. Ларина, М.А. Стернина. – Воронеж : Истоки, 2003. – 184 с.
- Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах / П.Ф. Стросон // Философия языка ; [ред.-сост. Дж.Р. Сёрл ; пер. с англ. И.Г. Сабуровой]. – М. : Эдиториал URSS, 2004. – С. 35–55.
- Сусов И.П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система / И.П. Сусов // Языковое общение: процессы и единицы. – Калинин : Изд-во Калинин. ун-та, 1988. – С. 7–13.
- Сусов И.П. Лингвистическая прагматика [Текст] : учеб. пособие / И.П. Сусов ; авт. предисл. В.И. Карабан ; авт. послесл. Л.Р. Безуглая. – Винница : Нова книга, 2009. – 272 с.
- Сухих С.А. Речевые интеракции и стратегии / С.А. Сухих // Языковое общение и его единицы : сб. ст. – Калинин : Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1986. – С. 71–77.
- Сукаленко Н.И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира / Н.И. Сукаленко. – Киев : Наук. думка, 1992. – 162 с.
- Тарасова Е.В. Когнитивные основания системной организации речи / Е.В. Тарасова // Вісник Харків. держ. ун-ту. – 1999. – Вип. 424. – С. 174–183.
- Тарасова Е.В. Речевая системность в терминах лингвопрагматики / Е.В. Тарасова // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2000. – 471. – С. 273–279.
- Тарасова Е.В. Самонастраивающиеся системы и диахроническое изучение языка / Е.В. Тарасова // Вісник Харків. держ. ун-ту. – 1996. – № 386. – С. 127–131.
- Теля В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Теля. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
- Ткаченко Л.С. Комплимент как один из способов скорейшего достижения непосредственной речевой интенции говорящего / Л.С. Ткаченко // Функциональная лингвистика. Итоги и перспективы : IX междунар. конф., 30.09. – 4.10.2002 г. : тезисы докл. – Симферополь : CLC, 2002. – С. 263–264.
- Турченко В.О. Когнітивно-комунікативні характеристики концепту СКРОМ-НІСТЬ в англomовному дискурсі XIV–XXI століть : автореф. дис. на здобут-

тя наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / В.О. Турченко. – Харків, 2014. – 20 с.

Уотсон Дж. Психология как наука о поведении / Д.Б. Уотсон // Основные направления психологии в классических трудах. Бихевиоризм ; [пер. с англ.; предисл., комментарии А.А. Карелина]. – М. : ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. – С. 251–672.

Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки / П. Фейерабенд ; [пер. с англ. и нем. А.Л. Никифорова; общ. ред. и вступ. ст. И.С. Нарского]. – М. : Прогресс, 1986. – 540 с.

Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод / Л. Филлипс, М.В. Йоргенсен. – Х. : Гуманитарный Центр, 2004. – 336 с.

Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения / Н.И. Формановская. – М. : Высш. шк., 1989. – 159 с.

Фреге Г. Логика и логическая семантика : сб. тр. / Г. Фреге ; [пер. с нем. Б.В. Бирюкова по ред. З.А. Кузичевой : учеб. пособие для студ. вузов]. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 512 с.

Фролова І.Є. Конфронтація як різновид міжособистісної взаємодії / І.Є. Фролова // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2010. – № 928. – С. 68–74.

Фролова І.Є. Регулятивний потенціал стратегії конфронтації в англomовному дискурсі : автореф. дис. на здобуття наук ступеня доктора філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / І.Є. Фролова. – Харків, 2015. – 36 с.

Фролова І.Є. Стратегія конфронтації в англomовному дискурсі : [монографія] / І.Є. Фролова. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2009. – 344 с.

Фуко М. Археология знания / М. Фуко. – СПб. : ИЦ «Гуманитарная академия», 2004. – 416 с.

Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования / М.А. Холодная. – СПб. : Питер, 2002. – 272 с.

Хомский Н. Синтаксические структуры / Н. Хомский // Новое в лингвистике. Вып. II. – М. : Прогресс, 1962. – С. 412–527.

Худяков А.А. Проблема смысла в свете знаковой теории языка [Электронный ресурс] / А.А. Худяков // Язык и речевая деятельность. – 2000. – № 3, т. 1. – Режим доступа : <http://professor-hudyakov.ru/pdf/2000-sense.pdf>

Цюрупа М.В. Основы конфликтологии та теорії переговорів / М.В. Цюрупа. – К. : Кондор, 2004. – 172 с.

Черникова И.В. Постнеклассическая наука и философия процесса / И.В. Черникова. – Томск : Изд-во НТЛ, 2007. – 252 с.

Чернявская В.Е. Дискурс как фантомный объект: от текста к дискурсу и обратно? [Электронный ресурс] / В.Е. Чернявская // Когниция, коммуникация, дискурс : междунар. электрон. сб. науч. ст. – Харьков : ХНУ имени

В.Н. Каразина, 2011. – № 3. – С. 86–95. – Режим доступа : <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/>

Чернявская В.Е. Интертекстуальность и интердискурсивность / В.Е. Чернявская // Текст – Дискурс – Стилль. Проблемы экономического дискурса. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2003. – С. 11–22.

Чесноков И.И. Месть как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры) : автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / И.И. Чесноков. – Волгоград, 2009. – 44 с.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика : учеб. пособие для студ., асп., преп.-филологов / А.П. Чудинов. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 254 с.

Шевченко И.С. Абрис когнитивного вектора прагмалингвистики / И.С. Шевченко, И.П. Сусов, Л.Р. Безуглая // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2008. – № 811. – С. 3–7.

Шевченко И.С. Гибридная природа извинения: когнитивно-прагматический анализ / И.С. Шевченко // Жанры речи : сб. науч. ст. – Вып. 6. Жанры и язык. – Саратов : Наука, 2009. – С. 329–337.

Шевченко И.С. Дискурс как мыслекоммуникативное образование / И.С. Шевченко, Е.И. Морозова // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2003. – № 586. – С. 33–38.

Шевченко И.С. Историческая динамика прагматики предложения. Английское вопросительное предложение 16–20 вв. : [монография] / И.С. Шевченко. – Харьков : Константа, 1998. – 168 с.

Шевченко И.С. Концепты коммуникативного поведения и дискурс / И.С. Шевченко // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2013. – № 1072. – С. 15–20.

Шевченко И.С. Понятийная категория ДОБРО в английской языковой картине мира / И.С. Шевченко, И.В. Змиева // Антология концептов. – Том 5. – Волгоград : Парадигма, 2007. – С. 4–16.

Шевченко И.С. Речевой акт как единица дискурса: когнитивно-прагматический подход / И.С. Шевченко // Тверской лингвистический меридиан : сб. науч. ст. – Вып. 7 : В мире языка / [под ред. Л.П. Рыжовой]. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2007. – С. 69–80.

Шевченко И.С. Соотношение информативной и фатической функций как проблема эколингвистики [Электронный ресурс] / И.С. Шевченко // Когниция, коммуникация, дискурс : междунар. электрон. сб. науч. ст. – Харьков : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2015. – № 10. – С. 114–132. – Режим доступа : <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/>

Шевченко І.С. Когнітивно-прагматичні дослідження дискурсу / І.С. Шевченко // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен : [кол. монографія] / [заг. ред. І.С. Шевченко]. – Харків : Константа, 2005. – С. 105–117.

- Шейгал Е.И. Концепты и категории дискурса / Е.И. Шейгал // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс : сб. науч. тр. – Волгоград : Парадигма, 2006. – С. 24–39.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.
- Шиляева Т.В. Коммуникативные стратегии в тексте англоязычной христианской проповеди / Т.В. Шиляева // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2011. – № 972. – С. 74–80.
- Шимикина К.М. Коммуникативное давление в русском общении / К.М. Шимикина // Теоретическая и прикладная лингвистика : сб. науч. тр. – Воронеж : Изд-во ВГТУ, 2000. – Вып. 2. Язык и социальная среда. – С. 103–107.
- Шкатова Л.А. Прагматика текста / Л.А. Шкатова // Текст: восприятие, информация, интерпретация. Актуальные проблемы перевода. Чтение как феномен культуры. Текст в системе обучения: проблемы восприятия и методики. Имиджелогия и PR : I междунар. науч. конф. Российского нового университета, 2002 г. : сб. докл. – М. : Росноу, 2002. – С. 287–298.
- Шостром Э. Анти-Карнеги, или человек-манипулятор / Э. Шостром. – Минск : Полифакт, 1992. – 132 с.
- Щедровицкий Г.П. К характеристике основных направлений исследования знака в логике, психологии и языкознании [Электронный ресурс] / Г.П. Щедровицкий. – Режим доступа : <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/26>
- Щедровицкий Г.П. Мышление. Понимание. Рефлексия / Г.П. Щедровицкий. – М. : Наследие ММК, 2005. – 800 с.
- Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология / Г.П. Щедровицкий. – М. : Школа Культурной Политики, 1996. – 641 с.
- Щетинина Ю.В. Вербальная агрессия / Ю.В. Щетинина. – М. : Ком. Книга, 2006. – 360 с.
- Юшкевич В.І. Тематичні моделі англомовного ділового дискурсу : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови». – Харків, 2015. – 20 с.
- Яворська Г.М. Прескрептивна лінгвістика як дискурс: Мова, культура, влада : [монографія] / Г.М. Яворська. – К. : Нац. акад. наук України. Ін-т мовознавства імені О.С. Потебні, 2000. – 208 с.
- Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм «за» и «против». – М. : Прогресс, 1975. – С. 193–231.
- Янушкевич И.Ф. Семантико-синтаксические и прагматические свойства диалогических высказываний со значением дезинформирования : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / И.Ф. Янушкевич. – Пятигорск, 1992. – 18 с.

- Ярмаркина Г.М. Обыденная риторика: просьба, приказ, предложение, убеждение, уговоры и способы их выражения в русской разговорной речи : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ярмаркина Галина Михайловна. – Саратов, 2001. – 150 с.
- Ярхо А.В. Референціальний хеджинг як стратегія етикетизації у дискурсі англomовної науково-дослідницької статті: контрактивний аналіз / А.В. Ярхо // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2010. – № 930. – С. 82–90.
- Anderson J.A. Human associate memory / J.A. Anderson, G.H. Bower. – Washington, DC : Winston & Sons, 1973. – 524 p.
- Anderson J.R. Language, memory and thought / J.R. Anderson. – Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 1976. – 546 p.
- Anderson J.R. The Architecture of Cognition / J. Anderson. – Cambridge, M.A. : Harvard University Press, 1983. – 345 p.
- Anderson K. Hacktivism and Politically Motivated Computer Crime [Electronic resource] / K. Anderson. – Encurve LLC. 2009. – Access mode : <http://rageuniversity.com/PRISONESCAPE/ANTITERROR%20LAWS/Politically-Motivated-Computer-Crime.pdf>.
- Antaki C. Explaining and arguing: The social organization of accounts / C. Antaki. – London, etc. : Sage Publ., 1994. – 283 p.
- Aronson E. Social Psychology, 8th Edition / E. Aronson, T. Wilson, R. Akert. – USA : Pearson Education, 2013. – 608 p.
- Barthes R. Mythologies / R. Barthes ; [trans. by A. Lavers, 37th printing]. – London : Jonathon Cape, [1957] 2001. – 146 p.
- Beaugrande R. de. Introduction to Text Linguistics / R. de. Beaugrande, W. Dressler. – L. : Longman, 1981. – 269 p.
- Bergeron A. Journal of Pragmatics / A. Bergeron. – 2003. – V. 35. – P. 1613–1631.
- Bergson H. L'Évolution créatrice / H. Bergson. – Paris : PUF Quadrige, 2007. – 696 p.
- Billig M. Social representations, objectification and anchoring: a theoretical analysis / M. Billig // Social Behavior. – 1988. – Vol. 3. – P. 1–16.
- Boggs S. T. The development of verbal disputing in part-Hawaiian children / S.T. Boggs // Language in Society. – 1978. – № 7. – P. 325–344.
- Brenneis D. Language and disputing / D. Brenneis // Annual Review of Anthropology. – 1988. – № 17. – P. 221–237.
- Briggs I. Fractals: The Patterns of Chaos. Discovering a New Aesthetics of Art, Science and Nature / I. Briggs. – New York : Simon and Schuster Building, 1992. – 192 p.
- Brown G. Discourse analysis / G. Brown, G. Yule. – Cambridge : Cambridge University Press, 1983. – 288 p.

- Brown P. Politeness: Some universals in language use / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1987. – 345 p.
- Buck R.A. Towards an extended theory of face action: Analyzing dialogue in E.M. Forster's *A Passage to India* / R.A. Buck // *Journal of Pragmatics*. – 1997. – Vol. 27. – P. 83–106.
- Burr V. *An Introduction to Social Constructionism* / V. Burr. – London : Sage, 1995. – 198 p.
- Carston R. Linguistic Meaning, Communicated Meaning and Cognitive Pragmatics / R. Carston // *Mind and Language*. – 2002. – V.17, № 1–2. – P. 127–148.
- Channell J. Vagueness as a conversational strategy / J. Channell // *Nottingham Linguistic Circular*. – 1985. – V. 14. – P. 3–24.
- Chaos and Order. *Complex Dynamics in Literature and Science* ; [Ed. by N.K. Hayles]. – Chicago : The University of Chicago Press, 1991. – 318 p.
- Chen R. Self-politeness: A proposal / R. Chen // *Journal of Pragmatics*. – 2001. – Vol. 33. – P. 87–106.
- Chodorowska M. On the polite function of time entientes in Spanish / M. Chodorowska // *Journal of Pragmatics*. – 1997. – Vol. 28. – P. 355–371.
- Chomsky N. A Review of B.F. Skinner's *Verbal Behavior* / N. Chomsky // *Language*. – Vol. 35, No. 1. – 1959. – P. 26–58.
- Chomsky N. *Lectures on government and binding* / N. Chomsky. – Dordrecht : Foris Publications, 1981. – 371 p.
- Chomsky N. *The Architecture of language* / N. Chomsky. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – P. 4.
- Chomsky N. *The minimalist program* / N. Chomsky. – Cambridge, Massachusetts; London, England : The MIT Press, 1995. – 420 p.
- Chomsky N. *The Theory of principles and parameters* / N. Chomsky, H. Lasnik // *The minimalist program*. – Cambridge, Massachusetts; London, England : The MIT Press, 1995. – P. 13–129.
- Clark A. The extended mind / A. Clark, D. Chalmers // *Analysis*. – 1998. – Vol. 58, № 1. – P. 7–19.
- Clausner T.C. Domains and image schemas / T.C. Clausner, W. Croft // *Cognitive Linguistics*. – 1999. – Vol. 9, № 2. – P. 1–31.
- Coulthard M. *An Introduction to Discourse Analysis* / M. Coulthard. – L. : Longman, 1977. – 195 p.
- Coveney P. *Frontiers of Complexity. The search for Order in a Chaotic World* / P. Coveney, R. Highfield. – London : Faber and Faber Ltd, 1996. – 462 p.
- Croft W. *Cognitive Linguistics* / W. Croft, D.A. Cruse. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 356 p.

- Cruse D.A. Prototype theory and lexical semantics / D.A. Cruse // *Meaning and prototypes in linguistic categorization.* – London : Pandora, 1990. – P. 382–402.
- Dahlgren K. The nature of linguistic stereotypes / K. Dahlgren // *Papers from the Parasession on the lexicon.* – Chicago : Chicago Univ. Press. – 1978. – P. 58–70.
- Dawkins R. *The Selfish Gene* / R. Dawkins. – Oxford : Oxford University Press, 2006. – 384 p.
- Di Pietro R.J. *Strategic Interaction: learning languages through scenarios* / Di R.J. Pietro. – Cambridge : CUP, 1987. – 155 p.
- Diderichsen P. *Essentials of Danish Grammar* / P. Diderichsen. – Copenhagen : Akademisk Forlag, 1964. – 78 p.
- Dijk T.A. van. *Text and context. Exploration in the Semantics and Pragmatics of Discourse* / T.A. van.Dijk. – L. : Longman, 1977. – 261 p.
- Dik S.C. *The Theory of Functional Grammar. Part 1: The Structure of the Clause* / S.C. Dik ; [2nd edn. ; ed. by K. Hengeveld (Functional Grammar Series 20)]. – Berlin and New York : Mouton de Gruyter, 1997. – 532 p.
- Dik S.C. *The Theory of Functional Grammar. Part 2: Complex and Derived Constructions* / S.C. Dik ; [2nd edn. ; ed. by K. Hengeveld (Functional Grammar Series 21)]. – Berlin and New York : Mouton de Gruyter, 1997. – 447 p.
- Dirven R. *By way of introduction* / R. Dirven, V. Freid // *Functionalizm in Linguistics.* – Amsterdam, Philadelphia : Benjamins, 1987. – P. ix–xvii.
- Dynamics, Synergetics, Autonomous Agents* ; [Ed. by W. Tschacher, S.-P. Dauwalder]. – Singapore : World Scientific, 1999. – 315 p.
- Eckert P. *Communities of practice: where language, gender and power all live* / P. Eckert, S. McConnell-Ginet // *Language and Gender.* – [A Reader. Ed. J. Coates]. – Oxford : Blackwell, 1998. – P. 484–494.
- Edmondson W. *Spoken Discourse: A Model for Analysis* / W. Edmondson. – London : Longman, 1981. – 217 p.
- Ehrlich S. *Communities of practice, gender and the representation of sexual assault* / S. Ehrlich // *Language in Society.* – 1999. – № 28. – P. 239–256.
- Eisenberg A.R. *Children's use of verbal strategies in resolving conflicts* / A.R. Eisenberg, C. Garvey // *Discourse Processes.* – 1981. – № 4. – P. 149–170.
- Evans V. *Cognitive Linguistics. An Introduction* / V. Evans, M. Green. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. – 851 p.
- Evans V. *How Words Mean* / V. Evans. – Oxford : Oxford University Press, 2009. – 400 p.
- Evans V. *Lexical Concepts, cognitive models and meaning-construction* / V. Evans // *Cognitive Linguistics.* – 2006. – # 17–4. – P. 491–534.

- Fairclough N. *Analysing Discourse. Textual analysis for social research* / N. Fairclough. – London and New York : Routledge, 2003. – 270 p.
- Fairclough N. *Critical discourse analysis* / N. Fairclough. – New York : Longman Group Limited, 1995. – 596 p.
- Fairclough N. *Language and power* / N. Fairclough. – New York : Longman Group UK Limited, 1989. – 257 p.
- Fauconnier G. *Conceptual projection and middle spaces* [Electronic resource] / G. Fauconnier, M. Turner. – San Diego : University of California, Department of Cognitive Science Technical Report. – No 9401, 1994. – Access : <http://www.blending.stanford.edu>.
- Fauconnier G. *Mappings in thought and language* / G. Fauconnier. – Cambridge, U.K. : CUP, 1997. – 205 p.
- Fauconnier G. *The way we think : Conceptual blending and the mind's hidden complexities* / G. Fauconnier, M. Turner. – New York : Basic Books, 2002, xvii + 440 p.
- Fernando C. *Idioms and Idiomaticity* / C. Fernando. – Oxford : OUP, 1996. – 150 p.
- Filley A. *Interpersonal Conflict Resolution* / A. Filley. – Glenview, Ill., 1975. – 318 p.
- Fillmore Ch. *Frame semantics* / Ch. Fillmore // *Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL*. – 1981. – Seoul, 1982. – P. 111–137.
- Fillmore Ch. *Frames and the semantics of understanding* / Ch. Fillmore // *Quaderni di Semantica*. – 1985. – № 6(2). – P. 222–253.
- Fillmore Ch.J. *How do we know whether you're coming or going* / Ch.J. Fillmore // Rauh G. (ed.). *Essays on deixis*. – Tübingen : Narr, 1983. – P. 219–227.
- Firth J.R. *Papers in linguistics, 1934–1951* / J.R. Firth. – London, New York : Oxford University Press, 1957. – 233 p.
- Fodor J.A. *The Language of Thought* / J.A. Fodor. – Cambridge; Massachusetts : Thomas Y. Crowell company, Inc., 1975. – 215 p.
- Fodor J.A. *The Modularity of Mind* / J.A. Fodor. – Cambridge; Massachusetts : The MIT Press, 1983. – 145 p.
- Fodor J.A. *The red herring and the pet fish: why concepts still can't be prototypes* / J.A. Fodor, E. Lepor // *Cognition*. – 1996. – Vol. 58. – P. 253–270.
- Fodor J.A. *Psychosemantics. The Problem of Meaning in the Philosophy of Mind* / J.A. Fodor. – Cambridge; Massachusetts, 1987. – P. xiii + 171.
- Foucault M. *Les mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines* / M. Foucault. – Paris : Gallimard, 1966. – 405 p.
- Freed A. *Communities of practice and pregnant women: is there a connection?* / A. Freed // *Language in society*. – 1999. – № 28/2. – P. 257–271.

- From Simplicity to Complexity. Part II. Information – Interaction – Emergence ; [Ed. by K. Mainzer, A. Müller, W.G. Saltzer]. – Braunschweig, Weisbaden : Vieweg, 1998. – 233 p.
- Geerarts D. Diachronic prototype semantics: A contribution to historical lexicology / D. Geerarts. – Oxford : Clarendon Press, 1997. – 216 p.
- Geerarts D. Theories of lexical semantics / D. Geerarts. – Oxford : OUP, 2010. – 362 p.
- Gergen K. Constructionist dialogue and the vicissitudes of the political / K. Gergen // I. Velody, R. Williams (eds.). The Politics of Constructionism. – London : Sage, 1998. – P. 33–48.
- Goatley A. Green Grammar and Grammatical Metaphor, or Language and Myth of Power, or Metaphors We Die By / A. Goatley // The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment / [ed. A. Fill, P. Mülhäusler]. – Continuum : London and New York, 2001. – P. 203–225.
- Goffman E. Interaction ritual / E. Goffman. – London : Allen Lane, 1972. – 270 p.
- Gorer J. Exploring English Character / J. Gorer. – New York : Criterion Books, 1955. – 328 p.
- Grainger K. Politeness or Impoliteness? Verbal Play on the Hospital Ward [Electronic resource] / K. Grainger. – Access mode : [http: www.lboro.ac.uk/ departments/ea/politeness/](http://www.lboro.ac.uk/departments/ea/politeness/).
- Grazier P. Conflict [Electronic resource] / P. Grazier. – 2004. – Access mode : www.teambuildinginc.com.
- Green M. Cognitive stage differences in types of speaker uncertainty markers / M. Green // Language and Speech. – 1984. – V. 27, № 4. – P. 323–331.
- Grice H.P. Logic and Conversation / H.P. Grice // Studies in the Way of Words. – Cambridge, MA : Harvard Univ. Press, 1991. – P. 22–40.
- Grimshaw A. D. Conflict talk: Sociolinguistic investigations in conversations / A.D. Grimshaw. – Cambridge, UK : CUP, 1990. – 354 p.
- Grimshaw A.D. Sociolinguistics / A.D. Grimshaw // Advances in the Sociology of Language ; [J.A. Fishman (ed.)]. – The Hague : Mouton, 1976. – Vol. 1. – P. 92–151.
- Gumperz J. J. Discourse Strategies / J. J. Gumperz. – Cambridge : CUP, 1982. – 402 p.
- Halliday M.A.K. A Recent View of «Missteps» in Linguistic Theory / M.A.K. Halliday // Functions of Language 22. Vol. 3 of The Collected Works. – 1995. – P. 236.
- Halliday M.A.K. An Introduction to functional grammar / M.A.K. Halliday. – London : Arnold, 1985a. – 207 p.
- Halliday M.A.K. Categories of the theory of grammar / M.A.K. Halliday // Word. – 1961. – Vol. 17(3). – P. 241–292.

- Halliday M.A.K. *Explorations in the Functions of Language* / M.A.K. Halliday. – London : Edward Arnold. – 1973. – 152 p.
- Halliday M.A.K. *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*/ M.A.K. Halliday. – Baltimore : University Park Press, 1978. – 256 p.
- Halliday M.A.K. *Meaning as Choice* / M.A.K. Halliday // Fontaine L., Bartlett T., O’Grady, G. *Choice. Critical Considerations in Systemic Functional Linguistics*. – Cambridge : Cambridge University Press, 2013. – P. 1.
- Halliday M.A.K. *Systemic Background* / M.A.K. Halliday // *Systemic Perspectives on Discourse, Vol. 1: Selected Theoretical Papers from the Ninth International Systemic Workshop* ; James D. Benson and William S. Greaves (eds). Ablex. Vol. 3 in *The Collected Works*. – 1985b. – P. 192.
- Hardy C. *Networks of meaning: A bridge between mind and matter* / C. Hardy. – Westport, Connecticut; London : Praeger, 1998. – 217 p.
- Harré R. *Discursive psychology* / R. Harré // *Rethinking Psychology*. – L.; N.Y. : Longman, 1995. – P. 143–159.
- Harré R. *The Discursive Mind* / R. Harré, G. Gillet. – L. : Sage Publications, 1994. – 190 p.
- Harris R. *From an integrational point of view* / R. Harris // *Linguistics inside out: Roy Harris and his critics*. – [ed. by G. Wolf, N. Love]. – Amsterdam : Benjamins, 1997. – P. 229–310.
- Heisler T. *Evaluative metadiscursive comments and face-work in conversational discourse* / T. Heisler, D. Vincent, A.A. Bergeron // *Journal of Pragmatics*. – 2003. – V. 35, № 10–11. – P. 1613–1631.
- Hobbs P. *The medium is the message: politeness strategies in men’s and women’s voice mail messages* / P. Hobbs // *Journal of Pragmatics*. – 2003. – Vol. 35. – P. 243–262.
- Holmes J. *Paying Compliments: A Sex-Preferential Politeness Strategy* / J. Holmes // *Journal of Pragmatics*. – 1988. – Vol. 12. – P. 445–465.
- Holmes J. *The community of practice: Theories and methodologies in language and gender research* / J. Holmes, M. Meyerhoff // *Language in Society*. – 1999. – № 28. – P. 173–183.
- Holmes J. *Women, men and politeness* / J. Holmes. – London, New York : Longman, 1995. – 232 p.
- Jackendoff R. *Semantics and Cognition* / R. Jackendoff. – Cambridge (Mass.) : MIT Press, 1993. – 287 p.
- Järvilehto T. *The theory of the organism-environment system: III. Role of efferent influences on receptors in the formation of knowledge* / T. Järvilehto. // *Integrative Psychological and Behavioural Science*. – 1999. – Vol. 34. – P. 90–100.

- Ji S. 'Face' and polite verbal behaviors in Chinese culture / S. Ji // *Journal of Pragmatics*. – 2000. – Vol. 32. – P. 1059–1062.
- Johnson M. *The Body in the mind (the bodily basis of meaning, imagination, and reason)* / M. Johnson. – Chicago, L. : The Un-ty of Chicago Press, 1987. – 233 p.
- Johnson M. Why cognitive linguistics requires embodied realism / M. Johnson, G. Lakoff // *Cognitive Linguistics*. – 2002. – Vol. 13, № 3. – P. 245–263.
- Johnson-Laird P.N. *Mental models* / P.N. Johnson-Laird. – Cambridge : CUP, 1983. – 528 p.
- Kadt E. The concept of face and its applicability to the Zulu language / E. Kadt // *Journal of Pragmatics*. – 1998. – Vol. 29. – P. 173–191.
- Keller E. *Gambits: Conversational Strategy Signals* / E. Keller // *Conversational Routine*. – [F. Coulmas (ed.)]. – La Haye, Paris, New York: Mouton, 1981. – P. 93–113.
- Kellermann K. *Communication: inherently strategic and primarily automatic* / K. Kellermann // *Communication Monographs*. – 1992. – V. 59. – P. 288–300.
- Kemmer S. *Schemas and Lexical Blends* / S. Kemmer // *LAUD Series B: Applied and Interdisciplinary Papers*. – 2000, № 299. – P. 1–28.
- Kihlstrom J. *Unconscious processes in social interaction* / J. Kihlstrom // S.R. Hameroff, A.W. Kaszniak, A.C. Scott (Eds.). *Toward a science of consciousness*. – Cambridge, MA : MIT Press/Bradford Books, 1996. – P. 252–283.
- Kopytko R. *From Cartesian towards non-Cartesian Pragmatics* / R. Kopytko // *Journal of Pragmatics*. – 2001. – V. 33, № 6. – P. 783–804.
- Kotthoff H. *Disagreement and concession in disputes: on the context sensitivity of pretence structures* / H. Kotthoff // *Language in Society*. – 1993. – № 22. – P. 193–216.
- Kövesčes Z. *Metaphor. A Practical Introduction* / Z. Kövesčes. – Oxford : Oxford University Press, 2002. – 285 p.
- Kramsch C. *Ecological perspective of second language acquisition* [Electronic resource] / C. Kramsh, S.V. Steffensen. – Access mode : http://www.academia.edu/1010980/Ecological_Perspectives_on_Second_Language_Acquisition_and_Socialization
- Kramsch C. (Ed.) *Language acquisition and language socialization / C. Kramsch // Ecological perspectives*. – L. : Continuum, 2002. – P. 140–164.
- L'Hôte E. *Identity, Narrative and Metaphor. A Corpus-Based Cognitive Analysis of New Labour Discourse* / E. L'Hôte. – Palgrave Macmillan, 2014. – 305 p.
- Laclau E. *Hegemony in Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics* / E. Laclau, C. Mouffe. – London : Verso, 1985. – 217 p.

- Laforest M. Scenes of family life: complaining in everyday conversation / M. Laforest // *Journal of Pragmatics*. – 2002. – № 34. – P. 1595–1620.
- Laird J.E. SOAR: An architecture for general intelligence / J.E. Laird, A. Newell, P.S. Rosenbloom // *AI*. – 1987. – Vol. 33, № 1. – P. 1–64.
- Lakoff G. Foreword to Gilles Fauconnier, *Mental Spaces* / G. Lakoff, E. Sweetser. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – P. ix–xlvi.
- Lakoff G. *Metaphors we live by* / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : Chicago University Press, 1980. – 242 p.
- Lakoff G. *Philosophy in the flesh : the embodied mind and its challenge to Western thought* / G. Lakoff, M. Johnson. – New York : Basic Books, 1999. – 624 p.
- Lakoff G. *Women, fire and other dangerous things. What categories reveal about mind* / G. Lakoff. – Chicago and London : Chicago University Press, 1987. – 614 p.
- Lakoff R. The logic of politeness, or, minding your ps and qs / R. Lakoff // *Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society*. – Chicago, 1973. – P. 292–305.
- Langacker R. Discourse in cognitive grammar / R. Langacker // *Cognitive Linguistics* 12. – 2001. – № 2. – P. 143–188.
- Langacker R.W. *Foundations of Cognitive Grammar : [In 2 Vol.]* / R.W. Langacker. – Stanford (Ca) : Stanford Univ. Press, 1987. – Vol. 1 : Theoretical Prerequisites. – 516 p.
- Langacker R.W. *Cognitive grammar. A basic introduction* / R.W. Langacker. – New York : Oxford University Press, 2008. – 562 p.
- Langacker R.W. *Grammar and Conceptualization* / R.W. Langacker. – Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 2000. – 430 p.
- Langacker R.W. *Grammar and Conceptualization* / R.W. Langacker. – Vol. 1: Theoretical Prerequisites. – Stanford CA : Stanford University Press, 1987. – 515 p.
- Langacker R. *Functional Statigraphy* / R. Langacker // *Papers from Parasession of Functionalism*. – Chicago Linguistic Society. – Chicago, Illinois, 1975. – P. 351–397.
- Lauridsen K.M. Principles for a syntactico-semantic analysis of the modal verbs in English and Danish / K.M. Lauridsen // *24 International conference on Polish-English Contrastive Linguistics*. – Brazejewko, 1989. – P. 2–5.
- Leech G.N. *Principles of Pragmatics* / G.N. Leech. – London, New York : Longman, 1983. – 133 p.
- Leech G. *Principles of pragmatics* / G. Leech. – London, N.Y. : Longman, 1983. – 250 p.

- Leichty G. Social-cognitive and situational influences on the use of face-saving persuasive strategies / G. Leichty, J. Applegate // *Human Communication Research*. – 1991. – V. 17, № 3. – P. 451–484.
- Leung S. Conflict Talk: A Discourse Analytical Perspective Working [Electronic resource] / S. Leung // *Papers in TESOL & Applied Linguistics*. – Access : www.tc.columbia.edu/tesolawebjournal.
- Levinson S.C. *Pragmatics* / S.C. Levinson. – London etc. : Oxford University Press, 1983. – 420 p.
- Levy D. Communicative goals and strategies: between discourse and syntax / D. Levy // *Syntax and Semantics*. – 1979. – V. 12. – P. 183–210.
- Mansueto A.E. *Towards Synergism. The Cosmic Significance of the Human Civilization Project* / A.E. Mansueto. – New York : University Press of America, 1995. – 513 p.
- Mao L.R. Beyond politeness theory: «Face» revisited and renewed / L.R. Mao // *Journal of Pragmatics*. – 1995. – № 24. – P. 451–486.
- Martinet A. *Langue et Fonction* / A. Martinet. – Paris : Denoël, 1969. – 200 p.
- Martinet A. *Studies in Functional Syntax* / A. Martinet. – München : Wilhelm Fink Verlag, 1975. – 275 p.
- Martynyuk A. The art of metaphoric political insult within the cognitive framework / A. Martynyuk // *Language – Literature – the Arts: A Cognitive-Semiotic Interface*. – Frankfurt on Main : Peter Lang, 2017. – P. 245–260.
- Martynyuk A. Gesture-verbal utterances from the cognitive perspective [Electronic resource] / A. Martynyuk. – *Advanced Education*. – 2016(6). – Issue 6. – P. 47–52. – Access : <http://dx.doi.org/10.20535/2410-8286.85314>.
- Martynyuk A. Metaphoric political insults: cognitive analysis / A. Martynyuk // *US China Foreign Language*. – 2015(6). – Vol. 13. – № 1. – P. 19–26.
- Martynyuk A.P. Cognitive Instruments of Investigating Communicative Failures / A.P. Martynyuk // *Когниция, коммуникация, дискурс : междунар. электрон. сб. науч. ст. – Харьков : ХНУ имени В.Н. Каразина. – 2014. – № 8. – С. 51–62. – Режим доступа : <http://communication-discourse.com/issues/issue8/a-p-martynyuk-kognitivnye-instrumenty-issledovaniya-kommunikativnyh-neudach>*
- Maturana H.R. *Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living* / H.R. Maturana, F.J. Varela // *Boston Studies in the Philosophy of Science* [Cohen, Robert S., Marx W. Wartofsky (eds.)]. – Vol. 42. – Dordrecht : D. Reidel Publishing Co., 1980. – P. 63–134.
- Maturana H.R. *The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding* / H.R. Maturana, F.J. Varela. – Boston & London : New Science Library, 1987. – 269 p.

- McClelland J.L. The appeal of parallel distributed processing / J.L. McClelland, D.E. Rumelhart, G.E. Hilton // PDP Research Group. Parallel Distributed Processing: Explorations in the microstructure of cognition. – Cambridge, MA : MIT Press, 1986. – Vol. 1. – P. 3–44.
- Meier A.J. Passages of politeness / A.J. Meier // Journal of Pragmatics. – 1995. – № 24. – P. 381–392.
- Menzel P. Semantics and Syntax in Complementation / P. Menzel. – Paris : The Hague, 1975. – 375 p.
- Meyerhoff M. Sorry in the Pacific: defining communities, defining practices / M. Meyerhoff // Language in Society. – 1999. – № 28/2. – P. 225–239.
- Miller G.A. Language and Perception / G.A. Miller, P. Johnson-Laird. – Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1976. – P. viii + 760.
- Mills S. Rethinking Politeness, Impoliteness and Gender Identity [Electronic resource] / S. Mills. – 2002. – Access mode : <http://www.lboro.ac.uk/departments/ea/politeness/GenderandPoliteness.htm>.
- Moore T. Understanding language: towards a post-Chomskyan linguistics / T. Moore, C. Carling. – London : Macmillan, 1982. – 225 p.
- Mullany L. «I don't think you want to get a word in edgeways do you John?» Re-assessing (im)politeness, language and gender in political broadcast interviews ; [Electronic resource] / L. Mullany. – Access mode : <http://extra.shu.ac.uk/wpw/politeness/mullany.htm>.
- Neisser U. Cognitive psychology / U. Neisser. – Englewood Cliffs : Prentice-Hall, 1967. – 348 p.
- Nelson C.K. If it sounds too good to be true, it is: A Wittgensteinian approach to the conflict literature / C.K. Nelson // Language and Communication. – 2001. – № 21. – P. 1–22.
- Nerlich B. Language, action and context. Linguistic pragmatics in Europe and America (1800–1950) / B. Nerlich, D. Clarke // Journal of Pragmatics. – 1994. – V. 22, № 5. – P. 430–363.
- Parsons T. The System of Modern Societies / T. Parsons. – Englewood Cliffs : Prentice Hall, 1971. – 409 p.
- Peirce Ch.S. How to make our ideas clear / Ch.S. Peirce // Ch.S. Peirce: Selected Writings (Values in a Universe of Chance) [edited with an introduction and notes by Philip P. Wiener]. – N.Y. : Dover Publications, inc., 1958. – 446 p.
- Pilegaard M. Politeness in written business discourse: A textlinguistic perspective on requests / M. Pilegaard // Journal of Pragmatics. – 1997. – Vol. 28. – P. 223–24.
- Pizziconi B. Re-examining politeness, face and the Japanese language / B. Pizziconi // Journal of Pragmatics. – 2003. – Vol. 35. – P. 1471–1506.

- Pomerantz A. Agreeing and disagreeing with assessments: Some features of preferred / dispreferred turn shapes / A. Pomerantz // Structure of social action: Studies in conversation analysis ; [In J.M. Atkinson and J. Heritage (Eds.)]. – Cambridge, UK : CUP, 1984. – P. 57–101.
- Prigogine I. The end of certainty : time, chaos, and the new laws of nature / I. Prigogine ; in collaboration with Isabelle Stengers. – New York : Free Press, 1997. – 228 p.
- Pulvermüller F. Concrete mechanisms for abstract meaning [Electronic resource] / F. Pulvermüller // Keynotes' Abstracts of Abstract Concepts: Structure, Processing and Modeling. International Symposium November 18th 2016, Amsterdam NL. – Access mode : <https://abstractconceptsnet.files.wordpress.com/2016/10/keynotes-abstracts1.pdf>
- Rationality: Intentions, categories and Ends. – Oxford : Clarendon Press, 1986. – P. 209–226.
- Ruelle D. Chaotic Evolution and Strange Attractors / D. Ruelle. – Cambridge : CUP, 1989. – 99 p.
- Rumelhart D.E. A process model for long-term memory / D.E. Rumelhart, P.H. Lindsay, D.A. Norman // E. Tulving, W. Donaldson (eds.) Organization of memory. – New York : Academic Press, 1972. – P. 197–246.
- Sacks H. A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation / H. Sacks, E.A. Schegloff, G. Jefferson // Language. – Vol. 50(4). – Part I. – 1974. – P. 696–735.
- Sapir E. Language and Environment / E. Sapir // The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment / [ed. A. Fill, P. Mülhäusler]. – Continuum : London and New York, 2001. – P. 13–23.
- Schegloff E. Opening up closing / E. Schegloff, H. Sacks // Semiotica. – Amsterdam etc., 1973. – Vol. 8, № 7/4. – P. 289–327.
- Schiffrin D. Approaches to Discourse / D. Schiffrin. – Oxford : Blackwell, 1994. – 470 p.
- Schiffrin D. Everyday argument: The organization of diversity in talk / D. Schiffrin // Handbook of Discourse Analysis ; [In T.A. Van Dijk (Ed.)]. – London, UK : Academic Press, 1985. – Vol. 3. – P. 35–46.
- Schlieben-Lange B. Für eine historische Analyse von Sprechakten / B. Schlieben-Lange // H. Weber, H. Weydt (Hrsg.). Sprachtheorie und Pragmatik. – Tübingen : Niemeyer, 1976. – 119 S.
- Searle J. Indirect speech acts / J. Searle // Syntax and semantics. Vol. 3: Speech Acts / [ed. by P. Cole, J. Morgan]. – N.Y. : Academic Press, 1975. – P. 59–82.
- Searle J. Meaning, Communication and Representation / J. Searle // R. Grandy, R. Warnow (eds.) Philosophical Grounds of Rationality: Intentions, Categories, Ends. – Oxford : Oxford University Press, 1986. – P. 209–226.

- Shannon C. *The Mathematical Theory of Communication* / C. Shannon, W. Weaver. – Urbana : University of Illinois Press, 1949. – 144 p.
- Shevchenko I.S. *Meaning as discursive construal in Cognitive-Pragmatic Paradigm* / I.S. Shevchenko // *Нова філологія*. – Запоріжжя, 2005. – Вип. 2 (22). – С. 182–186.
- Silverstein M. *The culture of language in Chinookian narrative texts; or, On saying that ... in Chinook* / M. Silverstein // *Grammar inside and outside the clause: Some approaches to theory from the field*. – Cambridge : CUP. – 1985. – P. 132–171.
- Simon H.A. *The logic of heuristic decision making* / H.A. Simon // *The logic of decision and action*. – 1967. – P. 1–20.
- Sinclair J.M. *Towards an Analysis of Discourse* / J.M. Sinclair, M. Coulthard. – London etc. : OUP, 1975. – 163 p.
- Skewis M. *Mitigated directness in Honglou meng: directive speech acts and politeness in eighteenth century Chinese* / M. Skewis // *Journal of Pragmatics*. – 2003. – Vol. 35. – P. 161–189.
- Skinner B.F. *Verbal behavior* / B.F. Skinner. – Cambridge, Massachusetts : B.F. Skinner Foundation Reprint Series, 2014. – 553 p.
- Sperber D. *Pragmatics, Modularity and Mind-reading* / D. Sperber, D. Wilson // *Mind and Language*. – 2002. – V.17, № 1–2. – P. 3–23.
- Sperber D. *Relevance: communication and cognition* / D. Sperber, D. Wilson. – Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1986. – 326 p.
- Stampe D.M. *Meaning and Truth in the Theory of Speech Acts* / D.M. Stampe // *Syntax and Semantics*. – 1975. – Vol. 3. – P. 112–146.
- Stubbs M. *Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language* / M. Stubbs. – Oxford : Blackwell, 1983. – 272 p.
- Sweetser E.E. *Blended spaces and performativity* / E.E. Sweetser // *Cognitive Linguistics*. – 2000. – Vol. 11, N. 3–4. – P. 305–333.
- Sweetser E.E. *The definition of lie: an examination of the folk models underlying a semantic prototype* / E.E. Sweetser // *Cultural models in language and thought* ; [Ed. by D.C. Holland and N. Quinn]. – Cambridge : CUP, 1987. – P. 43–66.
- Tannen D. *Gender and Discourse* / D. Tannen. – New York, Oxford : OUP, 1994. – 203 p.
- Taylor J.R. *On construing the world* / J.R. Taylor // *Language and the cognitive construal of the world* / edited by J.R. Taylor, R.E. MacLaury. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 1995. – P. 1–21.
- The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment* / [ed. A. Fill, P. Mühlhäusler]. – Continuum : London and New York, 2001. – 296 p.

- The Essential Peirce. Vol. 2. N. Houser and C. Kloesel (Eds.) Peirce edition Project. Bloomington I.N. : Indiana University Press, 1998. – 448 p.
- Thompson K. Emile Durkheim / K. Thompson. – New York : Routledge, 2002. – 179 p.
- Thompson S.A. On Addressing Functional Explanation in Linguistics / S.A. Thompson // Language and Communication. – 1991. – Vol. 11. – P. 93–96.
- Tomasello M. Constructing a language: A Usage-based theory of language acquisition / M. Tomasello. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 2003. – 388 p.
- Troemel-Ploetz S. «Let me put it this way, John»: Conversational strategies of women in leadership position / S. Troemel-Ploetz // Journal of Pragmatics. – 1994. – V. 22. – P. 199–209.
- Tsui A. English Conversation / A. Tsui. – Oxford : OUP, 1995. – 298 p.
- Turner M. Reading minds: The Study of English in the age of cognitive science / M. Turner. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 1991. – 298 p.
- Van Dijk T.A. Discourse and manipulation / T.A. van Dijk // Discourse & Society. – 2006. – № 17 (3). – P. 359–383.
- Van Dijk T.A. Discourse and Power / T.A. van Dijk. – Houndsmills : Palgrave, 2008. – 320 p.
- Van Dijk T.A. Ideology. A Multidisciplinary Introduction / T.A. van Dijk. – London : Sage, 1998. – 118 p.
- Van Dijk T.A. Principles of critical discourse analysis / T.A. van Dijk // Discourse and Society. – 1993. – 4 (2). – P. 249–283.
- Van Dijk T.A. Society and Discourse. How Social Contexts Influence Text and Talk / T.A. van Dijk. – New York : Cambridge University Press, 2009. – 298 p.
- Van Dijk T.A. Studies in the pragmatics of discourse / T.A. van Dijk. – The Hague : Mouton de Gruyter, 1982. – 331 p.
- Van Lier L. An ecological and semiotic perspective of language and linguistics / van Lier L. // S. Kramsch (ed.) Language acquisition and language socialization: Ecological perspectives. – London : Continuum, 2002. – P. 140–164.
- Van Valin R.D. (Jr.) Role and Reference Grammar / R.D. van Valin (Jr.), W.A. Foley // E.A. Moravcsik, J.R. Wirth (Eds.). Current approaches to syntax. – New York : Academic Press, 1980. – Vol. 13 «Syntax and semantics». – P. 329–352.
- Vendler Z. Linguistics in philosophy / Z. Vendler. – Ithaca; New York : Cornell University Press, 1967. – 287 p.
- Vincent D. A Few Remarks On Metadiscursive Utterances Constructed with the Verb DIRE / [D. Vincent, D. Deshaies, M Laforest, C. Paradis, L. Perrin] //

- NWAVE 27. – Athens, 1998. – P. 217–250.
- Weeks D. The Eight Essential Steps to Conflict Resolution: Preserving Relationships at Work, at Home and in the Community / D. Weeks. – Los Angeles : Tarcher, 1992. – 462 p.
- Weinreich U. On the semantic structure of English / U. Weinreich // Universals of Language. – Cambridge, Mass. : MIT Press. – 1966. – P. 142–217.
- Wierzbicka A. English Speech Act Verbs: A Semantic Dictionary / A. Wierzbicka. – London etc. : Academic Press, 1987. – 397 p.
- Wilson D. Relevance Theory / D. Wilson, D. Sperber // The Handbook of Pragmatics. – Padstow : Blackwell, 2005. – P. 608–632.
- Wodak R. Disorders of Discourse / R. Wodak – L. : Longman, 1996. – 180 p.
- Wodak R. The Discourse of Politics in Action. Politics as Usual / R. Wodak. – Lancaster University : Palgrave Macmillan, 2009. – 252 p.
- Yokoyama O.T. Disbelief, lies and manipulations in a transactional discourse model / O.T. Yokoyama // Argumentation. – 1988. – № 2. – P. 133–151.
- Zyrianov I. The British Character and English Humour [Electronic resource] / I. Zyrianov. – Access mode : Amazon.co.uk.

СПИСОК СПРАВОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- АРС = Англо-русский словарь / [сост. В.К. Мюллер]. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1946. – 799 с.
- АРФС = Англо-русский фразеологический словарь / [сост. А.В. Кунин]; [изд. 4-е перераб. и доп.]. – М. : Русск. яз., 1984. – 942 с.
- Библейская энциклопедия Брокгауза [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://enc-dic.com/enc_bible/
- КСКТ = Краткий словарь когнитивных терминов / [сост. Е.С. Кубрякова, Д.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина]. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1996. – 245 с.
- ЛЭС = Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В.Н. Ярцева]. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
- НФС = Новейший философский словарь. – Минск : Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. – 1280 с.
- НЭ = Научная картина мира [Электронный ресурс] // Философская энциклопедия. – Режим доступа : http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/4560/НАУЧНАЯ
- Психологический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://psi.webzone.ru/st/081100.htm>

Толковый словарь Даля онлайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://slovardalja.net/>

Философская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_philosophy/

ФЭ = Физическая картина мира [Электронный ресурс] // Философская энциклопедия. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3574/
ФИЗИЧЕСКАЯ

ФЭС = Философия. энциклопедический словарь / [под ред. А.А. Ивина]. – М. : Гардарики, 2004. – 1072 с.

AW = AllWords.com. [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.allwords.com>

CALD = Cambridge Advanced Learner's Dictionary. – Second Edition. – Cambridge University Press, 2005. – 1572 p.

CDO = Cambridge Dictionary Online [Electronic resource]. – Access mode : <http://dictionary.cambridge.org/>

CODS = Marshall, Gordon (1994). The Concise Oxford Dictionary of Sociology.

DC = Dictionary.Com. [Electronic resource]. – Access mode : <http://dictionary.reference.com>

EB = Encyclopaedia Britannica De Lux. Electronic Version [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.encyclopediacenter.com/encyclopedia-britannica-2007.html>

LDCE = Longman Dictionary of Contemporary English. – England : Longman, 2003. – 1951 p.

LDCE = Longman Dictionary of Contemporary English. – Longman, 2003. – 1949 p.

LEDO = Longman English Dictionary Online [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.longmandictionariesonline.com/>

MD = Macmillan Dictionary [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.macmillandictionary.com/>

MED = Middle English Dictionary [Electronic resource]. – Access mode : <http://quod.lib.umich.edu/m/med/>

MW = Merriam-Webster Dictionary [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.merriam-webster.com/thesaurus/time>

MWCD = Merriam Webster's Collegiate Dictionary – [tenth edition]. – Springfield, Mass., 1993. – 1559 p.

OALD = Oxford Advanced Learner's Dictionary. – Oxford University Press, 1994. – 1576 p.

OALDO = Oxford Advanced Learner's Dictionary Online [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.oxfordadvancedlearnersdictionary.com/>

OCD = Oxford Collocations Dictionary for Students of English. – Oxford : Oxford University Press, 2002. – 807 p.

Ultralingua = Ultralingua [Electronic resource]. – Access mode : <http://ultralingua.com/onlinedictionary>.

WkP = Time in Physics: Wikipaedia [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.wikipaedia.physics.html>.

WB = Webster Dictionary // Encyclopaedia Britannica [Electronic resource]. – 4 Гб. – 2008. – 3 электр. опт. диск (CD-ROM) ; 12 см. – Систем. требования: Pentium ; 32 Mb RAM ; Windows 95, 98, 2000, XP ; MS Word 97-2000. – Название с контейнера.

YD = Your Dictionary [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.yourdictionary.com/>

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

‘Needs time’: Crimea slowly stabilizes as prices, salaries, pensions rise [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=DHtcYzjih0I>

Black Sea Fleet: 233 Years of Naval Glory [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=l8UVwOZQTto>

Crimea: A Look Inside the New Russian Territory [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=5k0t2eUqv3w>

How Putin Annexed Crimea From Ukrain [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=vYDxOnDGpHc>

Jokes & Fun about Philosophy & Logic [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.smart-words.org/humor-jokes/smart-jokes/logic-funny.html>

Sevastopol: the past and future of the Russian glory [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=e76Am3npiFw>

The Sunday Show – Russia Steps Up Repressions Of Crimean Tatars [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=Rdfp84VWURY>

Tourism In Crimea Collapses After Russia’s Annexation [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=rQdjYxTC6Pc>

Наукове видання

**БОНДАРЕНКО Євгенія Валеріївна
МАРТИНЮК Алла Петрівна
ФРОЛОВА Ірина Євгенівна
ШЕВЧЕНКО Ірина Семенівна**

**КАК НАРИСОВАТЬ ПОРТРЕТ ПТИЦЫ:
МЕТОДОЛОГИЯ КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНОГО
анализа языка**

**Колективна монографія
(російською мовою)**

Відповідальний редактор І. Шевченко
Комп'ютерне верстання Л. Зябченко
Дизайн обкладинки І. Шевченко
Текст подано в авторській редакції

Підписано до друку 01.06.2017. Формат 60x84/16.
Папір офсетний. Друк ризографічний.
Ум. друк. арк. 12,0. Обл.-вид. арк. 13,9.
Тираж 400 прим. Ціна договірна.

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна
61022, Харків, майдан Свободи, 4

Бондаренко Евгения Валериевна,
докт. филол. наук,
профессор каф. английской
филологии ХНУ им. В. Н. Каразина.

Область научных интересов:
*когнитивная лингвистика,
темпоралистика, переводо-
ведение, теория картины мира,
лингвокогнитивные аспекты
информационной войны.*

Мартынюк Алла Петровна,

докт. филол. наук,
профессор каф. теории
и практики перевода английского
языка ХНУ им. В. Н. Каразина.

Область научных интересов:
*когнитивная лингвистика, теория
коммуникации, теория дискурса,
семиотика, гендерная лингвистика.*

Фролова Ирина Евгеньевна,

докт. филол. наук,
профессор каф. теории
и практики перевода английского
языка ХНУ им. В. Н. Каразина.

Область научных интересов:
*дискурсология, лингвопрагматика,
коммуникативная лингвистика,
лингвоконфликтология,
переводоведение.*

Шевченко Ирина Семеновна,

докт. филол. наук, профессор,
академик АН ВШ Украины,
зав. каф. делового иностранного
языка и перевода ХНУ
им. В. Н. Каразина.

Область научных интересов:
*дискурсология, когнитивная
семантика, когнитивная прагма-
тика, социолингвистика, теория
коммуникации, историческая
прагмалингвистика, историческая
когнитивная лингвистика,
переводоведение.*

ISBN 978-966-285-416-9

9 789662 854169 >